

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Econ 146. 4.10

Harvard College Library

BOUGHT WITH MONEY
RECEIVED FROM THE
SALE OF DUPLICATES

ИЗДАНИЕ О. Н. ПОПОВОЙ.

Г. ГИГГСЪ.

Физиократы.

Переводъ подь редакціей П. Струве.

Цѣна 50 коп.

Книжный магазинъ и складъ изданій О. Н. Поповой
С.-Петербургъ, Невскій, 54.

1899.

Digitized by Google

С.-Петербургъ, Невскій, 54.

Изданія О. Н. Поповой:
Образовательная библіотека.

Издание выходитъ сериями, по одной въ годъ, заключающими каждая 10 книжекъ отъ 7 до 12 печатныхъ листовъ небольшого формата плотной печати.

Задача Образоват. Библіотеки — дать рядъ общедоступно составленныхъ книгъ по всѣмъ отраслямъ научнаго знанія. Естественнаго во всемъ его объемѣ, философіи и ея исторіи, психологіи, этики и эстетики, исторіи культуры и социологіи, политической экономіи и правовѣденіе, исторіи литературы и искусства—всѣ эти отрасли будутъ представлены въ „Образ. Библіотекѣ“.

Серія 1898 года.

Вышли изъ печати:

ПАРБУСЪ. Мировой рынокъ и сельскохозяйственный кризисъ. (Der Weltmarkt und die Agrarkrisis). Переводъ съ немецкаго Л. Я. Ц. 40 к.

ЧЕМБЕРСЪ. Солнечная система. Переводъ съ англійск. В. Щигловой. Съ 78 рис. Ц. 40 к.

ЛАНГЛА и СЕНЬОВСЪ. Введеніе въ изученіе исторіи. Переводъ съ французскаго А. Серебряковой. Спб. 99. Ц. 1 р.

БОЛИНЪ. Спиноза. Биографическій и культурно-историческій очеркъ, съ портретомъ Спинозы. Перев. съ англ. З. Журавкой и Д. Страндена, подъ ред. П. Струве. Спб. 99. Ц. 60 к.

ГЕГЕСЪ. Физиократы. Французскіе экономисты XVIII вѣка. Перев. съ англ. О. Н. Гофманъ подъ ред. П. Струве. Спб. 99. Ц. 50 к.

Выйдутъ, между прочимъ, слѣдующія сочиненія: Гумпловичъ. Основанія социологіи. Перев. съ нем. подъ ред. прив.-доц. В. М. Гессена. Мильталеръ. Что такое красота. Введеніе въ эстетику. Перев. З. А. Венгеровой и др.

2-я серія составитъ около 100 печатныхъ листовъ (до 1.600 страницъ).

Цѣна по подпискѣ 4 р., съ перес. 5 р.

Серія 1897 года.

№ 1 и 2. Э. КЛОДДЪ. Картина міра. Дѣтство человечества. Писанеры эволюціи XIX в. 488 стр. съ 93 рис. Ц. 1 р.

№ 3. Д. ЧЕМБЕРСЪ. Повѣсть о звѣздахъ. 20 рисунк. и 2 карт. всего звѣзднаго неба. 132 стр. Ц. 40 к. Учен. Комитет. М. Нар. Просв. рекомендована для ученич. библіотекъ (старш. и средн. возр.) средн. учебн. заведеній, мужскихъ и женскихъ, и для безплатн. народн. библіотекъ и читальнѣ.

№ 4 и 5. Н. КАРЫШЕВЪ. Трудъ, его роль и условія приложенія въ производствѣ. 600 стр. Ц. 1 р. 20 к.

№ 6 и 7. А. ЛАМПД. Силы природы и естественные законы. Съ портретами: Ньютона, Галилея, Кавендиша, Фарадая, Гельмгольца, Лапласа, Канта, Тиндалла, Дюбуа, Буассиера, Максвелла, Кельвина, Сименса, Герца и Рентгена. Двѣ части. Ц. по 50 к. за часть.

Учен. К. М. Н. Пр. признала заслуживающей особой рекомендаціи для фундамент. и учебнич. старш. возр., библ. мужск. гимназій и реальн. училищъ, для фундамент. библ. женск. гимн. и учит. институтовъ и семинарій, а также для народн. библ. и читальнѣ.

№ 8 и 9. СѢЧЕНОВЪ. И. Физиологическіе очерки. Съ 116 рис. Ц. за 2 части 1 р. 50 к.

№ 10. БРОНЕНБЕРГЪ. Философія Канта и ея значеніе въ исторіи развитія мысли. 120 стр., съ портретомъ Канта. Ц. 40 к.

Цѣна 1-ой серіи 4 р., съ перес. 5 р. При розничной продажѣ учащимся 20% уступки.

Образовательная библиотечка.

Серія 2-я (1898 г.) № 6.

Г. Гиггсъ.

(Henry Higgs).

Физиократы.

Французскіе экономисты XVIII вѣка.

Шесть лекцій по исторіи политической экономіи (читаны въ Лондонской Экономической Школѣ).

Переводъ съ англійскаго О. Ю. Гофманъ

подъ редакціей П. В. Струве.

Цѣна 50 коп.

Книжный магазинъ и контора изданій О. Н. Поповой.

Слѣб. Невскій, 54.

1899.

Econ 14-5. 4110
✓

Duplicate Money

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 2 Ноября 1898 г.

F

Текстъ печатанъ въ типографіи А. Лейферта, Б. Морская, 65.
Обложка и титулъ въ типографіи Исидора Гольдбергга, Елкатерин. кан., 94.

I.

О физиократахъ было произнесено такъ много разнорѣчивыхъ сужденій со стороны историковъ, философовъ, экономистовъ и государствовѣдovъ, что врядь ли найдется какое нибудь важное и общее положеніе, которое было бы высказано о нихъ однимъ писателемъ и не было бы опровергнуто другимъ. Токвиль видѣлъ въ нихъ писателей, доктринерски защищавшихъ абсолютное равенство. Руссо считалъ ихъ представителями „легальнаго“ и, по своей легальности, ненавистнаго для него деспотизма. Профессоръ Конъ находитъ ихъ главныя предположенія „вполнѣ“ социалистическими. Луи Блану они казались проникнутыми *буржуазнымъ* индивидуализмомъ. Для Ленгэ ихъ мистическій жаргонъ представлялся шарлатанской безсмыслицей, которую они сами едва ли понимали. Вольтеръ, наоборотъ, находилъ ихъ ученіе крайне яснымъ и доступнымъ (и смѣшнымъ) даже для людей средняго пониманія. Тѣмъ и многіе другіе писатели полагали, что физиократы могущественно содѣйствовали революціи. Для Карлейля, который относился иронически къ „побѣдоносному анализу“ и съ презрѣніемъ говорилъ о „кисло-сладкомъ сентиментализмѣ“, они были просто незначительною литературною струею, всплывшею на поверхности великаго потока. Русси восхвалялъ ихъ за широкое синтетическое пониманіе социальнаго строя. Нѣкоторые писатели, какъ напримѣръ Маблі, обвиняли ихъ въ укомѣ материализмѣ, другіе же судьи считаютъ

Гитль «Физиократы».

ихъ опредѣленными деистами. Прудонъ видѣлъ въ ихъ системѣ налоговъ прекрасную утопію, другіе же находили у нихъ полное отсутствіе какого бы то ни было идеала. Де-Ломени находить у нихъ удивительное сочетаніе самыхъ противорѣчивыхъ взглядовъ — монархическихъ, демократическихъ, полу-соціалистическихъ и ультраконсервативныхъ. Адамъ Смитъ утверждалъ, что „изъ всѣхъ до сихъ поръ напечатанныхъ сочиненій по политической экономіи, ихъ система, несмотря на всѣ присущіе ей недостатки, наиболѣе приближается къ истинѣ, и поэтому заслуживаетъ вниманія всѣхъ тѣхъ, которые желаютъ тщательно изслѣдовать основные принципы этой великой науки“. Многіе составители маленькихъ руководствъ по политической экономіи, считавшіе себя болѣе компетентными, чѣмъ Адамъ Смитъ, относились къ нимъ, какъ къ людямъ, жившимъ въ невѣжественную эпоху до 1776 года и проповѣдававшимъ нелѣпыя взгляды на землю. По мнѣнію однихъ писателей, ученіе ихъ имѣло временный успѣхъ, который смѣнился полною и продолжительною реакціею. Въ то же время Леонъ Сэ утверждаетъ, что принципы ихъ, потерпѣвшіе крушеніе въ XVIII вѣкѣ, приобрѣли господствующее значеніе въ XIX вѣкѣ. Нѣкоторые серьезные писатели, тщательно искавшіе историческихъ прецедентовъ для своихъ идей, ссылались на авторитетъ физиократовъ въ подтвержденіе своихъ взглядовъ, другіе же, отстаивая оригинальность своихъ ученій, съ жаромъ доказывали, что идеи, которыя они выдвигали на первый планъ, были совсѣмъ чужды физиократамъ. Большинство же писателей ограничивалось тѣмъ, что повторяло истрепанныя ходячія фразы того или другого изъ предшественниковъ, совсѣмъ не обращаясь къ подлиннымъ сочиненіямъ физиократовъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, никто изъ современныхъ писателей не читалъ всѣхъ изданныхъ сочиненій какого бы то ни было представителя школы физиократовъ, напр., маркиза Мирабо. Къ счастью, теперь это лишне. Разъ основные принципы ихъ доктрины вполнѣ усвоены нами, мы избавлены отъ необходимости перечитывать растянутыя повторенія и скучное фразерство, которыми переполнены девять десятыхъ ихъ литературныхъ произведеній. Тѣмъ не менѣе, такое изученіе необходимо

для надлежащаго ознакомленія съ исторіею экономическихъ теорій, ибо первую научную школу въ политической экономіи были физиократы.

Правда, меркантилисты предшествовали физиократамъ, но, строго говоря, они не были вовсе „школой“. Между различными писателями, являвшимися въ продолженіе болѣе столѣтія представителями такъ называемой „меркантильной системы“, нѣтъ никакой внутренней связи.

Подъ общей кличкой меркантилизма объединяются различные взгляды, которые доказываютъ только общность тенденцій ихъ авторовъ, но никакимъ образомъ не свидѣтельствуютъ объ общей доктринѣ или даже о знакомствѣ съ сочиненіями другъ друга. Въ лицѣ физиократовъ, наоборотъ, мы видимъ союзъ людей, связанныхъ между собою общностью идей и признаніемъ извѣстныхъ авторитетовъ, людей, преслѣдующихъ опредѣленные цѣли, во имя которыхъ они сплотились въ обособленную группу. Противъ такого союза ожесточенно возсталъ Тюрго, поклонникъ индивидуальной свободы мысли и дѣйствія. „Сектантскій духъ“, говоритъ онъ, „порождаетъ противъ полезныхъ истинъ вражду и вызываетъ ихъ преслѣдованія. Когда отдѣльное лицо скромно отстаиваетъ то, что кажется ему истиной, его выслушиваютъ, если оно право, и о немъ забываютъ, если оно неправо. Но когда ученые сплываются въ тѣсный союзъ, когда они, говоря о себѣ, пишутъ „мы“ и думаютъ, что они могутъ предписывать законы и господствовать надъ общественнымъ мнѣніемъ, тогда оно справедливо возмущается противъ нихъ, ибо только одна истина, а не какойнибудь авторитетъ, должна имѣть законодательную власть. Всякому идейному союзу обыкновенно приходится видѣть на дѣлѣ, какъ глупые, взбалмошные и невѣжественные люди, руководимые исключительно суетнымъ тщеславіемъ, примыкаютъ къ нему и становятся подъ его знамя. Они совершаютъ нелѣпости и безсмыслицы, а раздраженные противники пользуются этимъ для того, чтобы указать на безразсудство всего союза и всѣхъ его членовъ“. Тюрго отказывался стать въ ряды физиократовъ, но, какъ мы увидимъ ниже, онъ во многихъ отношеніяхъ разделялъ ихъ взгляды. Физиократы не были исключительно теоретической шко-

лой, они были также школой политической дѣятельности. Въ числѣ ихъ послѣдователей мы находимъ королей и князей. Сочиненія ихъ оказали большое вліяніе на великую французскую революцію, и даже въ наше время они еще не утратили своего значенія. Прежде чѣмъ выяснитъ происхождение и дать оцѣнку значенія ихъ научныхъ трудовъ, необходимо вкратцѣ указать на историческія условія, въ связи съ которыми должны быть разсматриваемы ихъ идеи.

Въ началѣ восемнадцатаго столѣтія экономическое и финансовое положеніе Франціи было поистинѣ печально. Вопреки ея огромнымъ естественнымъ богатствамъ, разнообразію и благоприятности ея климатическихъ условій, вопреки плодородію прекрасно орошаемой почвы, бережливости, трудолюбію и интеллигентности ея населенія, всѣ попытки такихъ выдающихся министровъ, какъ Мазарини и Кольберъ, увеличить національное богатство страны оказались тщетны, благодаря безумной политикѣ „Великаго Монарха“. Огромныя траты на иностранныя походы и безумная расточительность на родинѣ были причиною того, что послѣ его смерти, въ 1715 г., государство было обременено долгомъ въ 3460 милліоновъ франковъ, изъ которыхъ болѣе 3300 фр. были сдѣланы уже послѣ смерти Кольбера въ 1683 году. Убийственныя войны, понизившія рождаемость и увеличившія смертность, „актъ религіозной нетерпимости, отвергнутый религіею“—¹⁾ изгнаніе протестантовъ—повели къ тому, что численность населенія сократилась съ 1660 года на 4 милліона, т. е. на 20%²⁾. Цѣнность земледѣльческихъ продуктовъ понизилась на одну треть со времени вступленія на престолъ Людовика XIV. Налоговое бремя возрастало, несмотря на то, что число плательщиковъ уменьшилось. По расчетамъ компетентныхъ

---

¹⁾ Levasseur, Recherches historiques sur le système de Law. Paris, 1854 p. 1.

²⁾ Lavergne, Les économistes français du XVIII siècle, Paris, 1870 p. 65. Тамъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, преувеличивается цифра смертности, бывшая результатомъ нищеты и голода, считая ее равною 6 милліонамъ за промежутокъ отъ 1690 до 1715 г. L'Asocial Régime, v. I p. 430.

судей оказывалось, что двѣ трети всей взимаемой суммы налоговъ поглощались издержками ихъ взиманія ¹⁾. Жалкіе преемники Людовика XIV, Филиппъ, герцогъ Орлеанскій, и Людовикъ XV проматывали національные доходы..... Система Ло, которую обыкновенно считаютъ въ значительной степени отвѣтственной за послѣдовавшія финансовыя затрудненія Франціи, въ дѣйствительности, какъ это не трудно доказать, въ общемъ имѣла очень мало вліянія или даже не оказала никакого вреднаго воздѣйствія на государственную казну ²⁾ ни въ ближайшее, ни въ болѣе отдаленное время. Она, напротивъ, послужила полезнымъ урокомъ, показавъ воочію, какъ могущество кредита, такъ и связанная съ нимъ опасности, и горькимъ опытомъ убѣдивъ массы въ безразсудствѣ погони за богатствомъ, путемъ игры, а не посредствомъ честнаго труда. Дворъ продолжалъ по прежнему поддерживать свой наружный блескъ, а *сенаторы*, окружавшіе короля въ Версалѣ, соперничали другъ передъ другомъ въ роскоши и расточительности. Земледѣльцы, въ лицѣ молодого поколѣнія, покидали села; забросивъ свои мрачныя фермы и скрываясь отъ ненавистной военной службы, они стремились въ города, куда ихъ манилъ блескъ и то обезпеченіе, какое сулило имъ услуженіе у привилегированныхъ классовъ. Такой отливъ экономическихъ силъ изъ селъ въ городъ еще болѣе увеличилъ контрастъ между роскошью и нищетою, а превратная финансовая система всею своею тяжестью ложилась на и безъ того уже подавленную національную промышленность. Обложенію прямымъ налогомъ—*taille*—подлежали только лица низшаго сословія и ихъ имущества, а не дворянство и духовенство, которыя, благодаря остатку феодальныхъ фикцій, были обязаны королю только личною служ-

---

¹⁾ Quesnay, приводится у Лаверя.

²⁾ Люди, осуждающіе Ло, вѣроятно, найдутъ пищу для размышленій въ томъ фактѣ, что разоренный, впавшій въ немилость и изгнанный изъ Франціи, ояъ получилъ приглашеніе отъ русскаго царя занять постъ министра финансовъ. Ло отклонилъ это предложеніе. Lemontey. Histoire de la Régence, 1832 v. I p. 342.

бою, а не деньгами, такъ что самый фактъ обложенія *taille* былъ равносильнъ лишенію дворянства. Лицо, имѣвшее возможность купить дипломъ на дворянство, тѣмъ съмымъ освобождалось отъ уплаты *taille*. Неравномѣрность, с которой этотъ налогъ вимался въ различныхъ мѣстахъ и съ различныхъ людей, являлась еще новымъ источникомъ народнаго обремененія. *Cabelle*, косвенный налогъ, установленный на соль, въ однихъ округахъ доходилъ до 62 франковъ съ квинтала, въ другихъ онъ равнялся 33 фр. 12 су, въ третьихъ— 21 ф. 12 су; въ нѣкоторыхъ округахъ населеніе откупилося отъ него, а въ другихъ оно было освобождено отъ уплаты его. За исключеніемъ этихъ привилегированныхъ округовъ, въ остальныхъ всякое лицо, старше 8-ми лѣтняго возраста, должно было оплатить налогомъ, по меньшей мѣрѣ известное количество соли (*sel de devoir*); самое взиманіе производилось съ возмутительною жестокостію и поглощало до 50% собираемой суммы. Косвенные налоги сдавались на откупъ компаніи финансистовъ (*fermiers-généraux*), которые ежегодно уплачивали государству впередъ известную сумму и, такимъ образомъ покупали собираемые ими взносы. Вооруженные подавляющею властію, они производили домашніе обыски, конфисковали имущество, заподозрѣнное въ контрабандномъ провозѣ, преслѣдовали и задерживали контрабандистовъ (которыхъ ожидала каторга или висѣлица), чѣмъ вызывали не мало кровопролитныхъ столкновеній..... Въ 1737 году *coignée*, состоящая въ обязанности крестьянъ снабжать государство даровымъ трудомъ и службою, въ томъ числѣ посвящать ежегодно опредѣленное количество дней на починку дорогъ—было распространено на всю страну. Стоимость дарового труда равнялась 1.200,000 ливровъ въ 1758 году, причемъ самимъ крестьянамъ трудъ обходился въ значительной степени дороже. По расчетамъ Неккера эта сумма доходила до 624,000 ливровъ для одного лишь Берри. *Coignée* обнимала собой также постои и провозъ солдатъ. Правда, регулярная армія набиралась посредствомъ системы найма или вербовки, а не путемъ рекрутскаго набора; но каждый округъ обязанъ былъ поставить въ ополченіе известное число новобранцевъ. Служба эта была

настолько тягостна что рекруты бѣжали въ лѣса и горы, а въ погоню за ними слѣдовали ихъ сосѣди, которые вовсе не желали отбывать службу за нихъ. Волонтеры-замѣстители не принимались на службу, дабы не подорвать самой системы набора. Независимо отъ этихъ и многихъ другихъ національных бѣдствій существовала еще десятина и инныя многочисленныя обременительныя повинности. Мелочная регламентація стѣсняла промышленность и торговлю. Въ 1664 году Кольберъ облегчилъ и упростилъ систему пошлинъ ¹⁾, но Форбонне все же насчитываетъ 28 видовъ пошлинъ въ одномъ только округѣ Луары. До 1754 года свободный вывозъ хлѣба изъ одной провинціи Франціи въ другую, а тѣмъ болѣе въ иностранныя государства,—былъ воспрещенъ. Крестьянинъ былъ опутанъ сѣтью повинностей по отношенію къ своему феодальному владѣльцу, и, хотя нѣкоторые платежи были прямо ничтожны, тѣмъ не менѣе, они вызывали ужасное раздраженіе. Финансовый дефицитъ былъ хроническій. Национальный капиталъ, служившій жизненнымъ источникомъ промышленности, продолжалъ отливать, и силы націи истощались. Часто не хватало сѣмянъ для посѣва. Въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія огромныя площади земли оставались необработанными, и на значительномъ протяженіи страны бѣдняки были принуждены питаться травою и водою какъ стада въ поляхъ. На вопросъ короля, обращенный къ епископу Шартрскому, о томъ, какъ живется его паствѣ, тотъ отвѣчалъ, что прихожане его ѣдятъ траву, какъ овцы, и мрутъ, какъ мухи. Епископъ Клермонъ-Феррана, описывая условія жизни своей паствы, говоритъ о ней, что, лишленная даже кроватей и домашней утвари, она большую часть времени проводитъ безъ единственной своей пищи—ячменнаго хлѣба и овсяныхъ лепешекъ; по мнѣнію епископа; ея положеніе гораздо печальнѣе положенія негровъ-рабовъ въ колоніяхъ, у которыхъ, по крайней мѣрѣ, есть хлѣбъ и одежда. Правительственный комиссаръ (intendant) Буржа доносилъ, что многія семьи по два дня оставались безъ пищи, и что въ нѣкоторыхъ

---

¹⁾ См. P. Clément. Colbert, Lettres et Instructions, 112, 787—796.

округах голодающіе по цѣлымъ днямъ не встаютъ съ своего ложа, желая сократить свои страданія. Его коллега въ Орлеанѣ рассказываетъ о бѣдныхъ вдовахъ, которыя должны были сжечь, за недостаткомъ топлива, свои деревянныя кровати и плодовые деревья. Нищихъ было безконечно много. Хлѣбныя бунты повторялись такъ часто и съ такимъ ожесточеніемъ, что ихъ можно было подавить только съ помощью оружія, Молодые люди и дѣвушки отказывались вступать въ бракъ, не желая увеличивать числа нищихъ. И, тѣмъ не менѣе, все это время даже самыя бѣдныя семьи были вынуждаемы къ уплатѣ налоговъ. Сборщики вламывали двери, захватывали утварь, одежду и даже послѣднюю мѣру муки; они продавали даже матеріалъ, изъ котораго были сдѣланы постройки, притомъ по такой ничтожной цѣнѣ, что ея не хватало на уплату расходовъ по описи имущества. Повинности, собираемыя съ земли, были настолько раззорительны, что нѣкоторые владѣльцы предпочитали покинуть свои фермы, и многіе послѣдовали бы этому примѣру, если бы законъ не конфисковалъ всего находящагося въ данномъ мѣстѣ имущества того собственника, который забрасывалъ свою землю. „Французскій народъ того времени“, говоритъ Тэнъ, „подобенъ человѣку, шествующему по подбородокъ въ водѣ; достаточно малѣйшей неровности дна, ничтожнѣйшей струи, и онъ теряетъ равновѣсіе, падаетъ и захлебывается. Тщетно старая благотворительность и новая гуманность пытаются помочь ему; вода слишкомъ высоко поднялась. Необходимо, чтобы уровень ея понизился, и чтобы она нашла какой-нибудь выходъ. До тѣхъ же поръ, несчастному человѣку суждено дышать только урывками, и каждую минуту онъ рискуетъ утонуть¹⁾“. Правда, кое-гдѣ, нѣкоторымъ изрѣдка удавалось припрятать немного денегъ и втайнѣ пользоваться извѣстнымъ относительнымъ достаткомъ. Въ та-

---

¹⁾ Taine, L'Ancien Régime, vol. I pp. 429—441. Онъ указываетъ на то, что средняя сума обложенія мелкаго крестьянина-собственника (taille и пр. десятина и феодальныя повинности) равнялась 82% всего его бюджета.

кихъ случаяхъ, они, или пріобрѣтали клочекъ земли, что увеличивало число жертвъ господствовавшей податной системы, или же прятали свои деньги въ потайныхъ мѣстахъ. Такъ какъ при обложеніи руководствовались внѣшнимъ богатствомъ облагаемаго лица, то не было никакихъ побудительныхъ мотивовъ къ улучшенію хозяйства и къ увеличенію его доходности, ибо сборщики-хищники могли конфисковать такую часть доходовъ, которая въ значительной степени превосходила добавочную прибыль. Плательщики откладывали уплату налоговъ, умышленно подвергая себя законной отвѣтственности, держа и кормя у себя по цѣлымъ днямъ сборщиковъ изъ опасенія, чтобы быстрая и аккуратная уплата повинностей не вызвала бы подозрѣнія въ большемъ богатствѣ и не привела бы на слѣдующій годъ къ увеличенію обложенія. Дворяне, дѣйствительно, стояли между народомъ и трономъ, но, по исполненнымъ горечи словамъ Шанфора, „они занимали такое же положеніе, какое занимаютъ борзья собаки по отношенію къ охотнику и зайцу“.....

Таковы были въ общихъ чертахъ экономическія бѣдствія стараго режима (ancien régime). Столь печальное положеніе вещей не могло не вызывать критики мыслящихъ людей того времени. Минуя Лабрюэра и Фенелона, мы подходимъ къ концу семнадцатаго столѣтія, къ эпохѣ, когда дѣйствовалъ Буагильберъ, мужественный, краснорѣчивый и хорошо освѣдомленный писатель (1647—1714) ¹⁾. Онъ былъ государственнымъ чиновникомъ въ Нормандіи и далъ намъ картину, въ которой изобразилъ народную нищету, очертилъ ошибки правительства и взаимныя отношенія между народомъ и правительствомъ, и подвергъ ихъ немилосердной критикѣ. Онъ побуждалъ слѣдовавшихъ другъ за другомъ министровъ приступить къ реформамъ, упростить и понизить налоги. Убѣжденный въ томъ, что земледѣліе эта существеннѣйшая хозяйственная отрасль страны, гибнетъ, онъ настаивалъ на уничтоженіи оковъ, связывавшихъ внутреннюю и внѣшнюю торговлю ²⁾. Наконецъ онъ впалъ въ

---

¹⁾ Détail de la Factum de la France 1707.

²⁾ Впрочемъ, свободу ввоза онъ допускалъ только въ голодные годы.

немилость и былъ высланъ въ Овернь, во избѣжаніе докучливаго его вмѣшательства въ государственныя дѣла. Въ 1707 году, великій воинъ маршалъ Вобанъ, на 74-мъ году своей жизни выпустилъ въ частное обращеніе свое анонимное сочиненіе *Dixme Royale* или предложеніе замѣнить разнородныя налоги общею десятиною, наложенною на всѣ общественныя классы и на всѣ виды доходовъ. Въ этомъ же году онъ умеръ отъ огорченія, причиненнаго ему королевской немилостью и задержаніемъ его книги, угрожавшей, якобы, общественной безопасности ¹⁾. Въ его смѣломъ проектѣ упрощенія обложенія армія финансистовъ и чиновниковъ урѣзала угрозу неприкосновенности своего положенія. Предложенія, направленные къ тому, чтобы обложить привилегированные классы наравнѣ съ другими, само собою разумѣется, должны были возмутить ихъ. Самолюбіе короля не могло не быть уязвлено тою наивностью, съ которою Вобанъ доказывалъ ему, что онъ, какъ это писалъ С. Симонъ въ тиши своего кабинета, не величайшій монархъ Европы, а просто „король оборванцевъ“. „Впродолженіе моихъ сорокалѣтнихъ странствованій, говоритъ Вобанъ, „я дѣйствительно внимательно изучалъ положеніе народа. Буагильберъ ²⁾ вполне правъ. Обложеніе достигло апогея нелѣпости. Улицы и дороги кишатъ нагими и голодными людьми. Изъ десяти человѣкъ одинъ нищій, пятеро слишкомъ бѣдны для того, чтобы подать ему милостыню, трое, навѣрное, больны или обременены долгами или процессами, а десятый не представляетъ въ своемъ лицѣ и 100,000 семействъ. Я

---

¹⁾ См. изслѣдованіе на эту тему А. М. Boislesle—*De la proscription de la dime royale*. Paris. 1875. Нашечатанныя тамъ официальныя данныя показываютъ, какъ близко къ сердцу принялъ Вобанъ запрещеніе, наложенное на эту книгу, и какъ оно было строго выполнено; вмѣстѣ съ тѣмъ эти данныя опровергаютъ утверждаемое Вольтеромъ и другими писателями мнѣніе, будто авторъ этой книги былъ Аббатъ-де-Бомонъ, а не Вобанъ. Вслѣдъ за запрещеніемъ, наложеннымъ на *Dixme Royale* 14 марта 1707 г., въ тотъ же день было задержано *Factum de la France* Буагильбера за его возмутительный характеръ.

²⁾ Вобанъ познакомился съ нимъ лично.

не думаю, чтобы можно было насчитать болѣе 10,000 богатыхъ людей; къ нимъ и принадлежатъ состоятельные купцы, чиновники и любимцы короля. Отбросьте ихъ, и у насъ не останется богачей“.

Онъ клеймилъ роскошь, привилегіи, государственные долги и систему откупа налоговъ, прославлялъ трудъ, земледѣліе и равенство передъ закономъ: короли—утверждалъ Вобанъ—весьма серьезно заинтересованы въ томъ, чтобы не обременять свой народъ непосильными тягостями, лишаящими его даже необходимыхъ средствъ существованія.

Полстолѣтіе должно было пройти прежде, чѣмъ идеи Вобана вновь возродились въ видоизмѣненной формѣ въ ученіи физиократовъ, причемъ ораторъ ихъ былъ посаженъ въ тюрьму за подобныя рѣчи. Такова была ободряющая атмосфера, окружавшая первыхъ писателей, затронувшихъ вопросы обложенія. Послѣ Вобана они долго хранили молчаніе, и національный умъ, казалось, лежалъ подъ спудомъ. „Правительство“, говоритъ Бокль ¹⁾ „подавило духовныя силы страны“. Система Ло была причиною появленія цѣлаго ряда сочиненій о бумажныхъ деньгахъ, и въ 1734 году Мелонъ, бывший министръ юстиціи, издалъ свой *Essai politique sur le commerce*. Въ 1724 году аббатъ Алари основалъ небольшой клубъ *Club de l'Entresol*, который собирався въ его квартирѣ ²⁾, на Вандомской площади въ Парижѣ; здѣсь обсуждались экономическіе вопросы. Въ числѣ членовъ этого клуба были Боллингброкъ, Д'Аржансонъ и аббатъ Сень-Пьеръ. Но въ 1731 году клубъ былъ закрытъ, потому что тогдашнему министру Флери не нравилось то, что тамъ занимались обсужденіемъ государственныхъ вопросовъ. Тогда исключенный изъ академіи Сень-Пьеръ занялся составленіемъ безчисленныхъ проектовъ; отъ ре-

---

¹⁾ Hist. of Civilisation in England, vol. II p. 291 ed. 1868.

²⁾ Въ домѣ президента Гено. Разсказъ объ этомъ клубѣ можно найти у Д'Аржансона. *Mémoires*, 1825, pp. 247—269. Болгунъ Аббатъ-де-Помпонъ былъ виновенъ въ закрытіи клуба. Разсказъ Лаверя объ основаніи клуба невѣренъ.

формы правописанія онъ переходилъ къ необходимости культивировать каштановое дерево, отъ пользы народной переписи ко вреду обезцѣненія денегъ и къ мечтамъ о всеобщемъ мирѣ. Хотя нѣкоторыя изъ его сочиненій и не лишены извѣстнаго значенія и съ точки зрѣнія экономиста, тѣмъ не менѣе, мы не будемъ останавливаться на нихъ. Экономическія размышленія Д'Аржансона появились только въ 1764 году ¹⁾. Въ продолженіе всей первой половины восемнадцатаго столѣтія, правительственныя дѣйствія не подвергались критикѣ. Послѣ Ахенскаго мира въ 1748 году, во всѣхъ областяхъ мысли—въ религіи, политикѣ, философіи и въ наукѣ—наступила эпоха возрожденія; въ значительной степени она была вызвана вліяніемъ англійскихъ писателей, главнымъ образомъ, Локка. Старыя, кристаллизовавшіяся формы мысли и дѣйствія должны были пасть подъ разлагающимъ вліяніемъ свободной критики и безстрашнаго изслѣдованія. Въ 1748 году появилось *Esprit des Lois* Монтескье, въ 1751 г. начала выходить Энциклопедія Дидеро и Д'Аламбера. Вольтеръ и Руссо уже точили свои перья и начали писать. Гурнэ, назначенный въ 1751 г. комиссаромъ торговли, занялся изученіемъ англійскихъ экономистовъ, перевелъ Чайльда и Кельпера и направилъ въ ту же сторону умъ Тюрго, котораго онъ убѣдилъ перевести одно изъ сочиненій Текера. Въ 1756 г. появились во французскомъ переводѣ оригинальные и будящіе мысль опыты Юма. Усилія Дю-Пэна ²⁾, Гурне, Трюдэна,

---

¹⁾ Сенъ-Бевъ посвятилъ двѣ изъ своихъ *Causeries du Lundi* Д'Аржансону (3 и 10 ноября 1853) т. XII р. 93, édition 1857. Онъ указываетъ на то, что *Considérations* 1764 года, было очень неудовлетворительнымъ изданіемъ оригинальной рукописи, и что изданіе 1784 года, которое считается „лучшимъ“ также неточно и неполно. Заглавіе, данное самимъ Д'Аржансономъ, было: *Jusques où la démocratie peut être admise dans le gouvernement*.

²⁾ Откупщикъ и дѣлъ Жоржъ Зандъ. Трактатъ его о хлѣбной торговлѣ, напечатанный отдѣльно подъ заглавіемъ: *Mémoire sur les Bleds*, 1748, является первую зачетю свободной хлѣбной торговли французскимъ писателемъ. Онъ

Фурке и Машо привели къ тому, что правительство въ 1754 г. издало указъ, разрѣшающій свободу хлѣбной торговли внутри Франціи. Въ своемъ *Essai sur la police des grains* (1755) Эрберъ ратовалъ за свободу вывоза. Но сочиненіемъ, возвѣстившимъ новую эру плодотворной и оригинальной работы французской экономической мысли, было появившійся въ 1755 г. *Essai sur la nature du commerce en général*—Кантильона. Этотъ маленькій томъ въ 430 страницъ, въ двѣнадцатую долю листа, по достоинству значительно превосходитъ все то, что было написано до него, и имѣлъ огромное вліяніе на умы руководящихъ писателей ¹⁾. Кантильонъ, умершій въ 1734 г. былъ англійскій банкиръ, ирландецъ по происхожденію. Онъ былъ владѣльцемъ многихъ домовъ въ различныхъ странахъ Европы и нажилъ себѣ громадное состояніе благодаря своимъ дѣльнымъ операціямъ въ Парижѣ при господствѣ системы Ло. Съ большимъ знаніемъ дѣла онъ принялся за изученіе основныхъ началъ, управляющихъ производствомъ, распредѣленіемъ и потребленіемъ богатства. Къ несчастію, оригиналы его англійскихъ сочиненій утеряны. Но опытъ его ходилъ по рукамъ въ рукописи, и мы имѣемъ французскій переводъ одной части этого сочиненія, сдѣланный имъ для своего французскаго друга. Меркантилисты были всегда очень заняты разрѣшеніемъ задачи: какимъ образомъ правительство можетъ содѣйствовать благосостоянію своей націи? Национализмъ, государственное вмѣшательство и партикуляризмъ составляютъ сущность ихъ экономической политики. Что чело-

---

представляетъ первую главу его сочиненія *Œconomiques*, Carlsruhe, 1745 г. 3 т., подвергнутаго строгому преслѣдованію, и теперь выходящаго только въ трехъ экземплярахъ.

¹⁾ См. прекрасный опытъ Джовенса о Кантильонѣ въ *Contemporary Review* (Январь 1881) „The nationality of political economy“. Я сообщилъ еще нѣсколько данныхъ о жизни и сочиненіяхъ Кантильона въ *Economic Journal* т. 1 № 2. Іюль 1891 г. Кауцъ указываетъ на то, что нѣсколько мыслей, высказанныхъ физиократами, могутъ быть найдены у *Aegill—Several assertions proved in Order to create another species of money than gold and silver, 1696*, и у *Vanderlint Money answers all things 1734*. Можно было бы еще увеличить число подобныхъ ссылокъ, но нѣтъ никакихъ указаній того, что физиократы знали о существованіи этихъ книгъ.

вѣкъ, много путешествовавшій, имѣеть меньше шансовъ сдѣлаться проводникомъ узкихъ національныхъ идей, въ этомъ убѣждаетъ насъ вышедшій въ 1691 г. *Discourse of trade* Дедлей Норса, а въ особенности книга Николая Барбона, выпущенная подъ тѣмъ же заглавiемъ за годъ до того 4). Кантильонъ и его послѣдователи являются представителями болѣе широкихъ, общихъ и философскихъ взглядовъ на основные, примѣнимые ко всѣмъ народамъ и ко всѣмъ временамъ, принципы науки о народномъ хозяйствѣ, хотя они въ то же время не отрицаютъ влiянiя и значенiя условiй мѣста и времени. Слова *en général*, фигурирующiя въ заглавii его книги, очень характерны. Они указываютъ на переворотъ, совершившiйся во мнѣнiяхъ, на переходъ отъ узкой національной точки зрѣнiя къ болѣе широкому космополитическому мировоззрѣнiю. Представителями перваго теченiя являются книги въ родѣ: *Englands Treasure by Foreign Trade* Мэна (1664), *Sanker of England's Commonwealth* Мелинеса (1601), *England's Interest and Improvement* Фортрея (1663), *Britannia Languens* (1680), *England's Improvement by Sea and Land* Ярранта (1677, 1681) и другiя; наиболѣе яркимъ представителемъ второго взгляда выступилъ Адамъ Смитъ въ своемъ *Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations* (1776), въ которомъ онъ изслѣдуетъ богатство народовъ вообще, а не одной только Англiи. Кантильонъ пытается отвѣтить на слѣдующiе вопросы: что такое богатство и откуда оно происходитъ, чѣмъ обуславливается распредѣленiе его между различными классами общества, и чѣмъ опредѣляется его обращенiе, какъ внутри страны, такъ и между различными странами. „Земля“, говоритъ онъ (это и есть основное положенiе физиократовъ), „является источникомъ и матеріальнымъ основанiемъ, изъ котораго создается богатство“; далѣе онъ продолжаетъ: „человѣческiй трудъ является формою, производящею богатство, а само богатство есть не что иное, какъ средства существованiя, удобства и жизненнаго комфорта“. Затѣмъ

4) См. о Барбонѣ статья д-ра Stephan'a Bauer'a, который впервые призналъ его значенiе, въ *Palgrave Dict. of Polit. Econ.* и въ *Conrad's Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik* XXI Bd. N. F. pp. 561—590 (1890).

онъ дѣлаетъ общій очеркъ развитія человѣческихъ обществъ, начиная съ кочеваго состоянія, и приходитъ къ тому заключенію, что при всякомъ общественномъ строѣ собственность на землю неиабѣжно является привилегіею меньшинства; что въ современныхъ обществахъ прибавочный продуктъ, остающійся послѣ удовлетворенія потребностей арендатора и земледѣльца, поступаетъ въ распоряженіе землевладѣльцевъ, и что способъ его потребленія опредѣляетъ природу національнаго производства. Затѣмъ, остановившись на происхожденіи деревень, сель, городовъ и столицъ, онъ переходитъ къ изученію труда, объясняетъ, почему трудъ земледѣльческаго рабочаго не можетъ оплачиваться такою же высокою заработной платою, какъ трудъ ремесленника, и излагаетъ причины, обуславливающія различіе заработной платы въ различныхъ отрасляхъ труда. Всякое предложеніе опредѣляется спросомъ на него, и, вообще, нормальная цѣна, уплачиваемая за всякія услуги и товары, опредѣляется издержками производства. Намъ нѣтъ необходимости слѣдить далѣе за его анализомъ или останавливаться на его мастерскомъ изложеніи механизма внѣшней торговли для того, чтобы убѣдиться въ томъ, что его отношеніе къ экономическимъ проблемамъ разомъ подымаетъ обсужденіе этихъ вопросовъ на самую высокую ступень ¹⁾. Мы уже упомянули о томъ, что еще до напечатанія рукописи Кантильона ходила по рукамъ. Въ своемъ «*Universal Dictionary of Trade and Commerce*». Постлесуайтъ еще въ 1751 г. ²⁾ совершилъ плагиатъ, переписавъ слово въ слово цѣлыя страницы изъ этого сочиненія. Изданный впоследствии французскій его переводъ долго находился въ рукахъ у маркиза Мирабо, отца великаго оратора и трибуна французской революціи. Повидимому, Мирабо одно время собирался издать эту книгу подъ своимъ именемъ. Но потомъ ему вздумалось написать къ ней комментарий, и когда у него въ 1755 г. взяли *Essai* для напеча-

¹⁾ Cf. Higgs, „Cantillon's Place in Economics“ въ *Quarterly Journal of Economics* (Harvard U. S. A.). Разборъ Опыта Кантильона сдѣланъ Эспинасомъ въ его „*Histoire des doctrines économiques*“. Paris, 1891.

²⁾ Фактъ, впервые установленный Эдвиномъ Каннаномъ. См. *Economic Journal*, мартъ, 1896 г. стр. 165.

танія, онъ обработалъ свои комментаріи и издалъ ихъ подъ заглавіемъ: *L'Ami des Hommes*, Avignon 1756 г. Книга эта вызвала въ обществѣ настоящую бурю. Имя анонимнаго автора было вскорѣ раскрыто, и онъ сдѣлался героемъ дня. Когда онъ показывался публикѣ, народъ стекался со всѣхъ сторонъ, чтобы посмотрѣть на него. Торговцы вывѣшивали вывѣски съ портретомъ *L'Ami des Hommes*, и эта кличка осталась за Мирабо до конца его дней. Книга его вышла въ 40 изданіяхъ и была не одинъ разъ переведена. Особенности ея стиля были отчасти причиною ея успѣха. Первое сочиненіе Мирабо, появившееся въ 1750 г., *Mémoire concernant l'utilité des états provinciaux*, было написано въ защиту децентрализаціи мѣстнаго управленія. Вся Франція въ то время была раздѣлена надвѣ части—*pays d'état* и *pays d'élection*. Въ первой части, состоявшей главнымъ образомъ изъ пограничныхъ провинцій, само населеніе устанавливало способъ взиманія денежныхъ сборовъ, требуемыхъ королевскими указами, во второй части назначеніе денежныхъ сборовъ съ каждаго прихода принадлежало правительственнымъ чиновникамъ (*intendants*). Мирабо ратовалъ въ пользу всеобщаго распространенія системы *pays d'état*. Д'Аржансонъ, весьма тонкій цѣнитель, приписывалъ его *Mémoire* Монтескье. *Ami des Hommes* напомнило читателямъ наивный языкъ Монтеня. Вы встрѣчаете въ этой книгѣ, то силу пламеннаго краснорѣчія, то брызжущія искры остроумія и юмора, то тонкія наблюденія, то талантливыя, хотя и не всегда послѣдовательныя, разсужденія. Своимъ успѣхомъ эта книга въ значительной степени обязана стилю, въ которомъ причудливыя архаизмы чередуются съ оригинальными, вновь изобрѣтенными, словами. По прочтенію этой книги, Кенэ спрашивалъ Мирабо: *Où diable avez-vous pris ce style marotique?* *Je ne connais pas Marot*, отвѣчалъ Мирабо, *mais apparemment j'ai bu de la même eau que lui*. Стиль его напоминалъ Виктору Гюго Мольера и С. Симона, *le beau style—grand-seigneur du temps de Louis XIV*. Книга была озаглавлена *Traité de Population*, и основною задачею ея было доказать, что богатство страны обусловливается густотою ея народонаселенія.

То было мирное время, и населеніе только что начинало поправляться отъ разоренія, которому оно подверга-

лось въ продолженіе полустолѣтія. Опытъ свидѣтельство-
валъ, что уже давно наряду съ уменьшеніемъ народонасе-
ленія шло уменьшеніе національнаго богатства. Между тѣмъ,
съ точки зрѣнія Мирабо, задачею государственнаго чело-
вѣка было устраненіе экономическихъ условій, порождаю-
щихъ такое уменьшеніе народонаселенія. „Когда люди обез-
печены необходимыми средствами существованія“, говоритъ
онъ, повторяя Кантильона, „они множатся, точно крысы на
гумнѣ“. „Средства существованія являются мѣрою численно-
сти населенія“. Поэтому, необходимо содѣйствовать производ-
ству пищевыхъ продуктовъ, необходимо облегчить тяготы, ко-
торыми обременено земледѣліе, поддержать мелкаго произво-
дителя-земледѣльца и оказывать ему почетъ. Праздный потре-
битель достоинъ осужденія, а роскошь есть не что иное, какъ
злоупотребленіе богатствомъ. Неравенство въ распредѣленіи
богатствъ вредно отзываяется на производствѣ..... Крупные
землевладѣльцы должны жить въ своихъ помѣстьяхъ и
содѣйствовать расширенію своихъ хозяйствъ, а не переселя-
ются въ столицы и вести жизнь, полную наслажденій
Процентъ долженъ быть пониженъ, а государственные
долги погашены, необходимо учредить министерство зем-
ледѣлія, которое слѣдило бы за практическимъ примѣне-
ніемъ результатовъ, добытыхъ научнымъ путемъ, и содѣй-
ствовало бы развитію канализаціи, путей сообщенія, оро-
шенія и т. д. Государство подобно дереву, корни котораго
представляетъ земледѣліе ¹⁾, стволъ—населеніе, а листья—
искусства и торговлю. Изъ корней подымается вверхъ по
всему растенію животворный сокъ, вытягиваемый изъ
земли посредствомъ множества нитей. Самою прекрасною
частью дерева являются листья; но они всего менѣе вы-
носливы: буря можетъ легко побить ихъ. Если же корни
останутся невредимыми, то ихъ сокъ снова создастъ
листья. Но если какое-нибудь вредное насѣкомое примется

¹⁾ Ср. еще Leibnitz in Dutens, G. G. Leibnitii Opera omnia, Geneva, 1768,
vol. V. p. 577. Quesnais, art. „Grains“ въ Энциклопеди, 1757. Это сравненіе
сдѣлалось пзлюбленнымъ образомъ физиократовъ, см. Le Miroir, De l'ordre
social, 1777.

точить корни, то напрасно мы станемъ ждать солнца и росы: они не оживятъ высохшаго ствола. Вотъ почему необходимо направить всѣ силы на лѣченіе корня, на его развитіе и исцѣленіе, въ противномъ случаѣ дерево погибнетъ.

Таково было содержаніе книги, попавшей въ руки Кенэ, придворнаго доктора и домашняго врача госпожи Помпадуръ, любовницы короля. Кенэ былъ сынъ адвоката ¹⁾; онъ рано приобрѣлъ славу прекраснаго хирурга и врача и сдѣлался придворнымъ, такъ-же, какъ до него аббатъ де-Сень-Пьеръ, и, можетъ быть, преслѣдуя ту же цѣль: Вотъ какъ онъ писалъ объ этомъ своему другу: „я досталъ себѣ небольшую ложу для того, чтобы лучше видѣть главныхъ актеровъ міровой сцены. Я вижу главную правительственную квартиру ²⁾.....“

Но если Кенэ руководился такими мотивами, то онъ дорого заплатилъ за тѣ преимущества, которыми онъ пользовался, ибо, какъ мы увидимъ дальше, официальное положеніе, занимаемое имъ, страшно стѣсняло его свободу дѣйствій. Ему было уже за 63 года, но онъ въ это время еще ничего не написалъ по экономическимъ вопросамъ, за исключеніемъ двухъ статей: „Fermiers“ (1756) и „Craings“ (1757), напечатанныхъ въ Энциклопедіи Дидеро. Придворные, которыми онъ былъ окруженъ, смотрѣли на него, какъ на безвреднаго оригинала, увлекавшагося агрономіей. Онъ относился очень сочувственно ко многимъ мыслямъ, высказаннымъ Мирабо. „Ребенокъ“, писалъ онъ на поляхъ, „былъ вскормленъ на дурномъ молокѣ, но благодаря богатству природныхъ данныхъ, ему въ концѣ концовъ удалось выйти побѣдителемъ, хотя у него и нѣтъ знанія принциповъ“. Онъ выразилъ желаніе познакомиться съ авторомъ этой книги, и

---

¹⁾ Согласно Grand Jean de Fouchy, Eloge de Quesnay, 1774 и Eloge, графа D'Albon 1775. По другимъ рассказамъ, его отецъ былъ крестьяниномъ. Въ дѣйствительности же отецъ его, должно быть, покинулъ жену и ребенка и оставилъ ихъ на маленькой фермѣ, такъ что раннее дѣтство свое Кенэ дѣйствительно провелъ, какъ крестьянскій мальчикъ. Ему было 12 лѣтъ, когда онъ выучился читать у одного расположеннаго къ нему садовника.

²⁾ Lavergne p. 5.

свиданіе состоялось. Много лѣтъ спустя Мирабо описывалъ Руссо эту встрѣчу, причемъ изобразилъ ее въ образныхъ, хотя, можетъ быть, и фантастическихъ чертахъ. Кенэ, говоритъ онъ, доказалъ ему, что Кантильонъ вывернулъ истину на изнанку, что не населеніе должно служить національному богатству, а наоборотъ. Кенэ изложилъ очеркъ своихъ идей передъ „другомъ челоувѣчества“, который признался ему въ томъ, что, несмотря на многочисленныя труды, мысль его еще была погружена въ цѣлое море неясности. Онъ счелъ доктора Кенэ безумнымъ и покинулъ его. Но въ ту же ночь онъ вернулся къ нему, возобновилъ споръ и сдѣлался на всю жизнь его вѣрнымъ ученикомъ и другомъ. Они взаимно дополняли другъ друга: вмѣстѣ они обладали тѣмъ, чего недоставало каждому порознь. Кенэ былъ уже пожилой челоувѣкъ, говорилъ сентенціями, точно пророчествовалъ, отличался замкнутостью и нерѣшительностью въ дѣйствіяхъ, но зато онъ былъ самостоятельнымъ мыслителемъ, создавшимъ свою цѣльную теорію. Маркизъ былъ юнъ (несмотря на свои 42 года), разговорчивъ, общителенъ, эгоистиченъ, смѣлъ, обладалъ фантазією, но отличался несистематичностью и непослѣдовательностью мышленія. Образцомъ его смѣлости можетъ служить слѣдующая выдержка изъ его книги *L'Ami des Hommes*, въ предисловіи къ которой онъ утверждаетъ, что его устами гласитъ: *la voix de l'humanité qui réclame ses droits!*—Ваше Величество, обращается онъ къ королю, обратите Ваши взоры на тотъ классъ вашихъ подданныхъ, „который всѣхъ полезнѣе..... Онъ гнется подъ тяжестью непосильныхъ трудовъ, и тѣмъ не менѣе, онъ ежедневно призываетъ благословеніе Божіе на Васъ и ничего не проситъ отъ Васъ, кромѣ защиты и мира.....

Кенэ не былъ въ силахъ обуздать пламенную натуру Мирабо, но за то энергія Мирабо создала вокругъ одинокаго версальскаго мыслителя цѣлый кружокъ его послѣдователей.

Основаніе школѣ фізіократовъ положено было на собраніи, происходившемъ въ іюль 1757 г.

II.

Франсуа Кенэ, основатель школы экономистовъ (или, какъ ихъ впоследствии называли, физиократовъ), родился въ Мере, близъ Версаля, 4 июня 1694 г., въ годъ рожденія Вольтера, и умеръ въ Версалѣ, 16 декабря 1774 г., въ годъ смерти Людовика XV. Первымъ напечатаннымъ произведеніемъ его были „*Observations sur les effets de la saignée*“ 1730 г., въ которыхъ онъ съ успѣхомъ опровергъ теорію кровопусканія Сильва, современнаго ему руководящаго медицинскаго авторитета. Слава, доставленная ему этимъ сочиненіемъ, была причиною выбора его въ секретари Хирургической Академіи Парижа, основанной въ 1731 г. Въ 1736 г. онъ опубликовалъ свое *Essay physique sur l'économie animale*, а въ 1794 г. *Traité de la suppuration* и *Traité de la gangrène* и въ 1753 г.—*Traité des fièvres continues*. Но слабость зрѣнія принудила его отказаться отъ хирургіи и заняться медициной. Въ 1749 г. онъ поселился въ Версалѣ въ качествѣ врача г-жи Помпадуръ. Въ 1752 г. онъ вылѣчилъ дофина отъ оспы, и въ награду за это былъ назначенъ лейбъ-медикомъ короля и получилъ дворянскій титулъ ¹⁾. Въ 1756 г. онъ напечаталъ анонимную метафизическую статью объ „Очевидности“ ²⁾ (*Evidence*) въ *Encyclopedie*, гдѣ въ этомъ же году появилась его статья „*Fermiers*“, а въ слѣдующемъ—другая статья „*Grains*“ за подписью его сына—*Quesnay le fils*, такъ какъ ему казалось, что занимаемое имъ

---

¹⁾ См. примѣчаніе А, приложеніе. Обычное утвержденіе, что это была награда за его экономическіе труды—лишено всякаго основанія, такъ какъ въ то время они еще не выходили въ свѣтъ.

²⁾ Эта статья была написана въ значительной степени подъ влияніемъ изученія Малекранша *Recherche de la verité* 1675 г.; *Traité de Morale* 1684 г. Необходимо указать на то, что *ordre de la nature* въ этой статьѣ рѣзко отличается отъ благотворнаго *ordre de la nature* послѣдующихъ экономическихъ сочиненій Кенэ, которое, по мнѣнію проф. Гасбаха, было заимствовано отъ Кемберланда. *Disquisitio de legibus naturae philosophica* London 1672, 4 t^o, французскій переводъ Барбейрека, *Traité des lois naturelles*, 1741 г.

официальное положеніе врача не позволяло ему пускаться въ открытое обсужденіе правительственныхъ и административныхъ дѣйствій. Вотъ почему въ продолженіе всей его жизни, его экономическіе труды неизмѣнно появлялись анонимно или подъ псевдонимомъ, а иной разъ за подписью какого-нибудь изъ его учениковъ. Начало его статьи „*Fer-miers*“ посвящено подробному и обнаруживающему основательное знакомство съ предметомъ сравненію прямыхъ и косвенныхъ выгодъ употребленія въ земледѣліи лошадей, съ одной стороны, и быковъ, съ другой, причемъ онъ рѣшаетъ вопросъ въ пользу первыхъ, отдавая предпочтеніе *grande culture* (крупной культурѣ), передъ *petite culture* (мелкой культурой) ¹⁾. Онъ полагаетъ, что большинство фермеровъ слишкомъ бѣдно для того, чтобы пользоваться лошадьми; послѣдствіемъ этого является громадная потеря національнаго богатства. Ужасающая бѣдность земледѣлія обуславливается главнымъ образомъ тремя причинами: 1) бѣгствомъ крестьянскихъ цѣтей, которыя, спасаясь отъ нищеты, *taille* и военной службы ²⁾, эмигрируютъ въ большіе города, куда они уносятъ небольшія сбереженія своихъ родителей; 2) произвольнымъ обложеніемъ, негарантирующимъ землевладѣльцамъ неприкосновенности ихъ собственности, и 3) ограниченіями, стѣсняющими хлѣбную торговлю. Слѣдовало бы, говорить онъ, освободить фермеровъ отъ отбыванія воинской повинности, такъ какъ многіе изъ нихъ, спасаясь отъ службы, бѣгутъ въ города. Онъ иронизируетъ надъ мнѣніемъ, признающимъ, что бѣдность является необходимымъ стимуломъ сельскаго хозяйства. Надежда, говоритъ онъ, лучшій двигатель, чѣмъ отчаяніе, а интенсивность дѣятельности прямо пропорціональна достигнутымъ успѣхамъ. Онъ подвергаетъ изслѣдованію сельско-хозяйственную статистику страны, количество пахатной земли и пастбищъ, живой инвентарь, народонаселеніе, производство и потребленіе хлѣба, цѣны,

---

¹⁾ Подъ дальнѣйшимъ вліяніемъ Тюрго, эти термины, понимаемые въ болѣе широкомъ смыслѣ, стали означать интенсивное хозяйство (обильное приложеніе капитала къ землѣ) въ противоположность экстенсивному.

²⁾ Нѣсколько позже онъ причисляетъ согвѣе къ злоупотребленіямъ, которыя должны быть уничтожены.

издержки производства и прибыли. Земледѣліе является главною промышленностью страны, а свобода и обеспеченность—главнѣйшими условіями его существованія. Свобода хлѣбной торговли и право вывоза, даже (какъ въ Англіи) поощреніе его, въ значительной мѣрѣ уменьшили бы колебанія годовыхъ цѣнъ и привели бы къ благоденствію фермеровъ; а это, въ свою очередь, повело бы къ дальнѣйшему преуспѣванію, къ болѣе интенсивному и доходному воздѣлыванію земли, къ увеличенію національнаго и индивидуальнаго богатства, къ умноженію и оздоровленію населенія и къ процвѣтанію казны. Но прежде всего, необходимо было бы отмѣнить систему произвольной *taille*. Кенэ, по собственному признанію, не могъ представить себѣ такого справедливаго или простаго принципа, на которомъ можно было бы построить обложеніе; въ то время, его единый налогъ (*impôt unique*) еще не казался ему полнѣйшимъ разрѣшеніемъ этой задачи. „*La répartition proportionnelle n'est guère possible... Il n'est guère possible d'imaginer aucun plan général pour établir une répartition proportionnelle des impositions*“. Руководствуясь, вѣроятно, планомъ *taille tarifée* аббата де-С. Пьера, онъ предполагалъ, что система личной деклараціи, до извѣстной степени напоминающая англійскій подоходный налогъ, была бы лучшею основой оцѣнки. Но налоги—по Кенэ—во всякомъ случаѣ должны быть опредѣленными (*certain*), какъ выразился А. Смитъ нѣсколько лѣтъ спустя, или легкоуловимыми (*cognoscible*), по выраженію Бентама

Единственные писатели, о которыхъ онъ упоминаетъ въ этой статьѣ, это Локкъ и Дюпре-де-С. Моръ, авторитетъ въ области агрономіи. Слѣдующая статья Кенэ „*Grains*“ является несравненно болѣе интересною и важною въ смыслѣ изложенія его взглядовъ. Долгое время правительственная политика покровительствовала обрабатывающей промышленности, (и особенно производству предметовъ роскоши, напримѣръ, шелковыхъ издѣлій), въ ущербъ земледѣлію. Народу было запрещено заниматься разведеніемъ виноградныхъ лозъ и, наоборотъ, его поощряли культивировать тутовое дерево. Истинная національная экономическая политика должна заключаться въ томъ, чтобы воспользоваться великими производительными силами земли Франціи и привозить предметы

роскоши изъ-за границы, но такая политика прямо противоположна господствующей. Хорошіе урожаи и свобода внутренней и внѣшней хлѣбной торговли обусловяютъ благосостояніе Франціи. По его разсчетамъ, настоящее производство хлѣба въ странѣ равнялась 595.000,000 ливровъ ежегодно. При повсемѣстной и надлежащей обработкѣ земли лошадьми урожаи повысились бы до 1.815.000,000 ливровъ, т. е. въ три раза больше; между тѣмъ какъ излишки, за покрытіемъ всѣхъ издержекъ производства, простирались бы до 885.000,000, т. е. почти въ пять разъ превышали бы получаемую теперь сумму въ 178.000,000 ¹⁾. Понятіе о дальнѣйшихъ подробностяхъ даетъ слѣдующая таблица:

	въ наст. время.	возможное.
Землевладѣльцы.	76.500,000	400.000,000
Taille	27.000,000	165.000,000
Фермеры , ...	27.500,000	165.000,000
Повинности	50.000,000	155.000,000
Земледѣліе	415.000,000	930.000,000
Всего	595.000,000	1.815.000,000

Обыкновенно земледѣліе и торговлю считаютъ двумя источниками богатства Франціи, но такое различіе, говорить онъ, не что иное, какъ абстракція, ибо торговля и промышленность (которая гораздо существеннѣе торговли) представляютъ собою только отрасли земледѣлія, являющагося тѣмъ первичнымъ необходимымъ источникомъ, откуда они оба берутъ свое начало. Кенэ превозноситъ политику Сьюлли и „основныя истины“, высказанныя Кантильономъ, и осуждаетъ препятствія, которыя выдвигаются культурѣ винограда и торговлѣ виномъ. Большія фермы, цѣнность которыхъ была очень повышена состоятельными фермерами, являются основаніемъ благоденствія и условіемъ густого населенія. Подъ богатымъ фермеромъ онъ подра-

¹⁾ Онъ принимаетъ въ расчетъ въ ничтожныхъ разяѣрахъ обложеніе, но, вообще, его арифметическія вычисленія часто неточны.

зумѣваетъ не „рабочаго, собственноручно обрабатывающаго землю, а предпринимателя, entrepreneur ¹⁾, управляющаго и руководящаго своимъ предпріятіемъ съ помощью своихъ способностей и богатства“. „Тѣ, для кого выгоды, связанная съ значительнымъ населеніемъ, сводятся къ наличности многочисленнаго человѣческаго матеріала для войска, имѣютъ очень ложное представленіе о силѣ государства. Военные смотрятъ на людей, какъ на матеріалъ для солдатской службы, но государственннй человѣкъ въ такой же мѣрѣ оплакиваетъ утрату людей, предназначенныхъ для войны, въ какой земледѣлецъ горюетъ о потерѣ земли, отведенной подъ канаву, окапывающую его поля. Большія арміи истощаютъ государство; густое народонаселеніе и большое богатство дѣлаютъ его грознымъ для враговъ... Безъ человѣческаго труда земля не имѣетъ никакой стоимости. Люди, земля и скотъ—вотъ коренное богатство великаго государства“. Налогъ (taille), прибавляетъ онъ, долженъ падать на ренту фермера и взиматься такъ, чтобы онъ не ложился на средства производства и могъ бы быть усчитанъ фермеромъ при опредѣленіи ренты, получаемой съ фермы. Такой идеаль не легко осуществить при современномъ положеніи вещей, и вотъ почему онъ въ своей статьѣ „Fermiers“ предлагалъ другую систему. Но эта новая система налога могла бы быть примѣнена только по отношенію къ фермерамъ-арендаторамъ, а также исполщикамъ, хотя и не безъ затрудненія.....

Такое управленіе не должно быть приписано великимъ министрамъ..... Лица, облагаемые налогомъ (taillables), были людьми съ крайне ограниченнымъ состояніемъ, духъ которыхъ необходимо было поднимать, а не принижать. Авторъ *Reaumur*, сравнивая просвѣщенную политику Англій и ея богатство съ безразсудною политикою Франціи и ея бѣдностью, пришелъ къ тому заключенію, что Англій нечего бояться ея сосѣдки. Введемъ у себя свободу тор-

---

¹⁾ Мы подчеркиваемъ то обстоятельство, что введеніе этого экономическаго термина принадлежитъ ему, тогда какъ оно обыкновенно приписывается Ж. Б. Сэю.

говли, говорить Кенэ, и мы будемъ также богаты, какъ и англичане. Въ самомъ дѣлѣ, казалось бы, что намъ грозитъ опасность со стороны плодородныхъ земель Америки; но конкуренція ихъ не страшитъ насъ, такъ какъ хлѣбъ ихъ не столь доброкачественъ, какъ нашъ, и портится отъ перевозки черезъ океанъ; наконецъ весь хлѣбъ ихъ скоро понадобится имъ самимъ ¹⁾. Наше зерно даетъ лучшій хлѣбъ и лучше сохраняется. Дойдя до этого пункта, онъ сравниваетъ выгоды, получаемыя отъ иностранной хлѣбной торговли, съ выгодами торговли мануфактурными товарами и устанавливаетъ четырнадцать принциповъ или максимъ экономической политики. Намъ придется еще встрѣтиться съ этими положеніями, каждое изъ которыхъ сопровождается краткимъ объясненіемъ. Подобно другимъ частямъ этой статьи, они составляютъ переходъ къ труду, являющемуся въ концѣ его литературной дѣятельности — къ *Tableau Oeconomique*. (1) Промышленный трудъ (*les travaux d'industrie*), въ противоположность земледѣльческому, не умножаетъ богатства, хотя (2) онъ способствуетъ увеличенію населенія и богатства, если (3) не совершается въ ущербъ земледѣлію, въ какомъ случаѣ ведетъ къ противоположнымъ результатамъ (4). Богатство земледѣльца создаетъ человѣческое богатство (5). Промышленный трудъ имѣетъ тенденцію увеличивать доходъ съ земли, что, въ свою очередь, содѣйствуетъ развитію промышленности (6). Нація, ведущая широко торговлю своими сырыми продуктами, можетъ вести и относительно широко мануфактурную торговлю, но (7) если первая у нея не широко развита и существованіе ея обуславливается развитіемъ второй, то положеніе ея не обезпечено и ей грозитъ опасность (8). Обширная внутренняя торговля мануфактурными товарами можетъ поддерживаться только доходами съ земли (9). Нація, населяющая обширную территорію и обез-

---

¹⁾ Ср. мнѣніе одного извѣстнаго современнаго писателя въ 1882 г.: „Не подлежитъ сомнѣнію, что черезъ двадцать лѣтъ, а вѣроятно и раньше, въ Соединенныхъ Штатахъ ограниченность земельного пространства станетъ чувствительна“. Giffen въ *Statistical Journal* vol XIV p. 543.

цѣнивающая свое сырье ради мануфактурныхъ товаровъ, раззоряется во всѣхъ отношеніяхъ (10). Выгоды внѣшней торговли вовсе не заключаются въ увеличеніи денегъ (11). Характеръ торговаго баланса не свидѣтельствуетъ ни о выгодности торговли, ни о національномъ богатствѣ отдѣльныхъ странъ, о которомъ (12) можно судить по внутренней и внѣшней торговлѣ, и главнымъ образомъ по внутренней (13). Нація, извлекающая изъ земли, людей и мореходства возможно больше выгодъ, не должна завидовать торговлѣ своихъ сосѣдей, и (14) въ международной торговлѣ націи, продающія наиболѣе полезныя или необходимыя продукты, получаютъ больше выгодъ, чѣмъ тѣ, которыя продаютъ предметы роскоши. Наконецъ, онъ подводитъ итогъ всѣхъ мѣръ, которыя правительство должно предпринять для того, чтобы доставить странѣ благосостояніе: свобода производства и обращенія продуктовъ; уничтоженіе или пониженіе таможенныхъ пошлинъ; превращеніе мѣстныхъ или личныхъ привилегій въ равныя для всѣхъ повинности; починка дорогъ и рѣчныхъ путей сообщенія; замѣна произвола и усмотрѣнія частныхъ лицъ подчиненными закону учрежденіями во всемъ, что касается національнаго дохода. Осуществленіе этихъ реформъ привело бы къ быстрому прогрессу. При Генрихѣ IV государ-ство, истощенное и обремененное долгами, вскорѣ обратилось въ богатую и обильную страну. Дальнѣйшее продолженіе современной политики должно привести страну къ раззоренію. Сто лѣтъ тому назадъ населеніе равнялось 24.000,000. Въ 1700 г., послѣ сорокалѣтней, почти непрерывной войны и отмѣны Нантскаго эдикта, численность населенія все же была 19.500,000. Нынѣ она равняется 16.000,000, причеиъ значительное число населенія находится въ крайней нищетѣ. Цѣны не должны быть слишкомъ низки, ибо обиліе продуктовъ и невозможность ихъ сбыта—не признакъ богатства; дороговизна и нищета являютя бѣдствіемъ; обиліе и хорошія, нормальныя и постоянныя цѣны указываютъ на богатство. Вывозъ излишняго хлѣба содѣйствовалъ бы установленію такихъ хорошихъ цѣнъ. Надо предпринять что-нибудь, чтобы противодѣйствовать „огромному упадку земледѣлія и населенія“.

Это смѣлая и по истинѣ государственная программа. Если бы были сдѣланы серьезные, осторожные и неутомимыя попытки къ ея осуществленію, то послѣдующая исторія Франціи и всего міра не была бы такою, какою она является теперь. Кенэ собирался напечатать цѣлый рядъ статей въ „Encyclopedie“—„Hommes“, „Impôt“ и „Interêt de l'argent“, но въ 1757 г. она была запрещена и сдѣлалась подпольнымъ изданіемъ, и Кенэ отказался отъ сотрудничества. Рукопись статьи „Hommes“ была найдена докторомъ Стефаномъ Бауэромъ въ Bibliothèque Nationale въ Парижѣ въ 1890 г. Остальные рукописи потеряны.

Статья „Grains“ обнаруживаетъ болѣе широкую начитанность въ сферѣ экономической литературы и большую глубину мысли, чѣмъ статья „Fermiers“. Текстъ—очень сжатый, изложеніе—весьма ясное и свидѣтельствуеетъ о большой проникаемости автора. Здѣсь упоминаются Дюпреде С. Моръ, Financier Citoyen¹⁾, книга Д'Анжела, о которой было говорено выше (стр. 25 прим.), Сюлли, Кольберъ, Кантильонъ и „Essai sur la police générale des Grains“ (1755) Эрбера. Въ ней можно найти много намековъ на будущее міровозрѣніе Кенэ. Но до появленія его слѣдующей книги въ печати, онъ, какъ мы уже сказали, познакомился съ Мирабо и уже послѣ споровъ съ этимъ писателемъ, издалъ свое „Tableau Oeconomique“ въ декабрѣ 1758 г. въ Версальскомъ дворцѣ.

Мы увидимъ, какое вдохновляющее вліяніе онъ имѣлъ на произведенія другихъ писателей, напр. на „Physiocratie“ Дюпона 1767 и 1768 гг.; но, за исключеніемъ нѣкоторыхъ статей, появившихся въ Journal de l'agriculture въ 1765 г. и 1766 г. и въ Ephémérides du citoyen въ 1767 и 1768 гг., онъ мало писалъ на интересующія насъ темы, и его „Tableau Oeconomique“ является лучшимъ выраженіемъ доктринъ, какъ учителя, такъ и всей школы.

Намъ необходимо сначала вернуться на мгновеніе къ „Essai“ Кантильона. На 55 страницъ этого произведенія мы находимъ у автора приблизительно слѣдующую аргумен-

---

¹⁾ Авторъ J. B. Naveau Paris 1757. 3 vols. 120.

тацію. Если бы землевладельцы не стали эксплуатировать своей собственности и не позволяли бы обрабатывать земли, то не было бы ни необходимой пищи, ни одежды. Поэтому, въ известномъ смыслѣ, всякій членъ населенія государства зависитъ отъ землевладельца. Но такъ какъ послѣднему самому нужны средства существованія, то онъ, или самъ обрабатываетъ свою землю, или отдаетъ ее въ аренду фермеру, который за пользованіе землею обыкновенно возвращаетъ ему около одной трети продукта, другую же треть оставляетъ себѣ въ видѣ прибыли, а третья идетъ на заработную плату и на расходы по обработкѣ земли. Далѣе землевладелецъ и фермеръ расходуютъ часть своей доли продукта на уплату разныхъ услугъ и товаровъ, доставляемыхъ промышленниками, фабрикантами, ремесленниками и другими членами общества, не занятыми непосредственно въ земледѣліи. Такимъ образомъ „годовой продуктъ земли и труда страны“, употребляя позднѣйшее любимое выраженіе Адама Смита, начинается циркулировать въ обществѣ. Но экономическая дѣятельность страны опредѣляется жизненнымъ режимомъ землевладельцевъ..... Промышленность сообразуется съ ихъ спросомъ, вкусомъ, привычками и образомъ жизни. Ими опредѣляется способъ пользованія землей и, такимъ образомъ, косвенно также и число жителей государства, ограниченное необходимыми средствами существованія. Въ этихъ разсужденіяхъ Кантильона содержится уже вся теорія „Tableau Economique“. Кантильонъ, всегда зорко улавливающій всѣ отгѣнки, дѣлаетъ характерное замѣчаніе: „Несомнѣнно, что въ большихъ городахъ многіе предприниматели и ремесленники живутъ внѣшнимъ сбытомъ и, слѣдовательно, на счетъ иностранныхъ землевладельцевъ; но въ данное время я занятъ изслѣдованіемъ только внутренняго производства и внутренней промышленности страны...“

Практическая экономическая задача современной ему Франціи представлялась Кенэ въ слѣдующемъ видѣ. Вотъ страна, изобилующая естественными богатствами, но, за отсутствіемъ капиталовъ, производство ея находится въ состояніи младенчества. Между тѣмъ, капиталъ можетъ быть извлекаемъ только изъ фонда, созданнаго производ-

ствомъ. Если направить этотъ фондъ въ каналы, гдѣ онъ недоступенъ для производительныхъ цѣлей, то націю ожидаетъ нищета. Какимъ же образомъ распредѣляется богатство между различными классами націи, и какъ перемѣстить большую его часть изъ области непосредственнаго потребленія въ сферу будущаго производства? Для Кенэ было ясно, что роскошь и расточительность достигли такой высоты, при которой нація быстрыми шагами приближалась къ обнищанію, живя не по средствамъ и поглощая не только свои доходы, но даже и самый капиталъ. Для вѣщей наглядности онъ нарисовалъ таблицу, которая именно въ этомъ смыслѣ оказывается совершенно неудовлетворительною. Она занимаетъ четверть листа и состоитъ изъ трехъ столбцовъ, съ соотвѣтственными надписями: „Dépenses productives relatives à l'agriculture etc.“, „Dépenses du Revenu“ „Dépenses stériles relatives à l'Industrie“ и т. д. Онъ предполагаетъ, что земледѣліе, какъ „въ Англіи“, даетъ 100% чистаго продукта или дохода (другими словами ренту въ 100%), кромѣ всѣхъ издержекъ производства, включая и прибыль фермера. Принимая гипотетическую цифру, равную 600 ливрамъ ежегоднаго капитала (avances annuelles), вкладываемаго въ земледѣліе, онъ пытается прослѣдить судьбу ежегодно получаемой ренты. Прежде всего ее получаетъ землевладѣлецъ, который (какъ это признаетъ Кенэ) одну половину тратитъ на земледѣльческіе продукты, а вторую на другіе расходы (dépenses stériles); эти 600 ливровъ, отдѣленные пунктированными линіями отъ центральной колонны, раздѣляются, подобно расходящимся потокамъ, причѣмъ одна половина уходитъ налѣво, другая— направо. Находящіеся съ лѣвой стороны 300 ливровъ снова вкладываются въ земледѣліе и снова даютъ ренту въ 100%, т. е., 300 ливровъ (центральная колонна), которая снова раздѣляется направо и налѣво и предполагаетъ дальнѣйшее помѣщеніе 150 ливровъ въ земледѣліе и т. д. Въ то же время богатство, ежегодно прирастающее съ правой стороны таблицы и расходуемое на мануфактурные товары, жилище, одежду, проценты, домашнюю прислугу, издержки транспорта, иностранные товары и вообще на все, за исключеніемъ занятія добывающею (экстрактивную) промышлен-

ностью,—ежегодно раздѣляется на двѣ, предполагаемыя равными, части; одна половина снова расходуется на сырой матеріалъ или продукты земледѣлія и распредѣляется посредствомъ пунктированныхъ линій по лѣвую сторону колонны, а другая половина потребляется „непроизводительно“. Эти „зигзаги“, какъ ихъ называетъ Кенѣ, имѣли такое же значеніе, какъ кивокъ лорда Бирглей въ пьесѣ Шеридана, „The Critic“. Въ него вкладывали и изъ него вычитывали содержаніе цѣлыхъ многотомныхъ трактатовъ по политической экономіи. Въ хорошо извѣстномъ отзывѣ, цитируемомъ Адамомъ Смитомъ ¹⁾, Мирабо говоритъ: „Начиная съ сотворенія міра, три великія изобрѣтенія, главнымъ образомъ, содѣйствовали упроченію политическихъ обществъ, независимо отъ другихъ открытій, которыя послужили къ ихъ обогащенію и украшенію. Первымъ изобрѣтеніемъ является изобрѣтеніе письма, которое одно только дало возможность человѣку передавать въ неизмѣнномъ видѣ его законы, договоры, лѣтописи и открытія. Вторымъ открытіемъ является изобрѣтеніе денегъ, которое послужило связывающимъ звеномъ въ международныхъ отношеніяхъ цивилизованныхъ обществъ. Третьимъ изобрѣтеніемъ является экономическая таблица, которая, будучи результатомъ двухъ предшествующихъ открытій, дополняетъ ихъ, совершенствуя ихъ объектъ; но только наше потомство въ состояніи будетъ воспользоваться плодами этого великаго современнаго открытія“ ²⁾.

Къ таблицѣ приложены двѣнадцать страницъ „объясненій“, въ которыхъ снова воспроизводится таблица, но уже безъ перекрещенныхъ и пунктирныхъ линій. Затѣмъ слѣдуютъ четыре страницы положеній, которыхъ всего двадцать три, и которыя озаглавлены: „Extrait des *Oeconomies Royales* de M. de Sully“. „Объясненія“ указываютъ на то, что дѣйствительное производство страны обуславливается размѣромъ лѣвосторонней колонны. Если значительная часть богатства ежегодно поглощается право-стороннею колонною и не воз-

1) *Wealth of Nations* кн. iv. гл. IV.

2) Оригиналъ, нѣсколько вольный переводъ котораго сдѣланъ Адамомъ Смитомъ, помѣщенъ въ „*Philosophie rurale*“ 1763 г. vol. i. p. 19.

вращается къ лѣвой, то національный доходъ сокращается. „Отсюда видно, что излишняя роскошь своимъ блескомъ можетъ очень скоро раззорить богатую страну“.

Спустя нѣсколько лѣтъ, когда Вольтеръ писалъ противъ физиократовъ, а роскошь и государственныя нужды увеличивали ростъ изысканной нищеты, онъ воскликнулъ: „Nous sommes rauques avec goût!“¹⁾.

При мудромъ помѣщеніи капиталовъ, т. е.,—такомъ, какое описано въ таблицѣ,—и при томъ предположеніи, (тоже допускаемомъ), что, при обработкѣ земли, воды вездѣ будутъ замѣнены лошадьми, валовое капитализированное богатство страны будетъ равняться 59.000.000.000 ливровъ, или, допуская ошибочность расчета, 55.000 — 60.000 мил. Но все это можетъ быть достигнуто только при отсутствіи восьми крупныхъ препятствій — главныхъ причинъ упадка земледѣльческой націи. Вотъ они:

- 1) Неудовлетворительная система обложенія, обременяющая капиталъ земледѣльцевъ.
- 2) Чрезмѣрныя издержки по сборамъ налоговъ.
- 3) Чрезмѣрная роскошь обстановки.
- 4) Чрезмѣрныя судебныя издержки.
- 5) Отсутствіе вывоза сырыхъ продуктовъ.
- 6) Отсутствіе свободы: 1) внутренней торговли сырьемъ и 2) обработки земли.
- 7) Личное раззореніе сельскаго населенія.
- 8) Недостаточный обратный притокъ годового чистаго продукта (*produit net*) къ категоріи производительныхъ издержекъ.

Мнимыя выдержки изъ „*Économies royales*“ Сюлли въ дѣйствительности не что иное, какъ *Maximes* экономической политики, взятая изъ статьи „*Grains*“, но дополненная и обработанная. Онъ слишкомъ сжаты и потому должны сопровождаться цѣлымъ рядомъ цитатъ и объясненій, такъ что мы передадимъ только суть ихъ при дальнѣйшемъ краткомъ изложеніи взглядовъ Кенэ. Отличный комментарий къ нимъ можно найти и въ прекрасномъ сочиненіи Лаверя. Нѣкоторыя смѣлыя положенія или прин-

¹⁾ L'homme aux quarante écus. p. 1.

ципы управленія, дѣйствительно, были установлены Сюлли, любимымъ министромъ, главнымъ дѣятелемъ и почти единственнымъ совѣтникомъ самаго популярнаго монарха, когда-либо царствовавшаго во Франціи. И въ самомъ дѣлѣ, существовало большое духовное сродство между реформаторскимъ духомъ и пристрастіемъ къ земледѣлію, характеризовавшими Сюлли, и духомъ фізіократовъ. Но врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что однимъ изъ мотивовъ Кенэ было желаніе прикрыться авторитетомъ великихъ мужей славнаго прошлаго. Сошлемся для сравненія, напримѣръ, на аббата де-С.-Пьеръ. — Его „Projet de paix perpétuelle“ 3 ч. 1713 было сокращено и издано имъ въ 1728 г. подъ заглавіемъ: „Abrégé du projet de paix perpétuelle inventé par le roi Henri le Grand“ и т. д. Стать подъ защиту Генриха IV или Сюлли значило обезоружить оппозицію..... Онъ хотѣлъ напечатать свое „Tableau“ въ официальномъ „Mercure de France“ но тактичная г-жа Помпадуръ отсовѣтовала ему это, предвидя, что форма сочиненія навлечетъ на него насмѣшки, какими, дѣйствительно, и осыпалъ его въ 1771 г. безпощадный Ленгэ.

Вотъ почему оно было напечатано частнымъ образомъ въ королевскомъ версальскомъ дворцѣ въ 1758 ¹⁾. Только нѣсколько оттисковъ было выпущено, такъ что до 1890 г. эту книгу считали исчезнувшей, но въ этомъ году одинъ экземпляръ ея, слегка исправленный Кенэ для корректуры, былъ найденъ докторомъ Стефаномъ Бауеромъ между рукописями Мирабо въ Archives Nationales въ Парижѣ и воспроизведенъ въ факсимиле Британскою Экономическою Ассоціаціею въ честь двухсотлѣтія Кенэ въ 1894 г. Въ 1760 г. Мирабо напечаталъ „Tableau“ съ нѣкоторыми измѣненіями въ шестой части своего „Ami des Hommes“, затѣмъ въ 1763 г. въ „Philosophie Rurale“ и въ 1867 г. въ „Eléments de philosophie rurale“. Въ іюнѣ 1766 г. Кенэ напечаталъ „Analyse du Tableau Economique“ въ „Journal de l'agriculture, du commerce et des finances“; въ но-

---

¹⁾ Преданіе о томъ, что король содѣйствовалъ его напечатанію, относится къ области мифовъ.

ябрь 1765 г. „*Objections contre le Tableau Economique*“, а въ январѣ 1766 г. „*Réponse aux objections*“, оба въ томъ же журналѣ. Сдѣланный Кенэ анализъ его „*Tableau*“ появился также въ „*Physiocratie*“ (ноябрь 1767), Лейденъ, 1768. „*Explication du Tableau*“ — Бодо, появившееся въ „*Ephémérides*“ въ 1867 г. „*Maximes*“—Кенэ въ 1775 г. и перепечатки у Форбонне, Ленгэ, Дара и Онкена дополняютъ списокъ воспроизведеній этого сочиненія Кенэ.

Теперь мы переходимъ къ разсмотрѣнiю взглядовъ Кенэ на обложенiе. Отождествляя богатство съ матеріальными предметами, онъ утверждаетъ, что единственною промышленностью, создающею богатство, является производство сырья. Трудъ ремесленниковъ и промышленныхъ рабочихъ можетъ быть производительнымъ въ смыслѣ обдѣлки сырья и увеличенія его полезности, но онъ не увеличиваетъ запаса богатства, такъ какъ только иэмъняетъ форму существующаго матеріала а приращеніе цѣнности продукта, на который израсходованъ трудъ промышленныхъ рабочихъ, является просто эквивалентомъ платы за оказанныя ими услуги. Другими словами, только земледѣліе создаетъ ренту, *produit net* (чистый продуктъ); промышленность же ея не создаетъ, она *безплодна* (*stérile*) — злополучное и неудачное выраженіе фізіократовъ, причинившее имъ много вреда. Цѣль государственнаго человѣка должна заключаться въ томъ, чтобы покрывать національные расходы изъ національныхъ доходовъ, оставляя капиталъ въ неприкосновенности. Но такъ какъ чистый продуктъ является единственно истиннымъ доходомъ, то онъ долженъ быть и единственно объектомъ (*сogris*) обложенія. Всякое обложеніе, падающее на людей или на промышленные продукты, должно оплачиваться изъ этого фонда. Поэтому, въ интересахъ простоты, справедливости и экономіи, налоги должны быть собираемы у ихъ источника. Единый, простой и прямой налогъ (*impôt unique*) долженъ быть собираемъ съ земли и не превышать третьей части чистаго продукта. Землевладѣльцы и фермеры могутъ компенсировать тяжесть обложенія посредствомъ повышенія цѣнъ сырыхъ продуктовъ, и такимъ образомъ каждый потребитель будетъ уплачивать свою долю обло-

женія при минимальномъ расходѣ на взиманіе ихъ: весь стѣснительный аппаратъ существующаго фискальнаго механизма рушится. Однимъ словомъ, „Tableau“ предписываетъ разумное потребление (индивиды, классы и націи должны направить свои расходы, по возможности, въ „производительные“ каналы); налоги, которые должны ложиться на землю, должны быть непосредственно взимаемы съ годового чистаго продукта земли и не превышать небольшой его части; индивиды должны пользоваться свободою заниматься производствомъ и обращеніемъ богатствъ, не подвергаясь при этомъ никакимъ правительственнымъ стѣсненіямъ и преслѣдованіямъ.

Таковы эконогическія и финансовыя идеи ученія Кенэ. Философскіе принципы, лежащіе въ его основаніи, выражены въ другихъ его сочиненіяхъ, главнымъ образомъ, въ „Droit Naturel“, которое вошло въ „Physiocratie“. Каждый человѣкъ, говоритъ онъ, имѣетъ естественное право на упражненіе своихъ способностей, при томъ, конечно, условіи, что онъ не употребитъ ихъ во вредъ себѣ и другимъ. Изъ права свободы вытекаетъ право собственности и обязанность государства защищать ее, другими словами—законная охрана (sûreté). Дѣйствительно, законная охрана является единственною функціею государства. Расширить функціи государства значитъ посягнуть на индивидуальную свободу. Но для этой цѣли, для обезпеченія собственности, государство не можетъ быть слишкомъ сильнымъ—всякія конституціонныя ограниченія и раздѣленія властей поведутъ только къ ослабленію государственнаго авторитета. Деспотизмъ государства долженъ умѣряться только давленіемъ просвѣщеннаго общественнаго мнѣнія.....

По мнѣнію профессора Гасбаха, экономическіе взгляды Кенэ опирались на дедуктивную систему философіи, заимствованную имъ отъ англійскихъ писателей: Шефтсбери, Локка и Кемберленда. Подобно имъ, онъ призываетъ къ естественному праву, но, въ противоположность своимъ предшественникамъ (за исключеніемъ Гуго Гроція, высказавшагося за свободу торговли), онъ распространяетъ сферу его дѣйствія за предѣлы религіи, политики и индивидуальной жизни.

въ область политической экономіи. Если Локкъ былъ отцомъ политическаго индивидуализма, то Кенэ былъ однимъ изъ отцовъ экономическаго индивидуализма; оригинальность его ученія именно и заключается въ его органической теоріи экономической жизни ¹⁾. Можно однако возразить, что экономическіе принципы Кенэ вытекали изъ его философіи, но не были опредѣленно и обстоятельно обоснованы на ней; въ рукахъ же Мерсье-де-ла-Ривьера и другихъ экономистовъ они несомнѣнно приобрѣтали все болѣе и болѣе философскій характеръ.

Въ 1758 г. Кенэ написалъ таблицу мотивовъ ²⁾, 4 страницы, въ четвертую долю листа, нѣсколько напоминающую позднѣйшее сочиненіе Бентама, и напечаталъ ее въ Версали, одновременно съ „Tableau Oeconomique“, съ которымъ она тождественна по шрифту, бумагѣ и формѣ. Единственный видѣнный мною экземпляръ находится въ библіотекѣ профессора Фоксвеля въ Кембриджѣ и переплетенъ въ томъ, который нѣкогда принадлежалъ Адаму Смиуту, написавшему имя Кенэ на заглавномъ листѣ. Сочиненіе это озаглавлено: „Observations sur la psychologie, ou science de l'âme“. Разносторонность генія Кенэ доказывается нѣкоторыми его сочиненіями по математикѣ ³⁾, а въ преклонныхъ лѣтахъ онъ вѣрилъ, что разрѣшилъ задачу квадратуры круга. Также вѣрилъ онъ въ оригинальность и непоколебимую точность своихъ умозрѣній въ области экономіи и финансовъ, потому что преувеличенныя похвалы его послѣдователей могли вскружить голову и самому скромному человѣку. Требуя отъ каждаго изъ своихъ учениковъ, чтобы, ссылаясь на его сочиненія, они не упоминали его имени и, печатая собственныя экономическія воззрѣнія подъ псевдонимами: Nisaque, M. H, M. N, M. Alpha, M. de l'Isle, анонимно или подъ именемъ какого-нибудь едино-

¹⁾ Die allgemeinen philosophischen Grundlagen etc. 1890 г. стр. 59—67,

²⁾ Въ приложеніи есть ссылка на Мальбранша. Французскіе экономисты, начиная съ Вобана и кончая Фурье, обнаруживали большую склонность къ составленію синоптическихъ таблицъ.

³⁾ Напр. Vérités géométriques. Amsterdam. 1773.

мысленника, онъ былъ предметомъ многихъ гиперболическихъ характеристикъ, въ которыхъ большею частью былъ повиненъ Мирабо. Онъ былъ поочереди то „величайшимъ гениемъ нашего времени“, то „европейскимъ Конфуциемъ“, то „современнымъ Сократомъ“, то „современнымъ Моисеемъ“. Адамъ Смитъ былъ правъ, говоря, что „преклоненіе всей этой секты передъ ея учителемъ, который отличался удивительною скромностью и простотою, не уступаетъ тому преклоненію, которое древніе философы оказывали по отношенію къ основателямъ исповѣдуемыхъ ими философскихъ системъ“¹⁾. Его также цѣнили и въ Англии. Королевское Общество избрало его почетнымъ членомъ²⁾. Послѣ смерти Людовика XV онъ потерялъ расположеніе двора, дожилъ до того времени, когда Тюрго вступилъ во власть и приступилъ къ реформамъ, и умеръ въ томъ же году въ Версали (16 декабря 1774 г.) до паденія Тюрго и до появленія „Богатства Народовъ“ (оба эти событія произошли въ 1776 г.), которое Адамъ Смитъ хотѣлъ посвятить „остроумному и глубокому писателю“, „скромному и простому основателю школы физиократовъ“³⁾.

III.

До сихъ поръ еще никого изъ художниковъ не осѣнила мысль избрать темою для большой исторической картины слѣдующую сцену, описанную Де-Ломени: „20-го декабря, 1774 года, въ періодъ восторженныхъ ожиданій, вызванныхъ новымъ царствованіемъ, пять мѣсяцевъ послѣ вступ-

¹⁾ Wealth of Nations. кн. VI, гл. IX.

²⁾ 28 мая 1752 г. раньше, чѣмъ онъ началъ писать по экономическимъ вопросамъ, Робертъ Гаррисонъ, помощникъ секретаря Королевскаго Общества, сообщилъ мнѣ, что кандидатура Кенз поддерживалась Бюффономъ, Уольмслеемъ, Д'Аламберомъ, Лакондаминонъ, Гранъ-Жанъ-де-Фуши, Саллиеромъ, Бернардень-де-Жюссье, Лъето, В. Ватсономъ, Самуэлемъ Шарномъ, Н. Мёнклеемъ.

³⁾ Уже по напечатаніи этихъ лекцій Кензъ была воздвигнута статуя въ Море, гдѣ онъ родился. Существуетъ нѣсколько портретовъ Кензъ. Одному изъ нихъ докторъ Годсонъ обязанъ возбужденіемъ своего интереса къ политической экономіи. См. его лекціи о Тюрго. Лондонъ 1870, стр. 66.

ленія Тюрго въ министерство, значительное число людей, одѣтыхъ въ трауръ, столпилось въ главной комнатѣ городского дома на улицѣ Вожираръ, въ Парижѣ. Въ концѣ комнаты возвышался большой пьедесталь, а на немъ стоялъ мраморный бюстъ; все собраніе было обращено къ нему лицомъ съ выраженіемъ глубокой скорби и уваженія. Хозяинъ дома произнесъ нѣсколько странную, особенно для того времени, рѣчь. „Милостивые государи“, началъ ораторъ, „мы лишились своего учителя; истинный благодѣтель чело-вѣчества оставляетъ міру по себѣ только память о своихъ добрыхъ дѣлахъ и безсмертное воспоминаніе о своихъ открытіяхъ“. Далѣе онъ напомнилъ, что про Сократа ¹⁾ говорили, будто его мораль перенесена прямо съ неба. Но за ихъ учителемъ числится большая заслуга: онъ посѣялъ ее на землѣ. Религія можетъ служить утѣшеніемъ и путе-водною звѣздою только для очень немногихъ возвышен-ныхъ натуръ. Между тѣмъ, земной руководящій принципъ поведенія, опирающійся на чистый продуктъ (*produit net*), вызываетъ къ разуму и сознанію cadaго человѣка, убѣждая его содѣйствовать благосостоянію всего чело-вѣчества пу-темъ просвѣщеннаго преслѣдованія интересовъ самосохраненія. Ораторъ, оставшійся послѣ смерти учителя руко-водителемъ партіи, вызываетъ къ слушателямъ, умоляя ихъ продолжать дѣло, начатое безсмертнымъ основателемъ ихъ школы, и содѣйствовать „прогрессу науки, которой суждено нѣкогда водворить миръ и благоденствіе въ обществѣ и разумъ и добродѣтель въ людяхъ“. Въ заключеніе, обра-щаясь къ бюсту, онъ восклицаетъ: „О, обожаемый бюстъ, воспроизводящій передъ нами дорогія черты нашего учи-теля“ и т. д. ²⁾. Безгласный бюстъ, взиравшій на эту нѣ-

¹⁾ Физіократы находили, что Кенэ былъ очень похожъ лицомъ на Со-крата. Одна изъ фрейлинъ г-жи Помпадуръ, г-жа Госсе, мемуары которой сооб-щаютъ намъ нѣкоторыя біографическія данныя о докторѣ, относилась съ глу-бокимъ уваженіемъ къ его нравственности и ученію (котораго она, конечно, не понимала), но непочтительно называла его обезьяною.

²⁾ Рѣчь, напечатанная въ *Nouvelles Ephémérides*, 1775 г., т. I. можетъ быть найдена въ „*Quesnay*“ Ожюна на стр. 1. Другой дневникъ Кенэ былъ напечатанъ въ томъ же году въ V т. того же журнала графомъ Д'Албономъ.

сколько театральную сцену, былъ бюстъ Кенэ. Напыщенное и витіеватое краснорѣчіе, высокопарность, выкупавшіяся только искренностью и страстностью, были характерными чертами языка „друга человѣчества“, маркиза Мирабо, который даже въ эту минуту съ благочестивою преданностью удерживался отъ произнесенія имени доктора. Не трудно догадаться, кто были собравшіеся здѣсь ученики; но никто изъ нихъ не былъ такимъ популярнымъ и авторитетнымъ представителемъ ученія фізіократовъ, какъ Мирабо, а нѣкоторые изъ нихъ были лишь прозелитами. Его неутомимая дѣятельность и страстная преданность дѣлу распространили славу фізіократовъ и ихъ системы по всѣмъ странамъ Европы ¹⁾. Онъ отдалъ въ распоряженіе Кенэ въ 1757 г. уже вполнѣ сложившуюся и прочно установившуюся литературную репутацію, огромное общественное вліяніе, массу времени, энергіи, а также денегъ! Исторія его семьи—„неистовой расы“, по его собственному признанію, является, какъ говоритъ де-Ломени, одною изъ наиболѣе поразительныхъ и интересныхъ исторій въ біографической литературѣ и не лишена интереса для читателей его сочиненій. Онъ родился 4-го октября 1715 г., въ годъ смерти Людовика XIV, и умеръ 13-го іюня 1789 г., наканунѣ взятія Бастиліи. Такимъ образомъ, его жизнь какъ разъ совпадаетъ съ тѣмъ, что принято считать началомъ и торжествомъ Французской Революціи. Прослуживши мужественно въ арміи, онъ въ 1757 г., двадцати двухъ лѣтъ отъ роду, унаслѣдовалъ отъ отца дворянскій титулъ и помѣстья и вышелъ въ отставку.

Повидимому, еще въ ранней молодости онъ лелѣялъ честолюбивую мечту сдѣлаться великимъ философомъ и государственнымъ дѣятелемъ и содѣйствовать увеличенію славы и могущества своей семьи. Онъ женился на особѣ, которая выдавалась исключительно своими огромными при-

---

¹⁾ Онъ говоритъ о Кенэ: „Я и все потомство, мы обязаны ему всѣмъ: Мнѣ онъ ничѣмъ не обязанъ, кромя своей славы“. Де-Ломени прибавляетъ: „Дѣйствительно, онъ обязанъ ея Мирабо“.

тязаніями, сдѣлавшимися по истинѣ яблокомъ раздора. Когда ея дурное поведеніе, граничившее съ припадками сумасшествія, если не превосходившее ихъ, и сластолюбивыя похождения ея знаменитаго, но распутнаго и расточительнаго сына задѣли его фамильную гордость, онъ проявилъ такой же деспотизмъ, какой проявляетъ горець-предводитель, мстящій за безчестіе, нанесенное его клану. Но въ 1757 г. эти раздоры еще не наступили. Онъ былъ другомъ Вовенарга и знакомымъ Монтескье. Господствовавшая система управленія казалась ему совершенно несоотвѣтствовавшей потребностямъ націи, и онъ ясныѣ многихъ другихъ своихъ современниковъ видѣлъ таящуюся въ народѣ силу, массовую силу. „Онъ, въ одно и то же время“, говоритъ Викторъ Гюго, „опередилъ свой вѣкъ и отсталъ отъ него“. „Онъ является“, говоритъ Токвиль, „по типу своему феодальнымъ характеромъ, проникнутымъ демократическими идеями“. Въ первой части *L'Ami des Hommes*, онъ ратовалъ за увеличеніе мелкихъ крестьянскихъ собственниковъ; но Кенэ удалося убѣдить его въ томъ, что истинный идеаль заключается въ доведеніи до *maximum'a* чистаго продукта (*produit net*) страны, а этого легче достигнуть хозяйственной эксплуатаціей земли въ широкихъ размѣрахъ. Слѣдуя Кантильону, онъ также стоялъ за поощреніе хлѣбнаго ввоза и за противодѣйствіе вывозу; но, какъ мы уже видѣли, это противорѣчило взглядамъ Кенэ, ибо докторъ считалъ такое положеніе вещей въ концѣ концовъ невыгоднымъ для увеличенія массы пищевыхъ продуктовъ, такъ какъ низкія цѣны не могутъ дѣйствовать поощряющимъ образомъ на національное производство. Но уступая въ этихъ вопросахъ, Мирабо, тѣмъ не менѣе, продолжалъ быть крайне самостоятельнымъ членомъ школы. Пользуясь популярностью, доставленною ему его „*L'Ami des Hommes*“, и сблизившись съ Кенэ, онъ приступилъ къ печатанію продолженія своего труда (4-я часть безъ заглавнаго листа въ 4-ую и 12-ую долю листа, 1758 г.; 5 и 6 части 1760), причемъ всего вышло 3 т. въ 4-ую долю или 6 т. въ 12-ую долю. Въ этихъ позднѣйшихъ частяхъ сотрудничество Кенэ очевидно. 4-я часть состоитъ изъ *Dialogue entre le Surintendant D'O et L. D. H.*, перепечатки *Mémoire*

sur les Etats provinciaux съ отвѣтомъ на анонимную критическую статью Наво и сери (съ отдѣльной нумераціей) Questions intéressantes sur la Population, l'Agriulture et le Commerce proposées aux Académies et autres sociétés sçavantes des Province“, въ которыхъ онъ проситъ доставить свѣдѣнія о мѣстныхъ сельскохозяйственныхъ условіяхъ и высказываетъ нѣсколько общихъ соображеній въ стилѣ Querist Берклея. Эти вопросы, говорится читателю, не принадлежать автору Mémoire sur les Etats provinciaux ¹⁾. Пятая часть состоитъ изъ опыта, написаннаго Мирабо на премію Бернского Земледѣльческаго Общества въ 1759 г. на вопросъ: почему Швейцарія должна заняться преимущественно производствомъ хлѣба? Къ этому опыту приложены извлеченія изъ первыхъ шести книгъ англійскаго сочиненія (переведеннаго изъ Compleat Body of Husbandry-Геля 1756 г.). Шестая часть состоитъ изъ Réponse à l'Essai sur les Ponts et Chaussées, La Voerie et les Corvées и изъ Tableau Oeconomique avec ses explications. Въ томъ же году, вмѣстѣ съ этою послѣднею частью, появилась въ 1760 г. Théorie de l'Impôt Мирабо въ 4-ую и 12-ую долю листа безъ обложки, имѣвшая тогда огромный успѣхъ. Это была остроумная и ловкая атака противъ финансовой администраціи страны и, главнымъ образомъ, противъоткупщиковъ, на которыхъ Мирабо смотрѣлъ, какъ на паразитовъ, подтачивающихъ жизненные силы націи ²⁾. Сборщикъ налоговъ никогда не бываетъ желаннымъ гостемъ, даже и тогда, когда онъ является непосредственнымъ представителемъ мѣстной или центральной власти; но когда онъ является спекуляторомъ, личная прибыль или убытки котораго зависятъ отъ размѣра собранной имъ суммы налоговъ; когда его агенты, лишен-

¹⁾ Дюпонъ говорить, что они написаны Кенз, Ephémérides, 1768 т. III, стр. 191. Дэръ утверждаетъ, что они написаны Кенз и Маривельтоль. Physiocrates, т. I. с. стр. 340.

²⁾ Его отецъ потерялъ 200.000 ливровъ при господствѣ „системы“ Ло и всегда питалъ отвращеніе къ финансовымъ дѣятелямъ.

³⁾ Въ статьѣ Кенз „Grains“ ихъ насчитывается 16.000,000; см. выше. стр. 27 Мирабо, очевидно, дѣлаетъ здѣсь уступку Мессансу, Recherches sur la population 1766 котораго имѣли цѣлью опровергнуть данныя о населеніи, приведенныя авторомъ L'Ami des Hommes.

ные крупницы состраданія, пониманія или желанія выслушать извиненія или объясненія, насилуютъ общественную совѣсть неумолимыми строгостями въ то время, какъ хозяева ихъ наживаютъ огромныя состоянія на общественный счетъ.....

Могущественные представители финансоваго міра придрались къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ совѣты Мирабо перемѣшивались съ плохо скрываемою угрозою, и выдали автора *L'Ami des Hommes* королю. Король приговорилъ его къ тюремному заключенію (16 декабря 1760 г.) въ Венсенскій замокъ, куда впослѣдствіи попалъ и сынъ его. Гнѣвъ короля смягчился просьбами г-жи Помпадуръ ¹⁾ и друзей Мирабо, и наканунѣ Рождества онъ былъ освобожденъ изъ тюрьмы и отправленъ въ свое помѣстье Биньонъ безъ права жительства въ Парижъ. Такое рѣшое напоминаніе о границахъ свободы заставило физиократовъ замолкнуть на 2½ года, но они все же не бездѣйствовали. Въ 1763 г. Мирабо завербовалъ въ число своихъ послѣдователей Дюпонаде-Немура, который въ своей критикѣ *Théorie de l'Impôt* говорить: „Это прекрасное сочиненіе вышло, насколько мнѣ извѣстно, въ восемнадцати изданіяхъ“. Кромѣ отмѣны принципа отдачи налоговъ на откупъ, онъ предлагаетъ ввести большую простоту и ясность въ систему обложенія и отдаетъ предпочтеніе прямымъ налогамъ. Онъ настаиваетъ на уничтоженіи налога на соль, ради увеличенія общаго дохода (признаніе принципа, хорошо извѣстнаго теперь подъ именемъ эластичности казначейства); требуетъ спеціальнаго налога на табачныя плантаціи и находитъ, что, помимо доходовъ съ почтовыхъ учреждений, монетнаго двора и *Domaine* (королевской земли и имущества), остальной доходъ государства долженъ получаться съ налога на землю. Это и былъ *Impôt unique* (единный налогъ, только съ нѣкоторыми видоизмѣненіями). Въ этомъ сочиненіи много цѣнныхъ указаній, и оно имѣетъ большое значеніе для исторіи финансо-вой науки.

---

¹⁾ Она мало симпатизировала Мирабо, но была очень привязана къ Кенэ, который дважды спасъ ей жизнь.

Въ 1763 г. появилась *Philosophie Rurale*, Amsterdam, Paris, 4to, которая представляет, можетъ быть, самое полное и точное изложеніе взглядовъ школы физиократовъ; она была названа Гриммомъ: „Пятикнижіе партіи“. Дэръ, не симпатизирующій Мирабо, считаетъ ее „лучшимъ или, по крайней мѣрѣ, наименѣе неудовлетворительнымъ изъ всѣхъ его сочиненій“, но онъ навѣрное отозвался бы съ большимъ уваженіемъ объ этомъ трудѣ, если бы зналъ, какое большое участіе принялъ въ немъ Кенэ, который, по рассказамъ Дюпона, былъ его инициаторомъ и самъ написалъ всю сельскую главу ¹⁾. Оно было напечатано въ сокращенномъ видѣ въ 1767 г. въ Гаагѣ въ 12-ую долю листа подъ заглавіемъ *Eléments de philosophie rurale*. Изъ другихъ его сочиненій упомянемъ *Reponse du correspondant à son banquier 1759, 4to* (отвѣтъ Форбонэ); *Lettres sur le commerce des grains*, Amsterdam et Paris, 1768, въ 12-ую, *Les Economiques*, Amsterdam et Paris 1769—72, 2 тома въ 4-ую долю листа или 4 т. въ 12-ую; *Lettres d'un ingénieur.... pour servir de suite à l'Ami des Hommes*, Avignon 1770, въ 12-ую; *Lettres économiques*, Amsterdam. 1770, 12mo; *Les Devoirs*, Milan 1770; *La science, ou les Droits et les devoirs de l'Homme*, Lausanne 1774; 12mo; *Lettre sur la législation*, Berne, 1775 3 v. 12mo. *Supplément à la théorie de l'Impôt*, La Haye. 1776; *Entretien d'un jeune Prince avec son gouverneur* par L. D. N. Publié par M. G... (l'Abbé Grivel), Paris, 1785, 4 v. 8vo et 12mo; *Education civile d'un Prince Doulac*, 1788, 8vo; *Rêve d'un goutteux, ou le Principal* (въ концѣ 1788 г.) памфлетъ, выражающій его надежды на имѣющее состояться Учредительное Собраніе, и *Hommes à célébrer pour avoir bien mérité de l'humanité par leurs écrits sur l'Économie politique*. Ouvrage publié par P. Boskovitch, ami de l'auteur Bassano 2 v. 8vo. Многія изъ этихъ сочиненій были подписаны инициалами L. D. N. (L'Ami des Hommes), но позднѣйшія выходили иногда анонимно, а иногда въ другихъ государствахъ, благодаря содѣйствію его друзей. *Les Devoirs* были напечатаны благодаря маркизу Лонго, профессору политической экономіи въ Миланѣ. Въ общественныхъ интересахъ авторъ настаиваетъ

¹⁾ Dupont de Nemours et l'École physiocratique par G. Schelle. Paris, 1888, 8vo стр. 25.

въ этой книгѣ на необходимости экономическаго образованія, которое давало-бы руководящія начала для поведенія людей. Такое элементарное образование должно быть обязательнымъ и бесплатнымъ для тѣхъ, кто не можетъ платить.

Иногда утверждаютъ, что французская революція уничтожила вліяніе фізіократовъ. Но, въ дѣйствительности, слава ихъ померкла еще задолго до 1789 г. 1776 г. нанесъ имъ три удара, отъ которыхъ они никогда не оправились окончательно. Паденіе Тюрго,—хотя онъ и не вполнѣ принадлежалъ къ ихъ сектѣ,—проложило путь къ ихъ пораженію. Появленіе „Богатства народовъ“ послужило къ болѣе медленному, но въ то же время болѣе дѣйствительному разрушенію ихъ авторитета, ибо оно подтачивало тѣ научныя основанія, на которыя онъ опирался. Наконецъ скандалъное распространіе въ 1776 г. клеветы и пасквилией и предъявленіе исковъ со стороны жены и дѣтей Мирабо окончательно пошатнули популярность „Друга человѣчества“, втоптали его въ грязь и доставили ему славу гнуснаго обманщика, частная жизнь котораго, противорѣча его общественному ученію, являла проповѣдника нравственности въ неприкрашенномъ видѣ и доказывала его чудовищное лицемеріе. Въ своихъ извѣстныхъ *Lettres de Vincennes*, младшій Мирабо иронизируетъ надъ фізіократами и не падить ихъ главы. „Рано или поздно“, говоритъ онъ „обнаружится, что мой отецъ обязанъ прозвищемъ *L'Ami des Hommes* только собственному великодушію..., чловѣкъ, который считаетъ себя любящимъ, сострадательнымъ, руководителемъ королей, великимъ благодѣтелемъ человѣчества, является угнетателемъ своей жены и дѣтей“. „Я знаю“, жалуется молодой распутникъ, „что очевидность противъ меня, но она также противъ моего отца, который держитъ меня въ заключеніи. Факты очень легко исказить. Я могъ бы, напримѣръ, указать на то, что занятый созданіемъ политической экономіи, онъ довелъ себя до раззоренія; что онъ растратилъ двухмилліонное состояніе своей жены и дѣтей, воаставая противъ роскоши и долговъ; что онъ, несмотря ни на что, основалъ въ Парижѣ партійный кружокъ и жилъ тамъ не по средствамъ, усиленно ратуя

въ то же время противъ абсентеизма землевладѣльцевъ: осуждая въ своихъ сочиненіяхъ *lettres de cachet* (секретныя предписанія объ арестованіи), онъ самъ воспользовался 53 предписаніями противъ своей жены и дѣтей, которые всѣ, кромѣ одного, сидятъ подѣ замкомъ“. „Я не сомнѣваюсь въ томъ“, добавляетъ онъ, „что мой отецъ можетъ оправдаться отъ заводимыхъ на него обвиненій: но почему же онъ не хочетъ позволить и мнѣ защититься?“ Сочиненія Де-Ломени, доказавшія предубѣжденность и невѣрную передачу фактовъ со стороны де-Мантиньи, въ значительной степени содѣйствовали возстановленію репутации экономиста, а въ болѣе зрѣлыя годы знаменитый ораторъ революціи перешелъ на сторону отца и отзывался о немъ съ похвалою и уваженіемъ. Но для насъ важно отмѣтить, что непосредственнымъ результатомъ этихъ нападокъ было, съ одной стороны, ослабленіе репутации старшаго Мирабо, а, съ другой стороны, они привели къ тому, что, онъ все болѣе и болѣе углублялся въ занятія политической экономіею, ища развлеченія отъ семейныхъ заботъ. Онъ оставилъ послѣ себя 400 рукописей въ 4-ую долю листа, написанныхъ собственною рукою; сорокъ напечатанныхъ томовъ, нѣсколько журнальныхъ статей, массу неизданныхъ сочиненій и огромную корреспонденцію, причемъ съ однимъ только братомъ онъ обмѣнялся болѣе, чѣмъ 4000 письмами. Въ слѣдующей главѣ мы упомянемъ о его дѣятельности въ другихъ отрасляхъ. „Если бы моя рука была изъ бронзы“, говорилъ онъ, „то она уже давно изнасилась бы“.

Среди „людей, одѣтыхъ въ трауръ и обращенныхъ лицомъ къ бюсту Кенэ съ выраженіемъ глубокой скорби и уваженія“ чувствовалось замѣтное отсутствіе кого-то. Это незанятое мѣсто принадлежало одному изъ выдающихся учениковъ, возвратившемуся изъ Польши для того, чтобы работать вмѣстѣ съ Тюрго,—Дюпону-Де-Немуру (род. 18 декабря 1739 г., ум. 7 августа 1817 г.). Обращенный Мирабо въ лоно школы въ 1763 г., онъ сдѣлался услужливымъ и работящимъ исполнителемъ своихъ учителей; онъ издавалъ сочиненія Кенэ (*Physiocratie* 1767—8), экономическіе журналы

школы и въ то же время сдѣлался секретаремъ, біографомъ и другомъ Тюрго, преданнымъ совѣтникомъ иностранныхъ государей, и, наконецъ, членомъ Учредительнаго Собранія. Библіографія его собственныхъ сочиненій, приложенная къ прекрасной монографіи Шелля (Schelle), состоитъ изъ 112 отдѣльныхъ введеній, приложенныхъ къ новымъ изданиямъ и переводамъ, причемъ одно изъ этихъ введеній превосходить размѣромъ цѣлыхъ 120 статей изъ *Ephémérides*, а другія—рядъ отдѣльныхъ статей. Въ 1763 г., по окончаніи семилѣтней войны, нація была окончательно раззорена. Финансовый вопросъ былъ вопросомъ жизни и смерти. Анонимный памфлетъ, *La Richesse de l'État*, написанный государственнымъ чиновникомъ — Руссель - де-ла - Туромъ, предлагалъ замѣнить всѣ налоги прогрессивнымъ подушнымъ налогомъ. Дюпонъ, которому тогда было двадцать три года, подвергъ это предложеніе критикѣ въ памфлетѣ, озаглавленномъ *Réflexions sur la Richesse de l'Etat*. Налоги въ дѣйствительности ложатся на землю, говоритъ онъ, и должны быть взимаемы непосредственно съ землевладѣльцевъ. Этотъ памфлетъ заинтересовалъ Кенэ и Мирабо (ссылка котораго въ Виньонъ не была еще отмѣнена) по двумъ причинамъ. Они нашли въ немъ подтвержденіе своей собственной доктрины и рѣшили, что если правительство не препятствуетъ обращенію его въ обществѣ, то, значить, и они могли бы рискнуть возобновить свою дѣятельность. Срокъ ссылки Мирабо уже кончался. Дюпонъ былъ приглашенъ на одно изъ собраній Кенэ въ *entresol* г-жи Помпадуръ и окончательно завербованъ въ члены, въ томъ же 1763 году. „Позаботимся о немъ“, сказалъ Кенэ, обращаясь къ Мирабо, „послѣ нашей смерти онъ будетъ говорить за насъ“. 25-го мая 1763 г., эдиктъ 1754 г., разрѣшавшій свободу внутренней торговли хлѣбомъ, былъ вновь изданъ съ добавленіями; дворяне могли на законномъ основаніи заниматься хлѣбною торговлею, и хлѣбъ былъ освобожденъ отъ таможенныхъ пошлинъ. Эдиктъ былъ уничтоженъ Терре (Terreau) въ 1770 г.; но при вступленіи Тюрго въ министерство, первымъ дѣломъ его было издание еще болѣе либеральнаго эдикта, разрѣшающаго свободу ввоза и вывоза; содержащее мотивы вступленіе было на-

писано Дюпономъ и вполне приближалось къ взглядамъ, высказаннымъ Кенэ въ его статьѣ „Grains“. Эдиктъ гласить, что новая политика ставить себѣ цѣлью „содѣйствовать возбужденію и расширенію земледѣлія, продукты котораго являются единственнымъ прочнымъ и дѣйствительнымъ богатствомъ государства; поддержать обиліе запасовъ посредствомъ устройства зернохранилищъ и ввоза иностраннаго хлѣба; препятствовать такому паденію хлѣбныхъ цѣнъ, которое могло бы породить уныніе среди проиводителей; устранить монополію посредствомъ замѣны частныхъ привилегій полною свободою конкуренціи; способствовать развитію международной торговли и обмѣну излишнихъ продуктовъ на необходимыя, что вполне соответствуетъ порядку, установленному Божественнымъ Провидѣніемъ“. Казалось, физиократы въ значительной степени выиграли свое дѣло. Но они признавали, что необходимо „дѣйствовать на мнѣніе“, выражаясь словами Кенэ ¹⁾. Руководимый предразсудками, народъ опасался, чтобы скупщики и хлѣботорговцы изъ личныхъ выгодъ не подняли бы цѣнъ хлѣба до голодныхъ цѣнъ, сбывая его за границу. Необходимо было убѣдить общественное мнѣніе въ спасительномъ значеніи „ясной и простой системы естественной свободы“, какъ называлъ ее Адамъ Смитъ. Поэтому физиократы отыскивали такой журналъ, въ которомъ они могли бы развивать свои идеи. Подходящимъ изданіемъ оказалось прибавленіе къ *Gazette du Commerce*, основанное въ 1763 г. и названное ими *Journal de l'agriculture, du commerce et des finances*; редакторомъ былъ назначенъ Дюпонъ, въроятно, по рекомендаціи Трюдена ²⁾. Собственники журнала, подстрекаемые противниками школы, удалили Дюпона по выходѣ ноябрьской книжки 1766 г., и экономисты принуждены были снова отыскивать другой органъ. *Ephémérides du citoyen ou Chronique de*

¹⁾ См. выше-стр.-35.

²⁾ Согласно Шеллю, Де-Ложени говорятъ, что рекомендація была дана Морелле.

l'esprit national, журналъ, выходившій два раза въ недѣлю, былъ основанъ въ 1765 г. аббатомъ Бодо по образцу англійскаго Spectator'a. Хотя аббатъ защищаль меркантильную систему, но онъ также печаталъ у себя статьи, критикующія эту систему, а на одну изъ такихъ статей Летрона (Le Grosne) онъ предполагалъ отвѣтить девятью статьями, причемъ первую онъ послалъ въ Journal Дюпона въ 1766 г. Дюпонъ напечаталъ ее съ нѣкоторыми примѣчаніями. „Вы утверждаете“, говоритъ онъ, „что націи богатѣютъ или бѣднѣютъ въ зависимости отъ колебаній иностранной торговли. Но вы, конечно, признаете, что нація можетъ и не заниматься иностранною торговлею, и, тѣмъ не менѣе, быть разоренною. Какъ объяснить это съ точки зрѣнія отстаиваемой вами теоріи?“ Бодо познакомился съ Дюпономъ, обсуждалъ съ нимъ этотъ вопросъ и затѣмъ объявилъ ему, что онъ нашель дорогу въ Дамаскъ. Съ тѣхъ поръ онъ соединилъ свою судьбу съ фізіократами. Изданіе Ephémérides было приостановлено на два мѣсяца, а въ январѣ 1767 г. они снова появились подъ новымъ заглавіемъ: Ephémérides du Citoyen, ou Bibliothèque des sciences morales et politiques, ежемѣсячный журналъ въ 12-ую листа. Въ маѣ 1768 г. Бодо получилъ повышеніе въ качествѣ духовнаго лица, съ назначеніемъ въ Польшу. Дюпонъ, бывшій по службѣ вмѣстѣ съ Тюрго въ Лимузенѣ, отказался отъ своей должности, пріѣхалъ въ Парижъ и взялъ на себя редакторство журнала; онъ остался редакторомъ вплоть до самаго закрытія его правительствомъ (въ ноябрѣ 1772 г.). Маркграфъ Баденскій скорѣе назначилъ его тайнымъ совѣтникомъ и отправилъ его въ Карлсруе, гдѣ онъ оставался до тѣхъ поръ, пока не уѣхалъ въ Польшу, въ качествѣ наставника сына князя Чарторыйскаго (Іюль 1774 г.). Пріѣхавши на мѣсто назначенія, онъ получилъ извѣщеніе отъ Тюрго о занятіи имъ поста министра и предложеніе поступить на службу; но не считая себя вправѣ принять мѣсто въ данное время, онъ отказался. Тѣмъ не менѣе, въ сентябрѣ Тюрго формально назначилъ его директоромъ Департамента Мануфактуръ, причемъ Дюпонъ оказывалъ ему очень цѣнныя услуги вплоть до совмѣстнаго паденія ихъ

въ 1776 г. *Mémoire sur les municipalités*, заключавшее въ себѣ принадлежавшій Тюрго планъ реформы мѣстнаго правленія, было написано Дюпономъ. Послѣ смерти Тюрго въ 1781 г. онъ написалъ очеркъ его жизни и трудовъ (1782 г.), а много лѣтъ спустя издалъ его сочиненія въ девяти томахъ in 8-vo (1809—1811). Въ 1782 г. онъ заключилъ съ Англiей договоръ, признавшій независимость Америки. Въ 1786 г. ему было поручено заключить торговый договоръ съ Англiею. Въ 1787 г. онъ участвовалъ въ *Assemblée des Notables*; въ 1789 г. былъ выбранъ въ Учредительное Собраніе ¹⁾, боролся за свободу и экономическую политику, воаставалъ противъ ассигнацій (*assignats*) и Якобинцевъ и, подвергшись многочисленнымъ опасностямъ, въ 1793 г. добровольно переселился въ Америку. Въ 1802 г. онъ вернулся и поступилъ на службу при Людовикѣ XVIII, но, по возвращеніи Наполеона, снова покинулъ Францію и уѣхалъ въ Америку, гдѣ и прожилъ послѣдніе два года своей жизни.

Эти историческія и біографическія свѣдѣнія были необходимы для пониманія развитія и вліянія школы физиократовъ. Мѣсто не позволяетъ намъ коснуться другихъ произведеній Дюпона. Многія изъ статей, написанныхъ имъ и другими авторами въ *Journal* и *Ephémérides*, вышли отдѣльными изданіями. *Physiocratie* 1767 — 1768 г. ²⁾ состояла изъ нѣсколькихъ статей Кенэ, изданныхъ Дюпономъ и изъ памфлета 1768 г. *De l'origine et des progrès d'une science nouvelle*. Въ теченіе многихъ лѣтъ эта книга служила источникомъ для исторiи физиократовъ ³⁾. Въ настоящее время намъ

¹⁾ Представителемъ отъ Немура. Въ Собраніи былъ другой Дюпонъ, почему нашъ и былъ прозванъ Дюпонъ-Де-Немуръ. Одно время онъ былъ президентомъ Собранія.

²⁾ Отъ заглавія этой книги, означающаго „управленіе согласно природѣ“ и возникло названіе „физиократы“, которое Ж. Б. Сэ перенесъ на школу, извѣстную современникамъ подъ именемъ „экономистовъ“. Дюпонъ долго считался изобрѣтателемъ этой клички, но есть гораздо болѣе основаній думать, что мы обязаны ею Кенэ.

³⁾ Это была въ сущности попытка дать обществу, по почину Дидеро, сматое изложеніе *Ordre naturel et essentiel des sociétés politiques* 1767, 1 т. 4 Т. 3 т. 12-го Мерсье-де-ла-Ривьера. Шелль предполагаетъ, что Дидеро

ясно, что въ нее закралось много неточностей, нѣкоторыя изъ которыхъ объясняются страстнымъ желаніемъ Дюпона защититься отъ направленныхъ противъ его школы обвиненій въ сектанствѣ. Съ его точки зрѣнія, всѣ экономисты работаютъ вмѣстѣ для одного и того же дѣла, а потому разногласія ихъ гораздо менѣе существенны, чѣмъ точки ихъ соприкосновенія. „Вы такой же экономистъ, какъ и мы, дорогой Сэй“, писалъ онъ Сэю въ концѣ своей жизни, когда этому французскому Адаму Смиту вздумалось порвать со школою Кенэ. Илагая происхожденіе школы, онъ признаетъ, что Кенэ и Гурнэ оба были ея основателями. Изъ изслѣдованія профессора Онкена, мы узнаемъ о Гурнэ почти то же, что изъ *Eloge* его друга Тюрго (1759). Онъ родился въ 1712 г., занимался торговлею въ Кадиксѣ (1727—1744), путешествовалъ по Европѣ (1744—1751), вернулся во Францію, былъ назначенъ комиссаромъ торговли (1751) и разъѣзжалъ по странѣ, причемъ, когда онъ ѣздилъ на официальные ревизіи, онъ бралъ съ собою Тюрго. Его возмущали препятствія, стѣснявшія торговлю, онъ совѣтовалъ заняться изученіемъ политической экономіи, главнымъ образомъ сочиненій Кантильона, Тукера, Кельепера, Чайльда ¹⁾ и другихъ англійскихъ авторовъ, и стоялъ за свободу внутренней торговли и за облегченіе таможенныхъ сборовъ. Онъ умеръ въ 1759 г.; придерживался нѣкоторыхъ специальныхъ доктринъ физиократовъ о землѣ и объ обложеніи, но врядъ-ли когда-нибудь былъ лично знакомъ съ Кенэ. Дюпонъ приписываетъ Гурнэ знаменитое изреченіе *Laissez-faire, laissez-passer*, которое онъ дѣйствительно популяризировалъ. Но изученіе *Eloge de Gournay* Тюрго убѣждаетъ насъ въ томъ, что вы-

---

Смитъ по ошибкѣ принялъ это произведеніе за другой, болѣе обширный трудъ де-ла-Ривьера, который онъ называетъ «маленькою книжкою». Но Адамъ Смитъ былъ слишкомъ хорошо знакомъ съ физиократами, чтобы сдѣлать подобную ошибку, и намъ извѣстно, что у него было произведеніе Мерсье-де-ла-Ривьера. см. *Economie journal*, т. IV. ст. 706. (Дек. 1894).

¹⁾ Онъ перевелъ на французскій языкъ Чайльда и Кельепера. См. выше стр.

Гитсъ. „Физиократы“.

4

раженіе *Laissez-faire* въ дѣйствительности принадлежитъ Лежандру, купцу, который участвовалъ въ депутаціи, отправленной Кольберу около 1680 г. для выраженія протеста противъ чрезмѣрной государственной регламентаціи промышленности, и который защищалъ свободу дѣйствія, пользуясь при этомъ выраженіемъ: *Laissez nous faire*¹⁾. Буагильберъ и Д'Аржансонъ высказывали это положеніе еще до Турнэ, но, тѣмъ не менѣе, впервые въ его устахъ оно приобрѣло свое послѣдующее классическое выраженіе. Его личное вліяніе было очень благотворное, оно дѣйствовало вдохновляющимъ образомъ на многихъ, въ особенности на Тюрго, и Дюпонъ приводитъ цѣлый рядъ писателей, которые принадлежали къ его „школѣ“; но это были защитники экономической свободы скорѣе въ области торговли, чѣмъ въ области сельскаго хозяйства.

Слѣдующимъ выдающимся и достойнымъ упоминанія фізикоэкономомъ является Мерсье-де-ла-Ривьеръ (1720—1794), судья, бывший одно время губернаторомъ на Мартиникѣ. Онъ написалъ очень цѣнный трудъ, о которомъ мы уже упомянули, — *L'Ordre naturel et essentiel des sociétés politiques*, 1767. Адамъ Смитъ считалъ его „наиболѣе яснымъ и связнымъ изложеніемъ доктринъ“ партіи. Оно написано высокимъ стилемъ (*grand style*), къ которому шотландскій экономистъ былъ равнодушенъ, и, подобно многимъ другимъ сочиненіямъ этой школы, писалось подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Кенэ, хотя авторъ и не осыпаетъ его обычными похвалами. Позднѣе Мирабо писалъ о немъ: „я видѣлъ его за работою, въ халатѣ; въ теченіе шести не-

---

¹⁾ См. профессора Окена: *Die Maxime Laissez-faire—et Laissez-passer, ihr Ursprung, ihr Werden*, Bern, 1886. Лордъ Актоизъ, ученый профессоръ исторіи, въ своемъ введеніи къ лекціямъ, читаннымъ имъ въ Кембриджскомъ университетѣ, говоритъ объ экономическомъ ученіи *Laissez-faire*, какъ объ унаслѣдованномъ восемнадцатымъ столѣтіемъ отъ Кольбера, (*The Study of History*, 1895 стр. 30) и ссылается на *Comptes rendus de l'Institut*. т. XXXIX стр. 93, въ подтвержденіе этого положенія. Но, какъ уже выше сказано, эта фраза, наоборотъ, выражала протестъ противъ созданной Кольберомъ политики, которая, за исключеніемъ стремленія къ экономическому объединенію націи, была прямо противоположна системѣ невмѣшательства.

дѣль онъ сидѣлъ въ *entresol* доктора, поправлялъ и переправлялъ свое произведеніе, а впослѣдствіи онъ отрекся отъ отца и матери ¹⁾ [Кенэ и Мирабо.

Въ 1767 г. школа была еще очень молода. Даръ говорить, что обществу приходилось тогда лишь выбирать между лаконическими изреченіями Кенэ, и возмутительнымъ многословіемъ Мирабо; но странный стиль Мирабо, растянутасть и обиліе образныхъ выраженій способны были отбить всякую охоту къ изученію политической экономіи ²⁾. Исключеніемъ въ данномъ случаѣ являлись сочиненія Дюпона и Абеяля и статьи, помѣщенные въ *Journal*. Но, тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, что появленіе *Ordre naturel et essentiel* сразу было привѣтствовано съ большимъ жаромъ. Дюпонъ называлъ его „величественнымъ“, „краснорѣчивымъ“, „логически и точно продуманнымъ“, а русскій посланникъ, князь Голицынъ, писалъ Вольтеру ³⁾, что „оно стоитъ несравненно выше произведеній Монтескье“. Послѣдователи Кольбера и приверженцы государственнаго вмѣшательства нападали на физиократовъ съ политической точки зрѣнія.

Физиократамъ ставили такого рода вопросъ: „Если, оставаясь вѣрными своей системѣ, Вы говорите государству: „руки прочь“ и убѣждаете его предоставить жизнь „естественному ходу вещей“, то какова же по Вашему мнѣнію функція государства?“ И вотъ, Мерсье-де-ла-Ривьеръ думался соадать философію государства. Ньютонъ и другіе натуралисты открыли великіе законы, управляющіе гармоніею физическаго міра. Очевидно, должны быть подобныя же законы, управляющіе моральнымъ строемъ социальнаго міра, и вотъ почему эпиграфомъ къ своей книгѣ нашъ авторъ выбралъ изреченіе изъ *Traité de Morale* Мальбранша: „L'ordre est la loi inviolable des esprits; et rien n'est réglé, s'il n'y est conforme“. Общій планъ мірозданія покоится на естественныхъ законахъ, управляющихъ вещами, и человекъ не можетъ быть

---

¹⁾ Джозъ Рэ въ своемъ сочиненіи *Life of Adam Smith* должно истолковывать значеніе этой фразы.

²⁾ *Les Physiocrates*, т. II, стр. 429, 430.

³⁾ См. ниже IV.

исключеніемъ изъ правила. Ему необходимо только ознакомиться съ условіями, которыя содѣйствуютъ достиженію наивысшаго счастья, руководиться ими и изучать ихъ. Всѣ бѣдствія человѣчества обусловливаются невѣжественнымъ противодѣйствіемъ этимъ законамъ, изученіе которыхъ должно привести къ тому убѣжденію, что благоденствіе каждаго члена общества нераздѣльно связано съ благоденствіемъ всѣхъ другихъ, и что достиженіе общаго благосостоянія приведетъ человѣчество къ благодарному поклоненію милостивому Существу, управляющему этимъ совершеннымъ космосомъ.

Самая организація человѣка доказываетъ, что онъ животное общественное, предназначенное природою къ тому, чтобы жить въ обществѣ. При такомъ общественномъ порядкѣ нѣтъ правъ безъ обязанностей, нѣтъ обязанностей безъ правъ. Право самосохраненія обусловливаетъ существованіе права собственности; но люди отъ природы обладаютъ неодинаковыми способностями, а это ведетъ къ естественному неравенству состояній. Индивидуальная собственность на продукты земли обусловливаетъ собою физическую необходимость индивидуальной собственности на самую землю. Увеличеніе богатства является лишь посредственной цѣлью общества, какъ необходимое условіе для достиженія счастья; счастье же растетъ по мѣрѣ увеличенія народонаселенія, которое, въ свою очередь, возможно только при увеличеніи производства продуктовъ. Но право собственности свелось бы къ нулю безъ свободы пользованія имъ, и общественная свобода является однимъ изъ видовъ собственности. Такимъ образомъ, естественный и необходимый общественный порядокъ является произвольно установленнымъ, простымъ, очевиднымъ, непреложнымъ и наиболѣе выгоднымъ для человѣчества. Онъ объединяетъ монарха и народъ на почвѣ общихъ интересовъ; очевидность его, разъ она получила общественное признаніе, обуславливаетъ его общественное господство, его деспотизмъ, не сопровождаемый насиліемъ. Два общественныхъ учрежденія необходимы: 1) независящая отъ законодательства *суды* для разрѣшенія недоразумѣній и исполненія только справедливыхъ съ ихъ

точки зрѣнія законовъ (противоположное поведеніе было бы равносильно тому, если бы, напр., врачъ сталъ лѣчить своего пациента по методу, безусловно смертельному для него); 2) *опекунская власть*, носительница общественной власти, издающая законы сообразно съ справедливостью (ибо законодательное право связано съ обязанностью не издавать явно дурныхъ законовъ). Эта власть должна быть единою и нераздѣльною. Такъ называемое законодательное собраніе представляетъ собою не нѣчто цѣлое, а множество особей, временно объединенныхъ и не связанныхъ между собою общностью взглядовъ. Если онѣ расходятся въ воззрѣніяхъ, то онѣ не всѣ въ достаточной степени мудры, если же онѣ солидарны, то каждый изъ нихъ, самъ по себѣ, сдѣлалъ бы тоже или даже лучше, чѣмъ всѣ вмѣстѣ, ибо раздѣленіе власти противорѣчитъ естественному порядку. Лучшею опекунскою властью является единоличная власть монарха, который ничего не выигрываетъ отъ дурного управленія, и, наоборотъ, наиболѣе заинтересованъ въ томъ, чтобы быть хорошимъ правителемъ. Власть его должна быть наследственной; онъ долженъ быть заинтересованъ въ благосостояніи націи не какъ временный владѣлецъ, а какъ настоящій владѣлецъ, какъ одинъ изъ собственниковъ земельного продукта. Деспотизмъ внушаетъ ужасъ потому, что мы смѣшиваемъ то, чѣмъ онъ былъ (деспотизмъ, основанный на произволѣ и являющійся гибельнымъ) съ тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть (деспотизмъ, основанный на законѣ и являющійся наиболѣе цѣлесообразною формою правленія).

„Нація является политическимъ тѣломъ, члены котораго связаны между собою узами взаимныхъ правъ и обязанностей, нераздѣльно соединяющихъ правителя и управляемыхъ общими интересами“.

Таково содержаніе первыхъ двадцати шести главъ. Остальные восемнадцать имѣютъ болѣе непосредственный экономическій характеръ, и только онѣ вошли въ сборникъ сочиненій физиократовъ, изданный Дэрômъ. Монархъ получаетъ долю изъ чистаго продукта. Въ первобытномъ обществѣ эта доля падала на первыхъ земельныхъ собствен-

никовъ, хотя уже и имъ королевская власть приносила больше пользы, чѣмъ ихъ взносы—королю. Послѣдующіе землевладѣльцы подчинили самую землю этой повинности въ пользу короля, которая, такимъ образомъ, перестала быть бременемъ, падающимъ на отдѣльныхъ индивидовъ.

Правительство существуетъ для того, чтобы охранять права собственности. Установленіе какой-нибудь ненамѣнной суммы обложенія было бы несправедливостью: какъ по отношенію къ монарху, такъ и къ землевладѣльцу, ибо размѣръ чистаго продукта мѣняется соотвѣтственно условіямъ періоды. Поэтому, надлежащей формою обложенія является пропорциональное участіе въ чистомъ продуктѣ. Изъ каждой жатвы необходимо выдѣлить воѣ издержки производства, такъ какъ они являются необходимымъ элементомъ новаго богатства, а излишекъ долженъ быть распредѣленъ между землевладѣльцами и королемъ. Налоги должны взыматься непосредственно съ земли, такъ какъ, если они будутъ ложиться на товары или на лица, то справедливость и точность такого обложенія станетъ менѣе очевидной; оно сдѣлается произвольнымъ, а этого достаточно для осужденія всей системы; не говоря уже о томъ, что это увеличитъ расходы по ввѣманію, такъ какъ обложеніе будетъ производиться дважды (при первоначальномъ производствѣ продукта и при мануфактурной его обработкѣ), такимъ образомъ: часть налоговъ будетъ ложиться на самого монарха. Каждый продавецъ есть въ то же время покупатель, и каждый покупатель является одновременно продавцомъ. Свобода индивидовъ должна распространяться, какъ на внѣшнюю, такъ и на внутреннюю торговлю, а различныя націи должны равномѣриваться: экономистомъ, какъ части единой націи. Международная свобода торговли дала бы каждой націи возможность преслѣдовать свою наибольшую естественную выгоду; и каждой отдѣльной націи выгодно принять эту точку зрѣнія, хотя бы ея и не раздѣляли другія націи. Промышленность и торговля сами по себѣ непродоводительны. Ткачъ покупаетъ матеріалъ на пятьдесятъ франковъ, обрабатываетъ его и продаетъ продуктъ за 200 фр. Говорятъ, что онъ учетверилъ цѣнность продукта, но на

самомъ дѣлѣ это не такъ. Онъ прибавилъ къ первоначальной цѣнности продукта новую цѣнность въ сто пятьдесятъ фр., которую онъ потребилъ во время своей работы въ видѣ одежды, пищи и пр. Сложеніе не есть умноженіе. Если бы никто не купилъ его готоваго продукта, эта добавочная цѣнность оказалась бы безвозвратно потерянною. Но если я сдаю вамъ акръ земли за десять фр., и вы издерживаете на него еще десять фр., и получаете жатвы на тридцать фр., то акръ земли возвращаетъ вамъ вашу ренту и издержки и сверхъ того даетъ вамъ еще излишекъ. Роль промышленности и торговли, которая только перемѣщаютъ цѣнности изъ однихъ рукъ въ другія, а не увеличиваютъ ихъ суммы—очень ограниченная, и главнымъ экономическимъ идеаломъ націи должно быть умноженіе ея чистаго продукта.

Адамъ Смитъ говоритъ объ „экономистахъ“, что „въ своихъ многочисленныхъ трудахъ, въ которыхъ они занимаются не исключительно изученіемъ того, что называется собственно политической экономіей, т. е. изученіемъ природы и причинъ богатства народовъ, но и всякими другими отраслями гражданского управленія, они съ незначительными отступленіями все слѣпо слѣдуютъ доктринѣ Кенэ. Въ этомъ отношеніи, большая часть ихъ сочиненій не отличается разнообразіемъ идей“. И затѣмъ онъ высказываетъ приведенное уже выше (стр. 52) мнѣніе, что „самое ясное и связанное изложеніе ихъ ученія“ дано Мерсье-де-ла-Ривьеромъ. Но нѣкоторые члены школы не вполне соглашались съ его книгою, которая преимущественно посвящена политической сторонѣ ихъ ученія и является защитою просвѣщеннаго деспотизма. Такъ, напимѣръ, Мирабо и Дюпонъ, Абейль и Морелли, на словахъ соглашавшіеся съ большею частью этихъ взглядовъ, по духу, а въ послѣдствіи и на практикѣ расходились съ ними.

Въ слѣдующихъ главахъ, мы мелькомъ упомянемъ о другихъ членахъ этой школы; но мѣсто не позволяетъ намъ остановиться на ихъ жизни и произведеніяхъ съ такою обстоятельностью, съ какою мы сочли нужнымъ сдѣлать это въ отношеніи въ четырехъ главнымъ представителямъ бюрократической школы. Тѣмъ не менѣе, мы пере-

числимъ наиболѣе выдающіяся и неупомянутыя еще нами сочиненія.

Главная заслуга аббата Бодо (Baudouin) (1730—1792) передъ школою заключалась въ томъ, что онъ редактировалъ *Ephémérides* и *Nouvelles Ephémérides*, въ которыхъ онъ и самъ много сотрудничалъ. Его *Première introduction à la philosophie économique ou analyse des Etats policés*, Paris 1771, изъ всѣхъ его отдѣльныхъ статей заслуживаетъ особеннаго вниманія, и была вновь напечатана въ сборникъ Дэра. Летронъ (Letrosne) (1728—1780), очень дѣльный юристъ и выдающійся ученикъ Потье, приобрѣлъ извѣстность своимъ сочиненіемъ въ двухъ томахъ, первый изъ которыхъ озаглавленъ „*De l'ordre social*“ а второй „*De l'intérêt social*“, 8-го Paris, 1877; это очень ясное и систематическое изложеніе системы физиократовъ. Тюрго очень усиленно распространялъ въ своей провинціи книгу Летрона: *Liberté du Commerce des Grains, toujours utile et jamais nuisible* съ приложеніемъ своей статьи, въ которой онъ очень хвалитъ эту книгу.

Сень-Перави (Saint-Péray) (1732—1789) оставилъ по себѣ память, главнымъ образомъ, благодаря своему *Mémoire sur les effets de l'impôt indirect sur le revenu des propriétaires de biens fonds, qui a remporté le prix proposé par la société royale d'agriculture de Limoges en 1767, 1768, 12mo Londres et Paris*, которому отчасти обязаны своею славою *Observations sur la mémoire de M. Saint-Péray* — Тюрго, президенту Лиможскаго общества, основаннаго имъ самимъ въ своей провинціи. Сочиненіе это защищало „принципъ одинаго налога“.

Абейль (Abeille) (1719—1807), секретарь Сельскохозяйственнаго Общества въ Британіи, сначала сотрудничавшій въ *Journal*, а затѣмъ въ *Ephémérides*, написалъ *Lettres d'un négociant sur la nature du commerce des grains*, Paris, 1763; *Réflexions sur la police des grains en Angleterre et en France*, Paris, 1764; *Principes sur la liberté du commerce des grains*, Paris 1768; *Faits qui ont influé sur la cherté des grains en France et en Angleterre*, Paris, 1768 и другіе памфлеты, и вмѣстѣ съ тѣмъ редактировалъ *Observations* — органъ названнаго общества. Онъ получилъ мѣсто главнаго инспектора мануфактуръ въ 1768 года, оставилъ школу и сдѣлался „анти-либераломъ“. Онъ,

въ теченіе долгаго времени, ревноваль Дюпона къ Кенэ.

Аббатъ Рубо (Roubaud) (1730—1789) одно время редактировалъ *Journal*, а потомъ *Gazette du Commerce* въ духѣ физиократовъ, пока она не была на средства Тюрго, въ началѣ его министерства, слита въ одно предпріятіе съ *Nouvelles Ephémérides* Бодо. Въ своихъ *Récréations économiques*, Amsterdam et Paris 1770, онъ пытался опровергнуть *Dialogues*—Галіани¹⁾. Онъ сотрудничалъ въ *Ephémérides* и, подобно Дюпону и Бодо, былъ высланъ изъ Парижа министромъ Морепа послѣ паденія Тюрго въ 1776 г. Одинъ изъ ихъ современниковъ въ шутку сравнивалъ звуки фамилій наиболѣе извѣстныхъ физиократовъ съ лаемъ, издаваемымъ собачьею сворою — *Мирабо, Тюрго, Бодо, Рубо!*

Если мы наряду съ упомянутыми въ слѣдующей главѣ авторами, назовемъ еще сельскохозяиственныхъ писателей, а именно: Г. Патулло (*Patullo*)—*Essai sur l'amélioration des Terres*, 1759, и маркиза де-Тюрбилли (*de Turbilly*)—*Mémoire sur les défrichements*, 1760, то мы будемъ имѣть довольно полный перечень учениковъ Кенэ.

IV.

Упомянутое нами въ предшествующей главѣ собраніе, состоявшееся въ 1774 году, въ домѣ маркиза Мирабо, собраніе, въ которомъ онъ произнесъ передъ присутствовавшими экономистами нѣчто вредъ надгробнаго слова надъ Кенэ, было только однимъ изъ цѣлой серіи собраній, устроенныхъ еще самимъ Кенэ. Начиная съ 1767 г. приемные дни были назначены у Мирабо по вторникамъ. Многіе изъ экономистовъ приходили къ обѣду (нѣкоторые изъ нихъ приносили или присылали вино), а послѣ обѣда читались и обсуждались статьи, которыя часто печатались впоследствии въ *Ephémérides*. Мирабо описываетъ эти вторники въ интересномъ

¹⁾ См. Schelle, стр. 24 примѣч.

письмѣ къ Ж. Ж. Руссо, котораго онъ тщетно пытался
обратить въ физиократію ¹⁾. Они были, говоритъ онъ, оча-
гомъ доктрины (*le foyer de la doctrine*), посѣщались очень
усердно, имѣли громадный успѣхъ и дали своимъ участ-
никамъ имя экономистовъ. Среди людей, посѣщавшихъ
ихъ въ разное время, были Веймарскіе принцы, маршалъ-
де-Брольи, герцогъ де-ла-Рошфуко, герцогъ де-Шуазель,
маршалъ де-Бель-Иль, герцогъ де-Нивернуа, Мальзербъ,
г-жа де-Пайлльи, огромное число другихъ дамъ и много
знаменитыхъ иностранцевъ и знатныхъ людей, которыхъ
иногда привлекало скорѣе любопытство, чѣмъ любовь къ
наукѣ или преданность экономическимъ интересамъ. Здѣсь,
говоритъ Мирабо, Голицынъ, русскій посланникъ, пригласилъ
Мерсье-де-ла-Ривьера отъ имени императрицы Екате-
рины пріѣхать въ Петербургъ для того, чтобы дать ей совѣты
относительно искусства правленія. Какъ-то разъ удалось
убѣдить Форбонне посѣтить такое собраніе, и Мирабо позна-
комилъ его съ аббатомъ Бодо. „Мнѣ такъ же, какъ и Цицеро-
ну, хочется посмотреть“, сказалъ хозяинъ, „могутъ ли
два авгура смотрѣть другъ другу въ глаза безъ смѣха“. Бодо
шепнулъ Мирабо, что онъ только что собирался
напечатать въ *Ephémérides* сокрушительную статью противъ
Форбонне. „Ничего не значить“, сказалъ тихонько Мирабо,
„мы позолотимъ пилюлю“. Адамъ Смитъ не могъ посѣщать
этихъ вторниковъ, такъ какъ онъ вернулся въ Англію еще
до начала ихъ. Послѣ паденія Тюрго (12 мая 1776 г.) мар-
кизу было „предложено“ правительствомъ отмѣнить эти
вторники, которые такимъ образомъ просуществовали 9 лѣтъ.
Нѣкоторыя изъ рѣчей, произнесенныхъ Мирабо по вторни-
камъ, находятся среди его рукописей въ *Archives Nationales*
въ Парижѣ. Одна изъ еще не опубликованныхъ статей Дю-
пона о „политическихъ кривыхъ“ ²⁾, кажется, является
однимъ изъ первыхъ образцовъ діаграмнаго (если не мате-
матическаго) изслѣдованія экономическихъ вопросовъ, и

¹⁾ Levallois J. J. Rousseau, ses amis et ses ennemis, Paris 1865 vol II. p. 335.

²⁾ Knies Carl Friedrichs von Baden brieflicher Verkehr mit Mirabeau und Du-Pont. Heidelberg 1892 т. II стр. 289.

объясненіе Даниэля Бернулли заняться изученіемъ этихъ кривыхъ сулило въ будущемъ широкое развитіе этого метода, что, впрочемъ, было осуществлено впоследствии другими. Эти собранія являлись могущественнымъ орудіемъ для распространенія идей школы и популяризаціи ихъ.

Но еще болѣе могущественною силою былъ періодическій органъ школы, сначала, какъ уже сказано, *Journal de l'Agriculture*, а затѣмъ *Ephémérides*. Въ этихъ журналахъ была масса интересныхъ и цѣнныхъ статей разныхъ авторовъ на различныя экономическія темы. Лучшее изслѣдованіе объ *Ephémérides* написано докторомъ Бауеромъ для *Dictionary of Political Economy* ¹⁾ Пальгрева. *Journal* редактировался Дюпономъ съ сентября 1867 г. по ноябрь 1766 года. Мирабо утверждаетъ, что собственники журнала, недовольные неточностью и неаккуратностью редактора, устранили его отъ дѣла ²⁾. Тогда Бодо представилъ физиократамъ въ ихъ распоряженіе свои *Ephémérides*, основанныя въ декабрѣ 1765 г., а въ январѣ 1767 г. они сдѣлались органомъ физиократовъ. Бодо продолжалъ редактировать ихъ до мая 1768, когда его замѣнилъ Дюпонъ, который оставался редакторомъ вплоть до прекращенія журнала (Май 1772; послѣдній номеръ помѣченъ мартомъ 1772 г.). Обыкновенно утверждаютъ, что онъ былъ приостановленъ главнымъ контролеромъ аббатомъ Терре; но Мирабо въ письмѣ къ своему другу маркизу Лонга бросаетъ иной свѣтъ на этотъ фактъ. Надо предпогадать, что свойственная Дюпону медлительность надоела книгопродавцамъ, возмутила подписчиковъ и повела къ задолженности журнала. „Мы воспользовались“, говоритъ онъ, „бурею, надвинувшеюся на журналистовъ, чтобы прекратить его на четвертой книгѣ 1772 г. подъ почетнымъ предлогомъ преслѣдованій“. Въ 1774 г. Тюрго, сдѣлавшись министромъ, разрѣшилъ возобновленіе журнала, и Бодо выпустилъ въ декабрѣ свои *Nouvelles Ephémérides Economiques ou Bibliothèque*

¹⁾ Vol I, p. 734 слово *Ephémérides*. London, 1894.

²⁾ *Journal* существовалъ отъ 1751 по 1783 г.

raisonnée de l'Histoire et de la Politique ¹⁾, восемнадцать томовъ, изъ которыхъ двѣнадцать появилось въ 1775 г., а шесть въ 1776 г. Послѣ паденія Тюрго въ 1776 г. онѣ были приостановлены. Тогда аббатъ Рубо началъ издавать *Journal de l'Agriculture*, новый опытъ физиократическаго журнала (1775—1783). Бодо пытался въ 1778 г. возобновить свои *Nouvelles Ephémérides*, но только нѣсколько номеровъ появилось до его помѣшательства и изданіе приостановилось. *Ephémérides* и *Nouvelles Ephémérides* оба составляютъ чрезвычайную библиографическую рѣдкость. Докторъ Бауеръ утверждаетъ, что полное собраніе послѣдняго можно найти только въ университетской библіотекѣ Гиссена. По мнѣнію доктора Бауера, эти журналы физиократовъ являются „первымъ примѣромъ журналистики, содѣйствующей изученію социальныхъ наукъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ богатымъ источникомъ для исторіи современной экономической жизни и роста современныхъ идей не только во Франціи, но даже въ восточной Европѣ“. Статьи ихъ „писались съ явною практическою тенденціею: бороться за свободу торговли, свободу предпріятій и за равное обложеніе; противодѣйствовать подавляющему бремени, налагаемому торговыми ограниченіями, промышленною монополіею, произвольнымъ обложеніемъ и неограниченными государственными расходами...; они имѣли цѣлью побудить государственныхъ людей и землевладѣльцевъ ввести агрономическія и финансовыя реформы; отмѣнить феодальныя повинности и торговыя ограниченія; они оказали пользу даже низшимъ классамъ Швеціи, Даніи, Австріи и Тоскани. Такимъ образомъ они содѣйствовали распространенію на востокъ экономическаго прогресса въ наукѣ и жизни“ ²⁾. Въ числѣ сотрудниковъ были: Кенэ, Мирабо, Дюпонъ, Мерсіе-де-ла-Ривверъ, Бодо, Абейль, Летронъ, Бютре, Рубо, Сень Перави, Тюрго, Морелли, Франклинъ, Фревилль, Фурке, Де-Вовиллье, герцогъ де-Сень-Мегренъ, Биго де-Сень-Круа, аббатъ Луазо, Рукслень, де-ла-Туанъ, Трейлляръ, Белли, Сень-Морисъ-де-ла-Сень-Ле и маркграфъ Баден-

¹⁾ Графъ Д'Альбонъ помогалъ Бодо въ изданіи этого журнала.

²⁾ *Loc. cit.*

скій. У нихъ былъ широкій и почтенный кругъ читателей, къ которымъ принадлежалъ и Вольтеръ.

Приведу одну иллюстрацію для доказательства того, какое практическое значеніе имѣли эти журналы. Когда въ 1767 г. неурожай поднялъ цѣны хлѣба до необыкновенныхъ размѣровъ, Бодо напечаталъ статью *Avis aux honnêtes gens qui veulent bien faire*, въ которой онъ указывалъ на то, что усовершенствованный методъ помола и печенія хлѣба содѣйствоваль бы удешевленію муки и хлѣба. Тогда Мирабо построилъ въ своемъ помѣстьи Флери близъ Парижа такую экономическую мельницу и булочныя (*fourz économiques*) и продавалъ прекрасный хлѣбъ въ три раза дешевле рыночной цѣны. Его оборотъ достигалъ 900 ливровъ въ день, и онъ могъ бы, какъ онъ утверждалъ, продавать вдвое больше, если бы успѣвалъ. „Неимущій народъ“, пишетъ онъ, „съ бою беретъ мой хлѣбъ. Онъ вошелъ въ моду. Герцогъ де-Шуазель и г-жа дю-Деффанъ посылаютъ два раза въ недѣлю въ Флери за хлѣбомъ“. Онъ предполагаетъ построить вездѣ такія мельницы, „послать къ черту свои феодальныя права „баналитета“, и, вмѣсто того, чтобы заставлятъ своихъ крестьянъ привозить зерно на его мельницу и платить ему пошлину за помоль, онъ будетъ привлекать ихъ низкою цѣною, чѣмъ устранить возмутительныя злоупотребленія монополіи и регламентации. Принцъ Роганъ Рошфоръ и другія знаменитости послѣдовали его примѣру, и де-Ломени рассказываетъ, что сами мельники заимствовали этотъ усовершенствованный методъ, который практикуется теперь во Франціи, и при которомъ изъ того же количества зерна получается больше муки, чѣмъ при старой системѣ. Мирабо такъ увлекся этою реформою, что младшій Мирабо ядовито объяснялъ предпочтеніе, оказываемое его отцомъ одной изъ своихъ дочерей, маркизѣ де-Сальянъ, между прочимъ, тѣмъ, что ея мужъ увлекался экономическими мельницами.

Другой ударъ, нанесенный фізіократами монополіямъ и поднявшій ихъ репутацію, также связанъ съ именемъ Бодо. Начиная съ 1743 г., корпорація или цехъ мясниковъ была принуждаема брать денежныя ссуды подъ высокіе проценты

у компаніи финансистовъ, арендаторовъ Caisse de Poissy ¹⁾, у которыхъ правительство дѣлало займы. Бодо обличилъ всю беззаконность такого положенія дѣль и былъ привлеченъ арендаторами въ 1776 г. къ парламентскому суду. Въ продолженіе двухъ засѣданій онъ успѣшно защищался противъ знаменитаго адвоката Жербье, и торжествующіе мясники устроили ему вмѣстѣ съ его товарищами—физиократами триумфальное шествіе по улицамъ Парижа, сопроводжая его до самаго дома.

Но эти апостолы экономической свободы пользовались почетомъ не въ одномъ только Парижѣ. Карль Фридрихъ, маркграфъ Баденскій (1728—1811), вступилъ въ ихъ ряды. 22 сентября 1769 г. онъ писалъ Мирабо: „Какъ человекъ, я имѣю право на Вашу дружбу“ (тонкій намекъ на l'Ami des Hommes), причемъ онъ прибавлялъ, что, не будучи лично знакомъ съ Мирабо, онъ чувствуетъ себя въ правѣ искать его совѣта. Богъ далъ ему въ управление страну, климатъ и почва которой обѣщаютъ прекрасный сборъ, если необходимый капиталъ будетъ приложенъ къ землѣ. Но уже съ незапамятныхъ временъ земля, наслѣдуемая отъ отца, дѣлится по числу наслѣдниковъ. Теперь уже нѣтъ ни крупныхъ землевладѣльцевъ, ни дѣйствительныхъ арендаторовъ, а чистый продуктъ (produit net) страны ничтоженъ и налоги взимаются съ трудомъ. Что бы посоветовалъ ему Мирабо въ качествѣ экономиста-эксперта? Не слѣдуетъ ли ввести новый порядокъ наслѣдованія, замѣняющій обязательное раздѣленіе земли въ натурѣ уплатой наслѣдственныхъ долей однимъ наслѣдникомъ, получающимъ нераздѣльное земельное владѣніе. Какимъ образомъ установить такую простую и практическую форму обложенія, которая была бы основана на чистомъ продуктѣ? Отвѣты на эти вопросы содѣйствовали бы „распространенію свѣта эконо-

---

¹⁾ См. Ephémérides, 1776 т. I. Даръ т. I стр. 649 примѣчаніе и упомянутыхъ тамъ авторовъ. Мясникамъ приходилось платить 6% въ 2 недѣли при покупкѣ скота, независимо отъ того брали ли они соуду или нѣтъ. Продажа скота въ Парижѣ была запрещена и разрѣшена только въ Со и Лусси. См. Локени т. II стр. 249. Тюрго уничтожалъ кассу въ 1778 г.

мической науки, показавши ея примѣнимость ко всѣмъ мѣстамъ и условіямъ“. Мирабо отвергаетъ новое законодательство о наслѣдованіи. „Вы не имѣете права“, говоритъ онъ, „создавать такой законъ“, и онъ съ колкостью ссылается на второй пунктъ своей *Théorie de l'Impôt* за который монархъ посадилъ его въ тюрьму. Начавшаяся такимъ образомъ корреспонденція перешла въ дружбу, которая продолжалась до смерти Мирабо, послѣдовавшей двадцать лѣтъ спустя ¹⁾. Они обмѣнивались личными посещеніями, книгами и письмами. Карлъ Фридрихъ согласился сдѣлаться хранителемъ рукописей, которыя должны были остаться послѣ смерти Мирабо. Маркграфъ предложилъ Германскому Сейму установить свободу торговли хлѣбомъ и даже ввелъ единый налогъ (*impôt unique*) въ 20% съ чистаго продукта въ своемъ Баденскомъ графствѣ. Опытъ былъ сдѣланъ въ 1770 г. въ трехъ деревняхъ: въ Дилингенъ, Тенингенъ и Балингенъ—фактъ, который, вѣроятно, былъ неизвѣстенъ Адаму Смиту, когда онъ писалъ, что „эта система, которая представляетъ продуктъ земли единственнѣмъ источникомъ дохода и богатства странъ, насколько мнѣ извѣстно, никогда еще не была примѣнена какою бы то ни было націею, и въ настоящее время она существуетъ только въ воображеніи немногихъ весьма образованныхъ и благородныхъ людей Франціи... Система, которая“, какъ онъ выражается, „никогда не принесла и, вѣроятно, никогда не принесетъ никакого зла ни одной части свѣта“ ²⁾. Опытъ былъ оставленъ въ Тенингенъ и Балингенъ въ 1776 г., но продолжался въ Дитлингенъ до 1792 г. ³⁾. Маркграфъ пригласилъ Дюпона въ Карлеруэ, желая поставить его во главѣ финансовъ, но не рѣшаясь назначить иностранца на этотъ постъ, онъ сдѣлалъ его придворнымъ совѣтникомъ, *conseiller aulique* оставилъ его при себѣ въ качествѣ совѣтника и назначилъ его наставникомъ къ своему сыну. Маркграфъ написалъ очеркъ политической

¹⁾ См. три сочиненіе, упомянутое на стр. 60, примѣч.

²⁾ *Wealth of Nations*. bk. IV, ch. IX.

³⁾ См. Отчеты Эммингауза въ *Jahrbücher Gyldebrandta*. 1872, vol II p. Также *Ephemerids 1771*, vols IV—VI.

экономіи, основанный главнымъ образомъ на *Les Economiques* Мирабо. Сначала этотъ очеркъ появился въ *Ephémérides*, а затѣмъ былъ отпечатанъ отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ *Abrégé de l'Economie Politique*. Это хорошій очеркъ фізіократическаго ученія.

Другой государь, Густавъ III, король Шведскій, познакомившійся съ Мирабо во время своего путешествія по Франціи, почтилъ его слѣдующимъ письмомъ, которое дѣлаетъ автору честь: (18 авг. 1772 г., наканунѣ его *coup d'état*) „Милостивый Государь, господинъ маркизъ де Мирабо! Давно пожалованный Вамъ человѣчествомъ титулъ неизмѣримо выше того почета, которымъ могутъ Васъ окружить короли. Тѣмъ не менѣе мнѣ хотѣлось бы какъ нибудь выразить Вамъ мое глубокое уваженіе, и такимъ образомъ принести хотя бы часть той дани, какую несутъ Вамъ націи. Кромѣ того я полагаю, что учрежденіе, основанное въ честь земледѣлія, не отвѣчало бы своей цѣли, если бы среди его участниковъ не было бы имени того человѣка, который научилъ монарховъ понимать всю важность земледѣлія. Отнынѣ, я считаю себя болѣе чѣмъ когда либо вправѣ просить Васъ продолжать тѣ полезныя уроки, которымъ Вы посвятили Ваши труды и Ваши рѣдкія знанія; съ своей стороны я въ особенности чувствую себя обязаннымъ воспользоваться ими. Я молю Бога, господинъ маркизъ, взять Васъ подъ свою высокую и спасительную охрану. Густавъ.“ Къ этому письму былъ приложенъ большой крестъ только что основаннаго въ честь земледѣлія Ордена Вазы. Дюпонъ былъ тоже назначенъ кавалеромъ ордена и, когда *Ephémérides* были запрещены, Густавъ вмѣстѣ съ маркграфомъ Баденскимъ поручили Дюпону присылать имъ рукописный журналъ, въ которомъ разработкѣ экономическихъ вопросовъ удѣлялось бы много мѣста. Король пытался въ своей политикѣ проводить либеральныя идеи школы фізіократовъ, и по его просьбѣ Мерсье-де-ла-Ривьеръ написалъ свое сочиненіе объ общественномъ воспитаніи „*De l'instruction publique*“, 1775.

Мы уже упомянули о предложеніяхъ, сдѣланныхъ Мерсье-

де-ла-Ривьеру русской императрицею Екатериною; они оказались не исключительно женскою прихотью, уступкою модѣ, хотя въ то же время и не дали никакого практическаго результата. Когда философъ прибылъ во дворецъ, въ Москву, императрица имѣла свиданіе съ нимъ, о которомъ Тьебо передаетъ слѣдующее: „Милостивый Государь, сказала царица, „можете ли Вы указать мнѣ наилучшій способъ государственнаго управленія?“— „Ваше Величество, есть только одинъ способъ“, отвѣчалъ ученикъ Кенэ, „онъ состоитъ въ томъ, чтобы быть справедливымъ, т. е. поддерживать порядокъ и охранять законы силой принужденія.“ „Но на что должны опираться законы государства?“ „На одно только, Ваше Величество, на природу вещей и человѣка.“ „Конечно, но если желаешь дать народу законы, то какимъ правиломъ слѣдуетъ руководиться при выборѣ наиболѣе соответствующихъ законовъ?...“ „Къ чему сводится ваша наука управленія?“ — „Къ изученію, признанію и обнародованію законовъ, запечатлѣнныхъ Богомъ въ самой организаціи человѣка при созданіи его. Пытаться идти дальше было бы большимъ несчастіемъ и разрушительнымъ предпріятіемъ.“ „Милостивый Государь, мнѣ было очень пріятно слушать васъ. До свиданія.“ Богато наградивъ Мерсье, императрица отправила его на родину и писала Вольтеру: „онъ полагалъ, что мы еще ползаемъ на четверенькахъ, и любезно хотѣлъ помочь намъ встать на заднія ноги“.

Болѣе серьезно заинтересовался фізіократами Леопольдъ II, Великій Герцогъ Тосканскій, въ послѣдствіи императоръ Австрійскій, которому Мирабо посвятилъ свои *Les Économiques* (1769—1772). Онъ осуществилъ на практикѣ нѣкоторыя изъ предложенныхъ фізіократами реформъ, распорядился, чтобы министры его совѣтовались съ Мирабо, и переписывался съ Дюпономъ. Станиславъ Польскій, Карлъ III Испанскій, императоръ Іосифъ II, Фердинандъ Неаполитанскій должны быть также отнесены къ числу послѣдователей фізіократовъ¹⁾. Церемонія, исполненная дофиномъ въ Версалѣ 15-го іюня 1768 г., когда онъ публично „держалъ соху“—игрушку, увѣшанную лентами, была данью, приносимой модной маніею—

¹⁾ См. Knies Brieflicher Verkehr томъ I. стр. 74.

„сельскохозяйственной системѣ.“ Императоръ Іосифъ былъ болѣе рѣшителенъ, и 19 авг. 1789 г. въ Моравіи онъ шелъ закрестьянскимъ плугомъ. Дофинъ хвастался тѣмъ, что знаетъ наизусть l'Ami des Hommes и охотно сдѣлался бы покровителемъ Ephémérides, если бы этому рѣшительно не воспротивился Мирабо. Дюпонъ причисляетъ Карла-Фридриха и Леопольда (брата Маріи Антуанеты) къ числу послѣдователей Кенэ; Іосифа II вмѣстѣ съ Адамомъ Смитомъ и Тюрго онъ относитъ къ другой фракціи, а ла-Ривьера и Бодо къ третьей. Дюпонъ написалъ героическую драму, героемъ которой былъ Іосифъ II и которую Тюрго съ большимъ трудомъ убѣдилъ его не печатать. Главное произведеніе Тюрго *Réflexions sur la formation et la distribution des Richesses* въ первый разъ появилось въ Ephémérides въ 1770 г. Единственное облако, временно омрачившее его дружбу съ Дюпономъ, было вызвано редакторскими передѣлками и поправками, сдѣланными этимъ послѣднимъ въ *Réflexions* для того, чтобы согласовать ихъ съ доктринами Кенэ въ тѣхъ случаяхъ, когда оказывались отступленія отъ нихъ. Въ своихъ раннихъ произведеніяхъ въ *Encyclopédie* Тюрго излагалъ идеи Гурнэ о свободѣ промышленности и торговли (статьи «Foires» и «Fondations»), а его благородныя попытки въ качествѣ интенданта и министра примѣнить эти идеи на практикѣ навсегда останутся славной страницей въ исторіи Франціи. Онъ вѣрилъ въ ученія о чистомъ продуктѣ и единомъ налогѣ, представлявшія центральныя идеи школы, но подчеркивалъ свои разногласія по цѣлому ряду частныхъ вопросовъ, отстаивалъ свою самостоятельность и всегда говорилъ объ экономистахъ, какъ постороннее къ нимъ лицо ¹⁾, причемъ онъ всегда протестовалъ противъ ихъ сектантскаго духа и отстаивалъ преимущества независимости мысли. Въ домѣ Кенэ въ 1766 г. онъ познакомился съ Адамомъ Смитомъ. Если Ephémérides Дюпона и удержались такъ долго, то только благодаря денежному вспомошествованію Тюрго, а иногда и содѣйствію его

¹⁾ Напр., въ одномъ письмѣ къ Дюпону: «Les économistes sont trop con-
fiants pour combattre un si adroit ferailleur» (экономисты слишкомъ доверчивы, чтобы побѣдить такого ловкаго противника, какъ Галиани.). *Oeuvres de Turgot* кн. II стр. 800.

пера; во время своего министерства онъ взялъ на себя также расходы по изданію *Nouvelles Ephémérides économiques ou Bibliothèque raisonnée de l'Histoire et de la Politique* Бодо. Его юношескій опытъ о бумажныхъ деньгахъ Ло (письмо къ аббату де-Сисе) былъ написанъ въ 1749 г., когда ему было только двадцать два года, и прежде, чѣмъ идеи физиократовъ начали оказывать свое вліяніе, но и онъ уже свидѣтельствуетъ о крупной силѣ его ума. Много лѣтъ онъ былъ поглощенъ дѣлами администраціи: отъ 1761—1774 г. онъ былъ интендантомъ Лиможа, съ 1774 по 1776, прослуживши пять недѣль морскимъ министромъ, онъ былъ главнымъ контролеромъ финансовъ, т. е. важнѣйшимъ министромъ государства. Тѣмъ не менѣе, несмотря на дѣятельную жизнь, онъ находилъ время писать, обогащать экономическую литературу цѣнными сочиненіями и экономическую исторію—полезными мѣропріятіями. Мы сохлемея лишь на тѣ изъ нихъ, которыя насъ непосредственно занимаютъ. Въ Лимузенѣ онъ взялъ на себя геркулесовскій трудъ сдѣлать полную опись или кадастръ, который долженъ былъ послужить основаніемъ для болѣе раціональной раскладки *taille*. Онъ смѣло уничтожилъ *corvée* въ своей провинціи, чинилъ дороги съ помощью наемныхъ рабочихъ, причемъ относилъ издержки на плательщиковъ податей. Онъ внесъ предложеніе о реформѣ войска, но не могъ провести его. Въ безчисленныхъ талантливыхъ мемуарахъ онъ старался убѣдить главнаго контролера, аббата Терре, въ необходимости свободы хлѣбной торговли, свободы помѣщенія капиталовъ и реформъ обложенія. Ставши во главѣ управленія, онъ сразу провелъ первую мѣру и предпринялъ цѣлый рядъ дѣйствій для достиженія послѣдней по всей странѣ; онъ облегчилъ *octroi* или городскіе налоги на привозимые съѣстные припасы и напитки и въ двадцати трехъ городахъ уничтожилъ *droit d'aubaine*, специальную пошлину, налагаемую на иностранцевъ. Онъ всюду уничтожилъ *corvée*, а также привилегированные *ceux (jurandes)* и всѣми мѣрами боролся противъ монополій и фискальных злоупотребленій. Оппозиція, вызванная такимъ реформаторскимъ рвеніемъ, не только лишила его власти, но черезъ три мѣсяца снова возстановила хлѣбные законы, *corvée* и *jurandes*. Въ 1789 г. были, наконецъ,

окончательно уничтожены *jurandes*, въ 1791 г. — *cogée*, а внутреннія пошлины, кромѣ *octroi*, были отмѣнены Национальнымъ Собраніемъ въ 1790 г. на томъ основаніи, что „они сдѣлали различныя части страны чуждыми другъ другу.“ Введенія къ эдиктамъ Тюрго, являшіяся рѣзкою проповѣдью противъ старыхъ злоупотребленій и сжато формулированной защитой реформъ, глубоко запали въ душу народа и приготовили путь къ ихъ конечному торжеству.

Мы уже говорили о нѣкоторыхъ его сочиненіяхъ. Письмо о бумажныхъ деньгахъ, статья въ *Encyclopédie*, *Eloge de Gournay*, письмо о рудникахъ и каменоломняхъ, — защита свободной разработки копей даже на землѣ сосѣда, подъ условіемъ не портить ея поверхности, — и статья *la marque des fers*, — возраженіе противъ предполагавшейся пошлины на иностранное желѣзо мы пройдемъ молчаніемъ. Изъ числа семи писемъ къ Терре о свободѣ хлѣбной торговли, три были въ послѣдовательномъ порядкѣ вручены самимъ Тюрго королю и пропали во время революціи. Сохранившіяся написаны въ духѣ фізіократовъ. „Доходы землевладѣльцевъ“, говоритъ Тюрго, „составляютъ единственный источникъ, изъ котораго государство можетъ черпать собственные доходы. Въ какихъ бы формахъ налоги ни вѣзмались или ни собирались, они всегда въ конечномъ счетѣ оплачиваются землевладѣльцами посредствомъ увеличенія ихъ расходовъ или посредствомъ уменьшенія ихъ доходовъ“ ¹⁾. И онъ открыто основываетъ свою политику на мнѣніяхъ Кенэ, изложенныхъ въ статьѣ „*Grains*“. Въ своемъ *Mémoire sur les prêts d'Argent* онъ, какъ это часто бываетъ, пользуется частнымъ случаемъ, чтобы изложить свои главные принципы. Донось, который нѣкоторые несостоятельные должники Ангулема сдѣлали на своихъ кредиторовъ за нарушеніе закона о высотѣ процента, сильно расшаталъ весь механизмъ кредита. Еслибы Адамъ Смитъ внимательно изучилъ удивительную аргументацію Тюрго противъ закона о высотѣ процента, ему не пришлось бы дожидаться Бентама, чтобы убѣдиться въ неправильности идей Кенэ въ пользу этихъ законовъ.

¹⁾ *Œuvres* 1808 т. VI стр. 158.

Опроверженія Тюрго были направлены противъ юридическихъ авторитетовъ. Онъ разбираетъ знаменитаго юриста Потье. Взглядъ Тюрго близко подходитъ къ положенію, впоследствии высказанному Адамомъ Смитомъ, что ссуды, даваемыя расточительнымъ сыновьямъ, вредны для общества. Онъ логически доказываетъ, что не ссуды сами по себѣ предосудительны, а лишь такое ихъ назначеніе ¹⁾. Законы противъ ростовщичества были уничтожены во Франціи во время революціи гораздо раньше, чѣмъ они были исключены изъ Statute book въ Англіи.

Reflexions sur la formation et la distribution des Richesses были написаны въ 1776 г. для двухъ китайскихъ студентовъ, возвращавшихся изъ Франціи на родину; они появились въ Ephémérides въ 1770 г. и были отпечатаны отдѣльною книгою въ 1776 г. По мнѣнію Л. Коссы „въ этой книгѣ въ ясной и привлекательной формѣ излагаются общія доктрины физиократовъ, но она также является шагомъ впередъ въ исторіи нашей науки, такъ какъ здѣсь Тюрго вполне отдѣлилъ экономіку отъ юриспруденціи. Вотъ почему это сочиненіе заслуживаетъ быть особо отмѣченнымъ, какъ первый научный трактатъ по социальной экономикѣ“ ²⁾. Такое сужденіе врядъ ли справедливо, такъ какъ въ этомъ отношеніи, по крайней мѣрѣ, Кантильонъ былъ предшественникомъ Тюрго, и строй идей перваго въ значительной степеніи повліялъ на содержаніе „Размышленій“, какъ это не трудно доказать путемъ сравненія. Тюрго подраздѣлил свою книгу на сто краткихъ отдѣловъ или параграфовъ. Торговля или обмѣнъ, говоритъ онъ, возникаетъ: 1) изъ неравнаго распредѣленія земли; 2) изъ неодинаковаго качества земли, годной для обработки; 3) изъ разнообразія человѣческихъ потребностей, и 4) изъ выгоды раздѣленія труда, которыя онъ иллюстрируетъ примѣрами. Земледѣлецъ важнѣе ремесленника, но не по почету или званію, а по своей физической необходимости, ибо онъ можетъ обойтись безъ ремесленника, тогда какъ

¹⁾ Oeuvres т. V. стр. 332.

²⁾ Introduction to the Study of Political Economy 1893. ст. 264.

этотъ послѣдній не можетъ обойтись безъ земледѣльца. Въ самомъ дѣлѣ, земледѣльческій трудъ создаетъ единственный фондъ заработной платы (*l'unique fonds des salaires*), а покупаемые земледѣльцемъ продукты являются точнымъ эквивалентомъ того, что онъ даетъ въ обмѣнъ за нихъ. Конкуренція сводитъ заработную плату ремесленника (*artisan*) къ необходимымъ средствамъ существованія (ученіе о необходимой или минимальной заработной платѣ). Но земледѣльческій рабочій производитъ нѣкоторый излишекъ сверхъ необходимыхъ средствъ существованія, такъ какъ ему не приходится торговаться съ природою относительно минимальной заработной платы. Такимъ образомъ, онъ является единственнымъ производителемъ богатствъ. Вотъ почему классъ, занятый добывающей промышленностью, является производительнымъ; а классъ, занятый обрабатывающею промышленностью, — оплачиваемымъ (*l'une productive, l'autre stipendié*). По мѣрѣ того, какъ общество прогрессируетъ и земли занимаются, собственникъ дифференцируется отъ земледѣльца и тогда новопришельцы уже могутъ получать лишь такой же заработокъ въ земледѣліи, какъ и въ промышленности. Продуктъ дѣлится на двѣ части—на заработную плату и нѣкоторый прибавочный продуктъ, который достается землевладѣльцу въ качествѣ дохода (*revenue*). Земледѣльцы получаютъ возможность удовлетворять общественныя потребности, какъ напр. военную и судебную службу—путемъ личнаго труда или наемныхъ замѣстителей. Поэтому изъ нихъ вербуются третій классъ, свободный или резервный классъ (*classe disponible*). Эволюція земледѣльческаго труда проходитъ черезъ слѣдующія ступени: 1) земледѣльцы, 2) рабы; 3) крѣпостные; 4) половники и 5) фермеры. Далѣе Тюрго наслѣдуетъ механизмъ обмѣна, описываетъ стадію натурального обмѣнового хозяйства и возникновеніе и природу денегъ въ выраженіяхъ, напоминающихъ Кантильона и вызывающихъ сравненіе съ Адамомъ Смитомъ. Затѣмъ онъ дѣлаетъ общій очеркъ накопленія и общественнаго значенія капитала, описываетъ функціи капитала по отношенію къ производству, причемъ находитъ, что процентъ на капиталъ—явленіе настолько же законное и не подлежащее стѣсненію, насколько законна сумма, уплачиваемая за пользованіе землею или какимъ-либо другимъ продуктомъ торговли; и въ томъ, и въ другомъ случаѣ

процентъ опредѣляется спросомъ и предложеніемъ. Сумма національнаго богатства страны составляетъ изъ годового чистаго капитализированнаго продукта земли въ странѣ плюсъ ея движимое богатство, за исключеніемъ отданныхъ въ ссуду капиталовъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ они были бы дважды исчисляемы. Капиталистъ, дающій ссуду подь процентъ, не принадлежитъ къ *classe disponible*, и его доходъ не приноситъ пользы государству, ибо это не чистый продуктъ, но такой же результатъ купли и продажи, какъ прибыль купца. Онъ также мало подлежитъ обложенію, какъ и навозъ, удобряющій землю. „*C'est toujours la terra qui est la première et l'unique source de toute richesse*“. „*Il n'y a de revenu que le produit net des terres*“. Это выводъ вполне фізіократическій¹⁾. Тѣмъ не менѣе фізіократы врядъ ли причисляли Тюрго къ „своимъ“, и даже въ эпоху наивысшаго успѣха Тюрго, Мирабо говорилъ о немъ въ своихъ письмахъ съ недовѣріемъ, смѣшаннымъ съ высокомѣріемъ; но это чувство, безъ сомнѣнія, вызывалось надменной независимостью Тюрго, отсутствіемъ у него политическаго такта, его сдержаннымъ отношеніемъ къ монархіи, его дружбою съ Вольтеромъ и его уже упомянутымъ нами скептицизмомъ.....

Къ числу другихъ писателей, раздѣлявшихъ, подобно Тюрго (извѣстнаго въ качествѣ пріора Сорбонны подь именемъ аббата де-Лолнъ), взгляды фізіократовъ, но не вполне примыкавшихъ къ нимъ, принадлежатъ аббатъ Морелле и аббатъ де-Кондильякъ. Морелле (1727—1819), послѣдователь Гурнэ и школьный товарищъ Тюрго, былъ названъ Вольтеромъ аббатомъ *Mord-les* (кусательнымъ) за его полемическій задоръ. Онъ написалъ *Réflexions sur les avantages de la libre fabrication et de l'usage de toiles peintes en France*, защищая въ нихъ Гурнэ противъ Форбоннэ, и памфлетъ, адресованный Малербу, *Fragment d'une lettre sur la police des grains*. Въ 1769 г. онъ издалъ записку противъ монополіи Вастъ-Индской Компаніи и вступилъ въ борьбу съ Неккеромъ по этому поводу и по во-

¹⁾ Книга была переведена на нѣмецкій языкъ Мовильономъ, который, работая надъ переводомъ, сдѣлался ревностнымъ фізіократомъ.

²⁾ *Loménie*, т. II стр. 416.

просу о свободной торговлѣ. Для экономиста интересны его „Опроверженіе“ аббата Галіани, Лондонъ, 1770 г., его *Prospectus d'un nouveau Dictionnaire du Commerce* съ приложенною къ нему библиографіей по политической экономіи, Парижъ, 1769 г., и его *Memoires sur le XVIII siècle et sur la révolution*, опубликованныя послѣ его смерти въ 1821 году. Въ послѣднемъ есть многочисленныя указанія на его знакомство съ Кенэ, Тюрго и Адамомъ Смитомъ. Въ своей книгѣ *Economistes français du XVIII siècle* Лавернь посвятилъ одну главу Морелле, послѣднему оставшемуся въ живыхъ другу вождей физиократовъ. Онъ отрицаетъ, что Морелле былъ членомъ интимнаго кружка физиократовъ, говорить, что онъ никогда не посѣщалъ ихъ собраній и не могъ понять *Tableau Economique*. Доктрины физиократовъ Морелле принималъ только съ нѣкоторыми поправками.

Кондильякъ (1714—1780), болѣе извѣстный въ качествѣ философа, прославился своимъ трудомъ *Du commerce et du Gouvernement considérés relativement l'un à l'autre*, въ которомъ онъ слѣдуетъ ученію Кенэ, поскольку признаетъ землю единственнымъ источникомъ богатства. Но онъ не согласенъ съ тѣмъ, что промышленность „непроизводительна“. Восхваляя сочиненіе Кондильяка за его „оригинальность и глубину“, Джовонсъ указываетъ на то, что оно написано подъ вліяніемъ Качтильона. Маклеодъ въ своемъ *Dictionary of Political Economy* воздастъ ему преувеличенныя похвалы, между тѣмъ какъ Ж. В. Сэ бичуетъ его незаслуженнымъ презрѣніемъ. Правовѣрный Летронъ вступилъ въ споръ съ Кондильякомъ о его разногласіяхъ съ физиократической школою, но не могъ убѣдить его.

Кондорсе (1743—1794), тоже философъ, другъ и биографъ Тюрго, долженъ быть также упомянутъ среди приверженцевъ физиократовъ. Онъ защищалъ свободу въ *Encyclopédie* (статьи *Monopole* и *Monopoleur*), и въ *Lettres sur le commerce de grains*. Пар. 1775; *Réflexions sur le commerce de blés*. Лонд. 1776. *Réflexions sur l'esclavage*, Немшель 1781, и написалъ Неккеру *Lettres d'un laboureur de Picardie à MN.... auteur prohibitif à Paris*.

Намъ остается еще упомянуть главныхъ учениковъ физиократовъ въ другихъ странахъ. Наиболѣе выдающимися въ Германіи, кромѣ Карла Фридриха Баденскаго, были Шлеттвейнъ, Фр. Карль фонъ-Мозеръ, Мовильонъ, Шмальцъ

и Кругъ; въ Швейцаріи—Изелінь; въ Италіи Лонго и въ Россіи кн. Голицынъ. Перечень менѣе извѣстныхъ физиократовъ можно найти въ исторіяхъ политической экономіи Рошера, Каутца ¹⁾ и Косса. Шлеттвейнь (1731—1802) профессоръ Гиссенскаго университета, является, по мнѣнію профессора Онкена, главою нѣмецкой школы физиократовъ. Ему, въ качествѣ официального администратора доменъ маркграфа Баденскаго, пришлось въ 1770 г. практически осуществить опытъ „единогo налога“, и вѣра въ физиократію не покидала его до самой смерти. Фр. Карль фонъ-Мозеръ (1723—1798), котораго не слѣдуетъ смѣшивать ни съ болѣе знаменитымъ Юстусомъ Мезеромъ, ни съ его собственнымъ отцомъ Іоганномъ Яковомъ Мозеромъ,—былъ послѣдователемъ Ami des Hommes. Мовильонъ (1743—1794) сталъ физиократомъ, благодаря сдѣланному имъ переводу на нѣмецкій языкъ *Réflexions* Тюрго, и пропагандировалъ это ученіе въ Германіи въ своихъ *Physiokratische Briefe an dem Herru Professor Dohm*, Брауншвейгъ, 1780. Въ своей *Sammlung von Aufsätzen etc.* 1776—1777, онъ написалъ опытъ объ общественной и частной роскоши, трактующій о томъ, что нужно сдѣлать, согласно принципамъ французскихъ физиократовъ, чтобы уничтожить роскошь. Рошеръ считаетъ его наиболѣе выдающимся нѣмецкимъ физиократомъ, а Косса говоритъ о немъ, какъ о болѣе глубокомъ мыслителѣ, чѣмъ Шлеттвейнь, но Онкенъ не раздѣляетъ этой оцѣнки. Другими послѣдователями физиократовъ являются Фюрстенау, *Versuch einer Apologie des physiokratischen Systems* 1779, и Шпрингеръ, *Über das physiokratische System* 1780. Шмальць (1760—1831), профессоръ правовѣдѣнія въ Берлинѣ, изслѣдуя различныя системы политической экономіи, (до 1808 г.), отдаетъ пальму первенства Кенэ.

¹⁾ Ссылаясь на статью Руссо въ *Encyclopédie d'Economie Politique*, Каутцъ, какъ это ни странно, говоритъ о немъ, какъ о послѣдователѣ физиократовъ. Но дѣло въ томъ, что эта статья была написана до основанія школы, и позднѣйшія попытки Мирабо обратить Руссо въ физиократа, или по крайней мѣрѣ привлечь его вниманіе къ ихъ доктринамъ, оказались безплодными.

Въ томъ же году Кругъ (1770—1843) защищалъ взглядъ, что въ послѣднемъ счетѣ всѣ налоги падаютъ на землю, и что, поѣтому, она одна должна быть предметомъ обложенія.

Исаакъ Изелинъ (1728—1782), секретарь государственнаго совѣта въ Балѣ, приступилъ къ изученію фізіократовъ, вѣроятно, подѣ влияніемъ Шлеттвейна раньше, чѣмъ онъ напечаталъ свой *Versuch über die gesellige Ordnung*, 1772. Благодаря *Ephémérides*, по его собственнымъ словамъ, Кенэ сталъ для него тѣмъ же, чѣмъ Ньютонъ является для математиковъ. Онъ передѣлалъ свои *Träume eines Menschenfreundes* въ 1776 г. (Мечты друга человѣчества), отказавшись отъ взглядовъ, высказанныхъ имъ двадцать одинъ годъ тому назадъ въ старомъ изданіи, и въ томъ же году основалъ нѣмецкія „Эфемериды“. *Ephemeriden der Menschheit*, при участіи главнѣйшихъ нѣмецкихъ экономистовъ ¹⁾.

О маркизѣ де-Лонго, профессорѣ политической экономіи въ Миланѣ, мы уже говорили, какъ о другѣ и помощникѣ Мирабо. Съ нимъ „Другъ человѣчества“ велъ длинную переписку, которой успѣшно воспользовался біографъ Мирабо, Ломени. Князь Голицынъ (1730—1803), о которомъ мы уже упоминали, былъ русскимъ посланникомъ въ Парижѣ; онъ посѣщалъ фізіократическіе вторники и убѣдилъ Екатерину пригласить Мерсье-де-ла-Ривьера. Много лѣтъ спустя онъ издалъ въ Брауншвейгѣ сочиненіе *De l'esprit des économistes, ou les économistes justifiés d'avoir posé par leur principes les bases de la révolution française*, 2 т., 1796, въ которомъ онъ защищаетъ фізіократовъ отъ вводимой на нихъ отвѣтственности за насильственные принципы революціи.

V.

Франсуа Луи Верронъ-Дюверже-де Форбоннэ (*De-Forbonnais*) былъ однимъ изъ главныхъ противниковъ въ рядахъ современниковъ фізіократовъ во Франціи. Онъ написалъ для Енсу-

---

1) См. A von Miaskowski, Isaak Iselin, Бавель. 1875.

clorédie статьи: „Обмѣнъ“, „Колонія“ и „Торговля“ и пр. и перевелъ или передѣлалъ *The British Merchant (Le négociant anglais, 1753)* съ англійскаго и „Теорію и практику морской торговли“ Устарица съ испанскаго въ 1753 г.; но болѣе всего онъ извѣстенъ своими обширными произведеніями по финансамъ, *Considérations sur les finances d'Espagne relativement à celles de France, 1753—55*, преимущественно же своими *Recherches et considération sur les finances de France depuis 1595 jusqu'en 1721—1758*, —образцовымъ критическимъ и историческимъ изслѣдованіемъ. Насъ въ настоящее время интересуетъ общій характеръ его воззрѣній, (ибо ивъ всёхъ противниковъ физиократовъ онъ пользовался наибольшею славою, какъ экономистъ) и тѣ сочиненія, которыя были написаны имъ противъ этой школы. Его *Principes et observations économiques* (Амстердамъ 2 том. 1767) съ эпиграфомъ: *est modus in rebus* являются сжатою и содержательною критикою *Tableau Oeconomique* и статей „*Fermiers*“ и „*Grains*“. Физиократы отвѣчали въ *Ephémérides* въ томъ же году. Признавая его способности и умъ, они сожалѣли о томъ, что онъ блуждаетъ во мракѣ кольбертизма. Дѣйствительно Форбоннэ — крайне умѣренный и уравновѣшенный писатель пракческаго направленія. Онъ не признаетъ того, что торговля и промышленность бесплодны. Безъ участія человѣческаго труда, сама земля обречена на абсолютную или относительную бесплодность, энергія труда является такимъ же факторомъ въ производствѣ богатства, какъ матеріаль, къ которому этотъ трудъ прилагается. Форбоннэ возражалъ противъ свободы торговли и установленія единого налога, возставалъ противъ привилегій и изъятій отъ обложенія, требовалъ умѣренныхъ ввозныхъ пошлинъ, уменьшенія бюджета королевскаго двора и предлагалъ ввести прогрессивные налоги на предметы роскоши, а также на землю, на которую, говоритъ онъ, „нельзя навьючивать все бремя обложенія“. Онъ пытался нанести ударъ физиократамъ, ставши на точку зрѣнія меркантилистовъ и защищая то положеніе, что государство должно содѣйствовать установленію благоприятнаго торговаго баланса; но онъ съ гораздо большимъ успѣхомъ выступилъ противъ изреченія Кенэ, что „дороговизна и изобиліе создаютъ богатство“, хотя онъ очевидно не понималъ всей силы этого парадокса. Тогда какъ

Физиократы стояли за *laissez faire*, онъ отстаивалъ государственную регламентацію. Его официальное положеніе въ качествѣ главнаго инспектора монетнаго двора, повѣреннаго герцога де-Шуазель и Силуетъ, главнаго контролера, финансовъ содѣйствовали тому, что физиократы видѣли въ немъ самаго опаснаго противника. Къ концу своей жизни онъ началъ писать въ журналѣ Дюпона *L'Historien*, (1795), поддерживая его также въ *Conceil des anciens* (совѣтъ старѣйшинъ), но это примиреніе не касалось экономическихъ взглядовъ. Его *Eléments du Commerce*, 1754 г. были перепечатаны въ 1796 г. съ приложеніемъ отдѣльныхъ частей изъ *Principes*, въ которыхъ были повторены нѣкоторыя изъ его критическихъ замѣчаній противъ физиократовъ. Онъ отдаетъ должное оригинальности физиократовъ и признаетъ дѣйствительную цѣнность ихъ точки зрѣнія, но возражаетъ противъ чрезмерной растянутости ихъ изложенія.

Совсѣмъ непохожъ на „фактическаго“ Форбонна, который по направленію своего ума имѣетъ очень много общаго съ нѣмецкими „камералистами“, — утопическій аббатъ де-Мабли (1709—1785), критическія замѣтки котораго о Мерсье де-Ла-Ривьерѣ все таки ни въ какомъ случаѣ не заслуживаютъ пренебреженія. Онъ критикуетъ политическія и философскія главы *Ordre naturel et essentiel des Sociétés politiques*, которыя Даръ не включилъ въ свой сборникъ *Physiocrates*, и оставляетъ безъ разбора непосредственно экономическія главы, напечатанныя Даромъ. Таково содержаніе *Doutes proposés aux Philosophes économistes sur l'Ordre naturel et essentiel des Sociétés politiques 1768*, въ формѣ десяти писемъ, адресованныхъ „автору *Ephémérides du citoyen*“. Мабли начинаетъ свои *Doutes* такимъ образомъ: „Милостивый Государь, я такъ же, какъ и Вы, долго былъ ученикомъ знаменитыхъ философовъ, которыхъ Вы называете своими учителями. Сколькими истинами мы имъ обязаны по вопросамъ о природѣ налоговъ, о средствахъ довести земледѣліе и торговлю до процвѣтанія. Когда эти темы были исчерпаны, всѣ съ радостью услышали о томъ, что наши учителя работаютъ надъ еще болѣе великими открытіями, и что они приступили къ изученію основныхъ принциповъ общества... Но тѣмъ не менѣе я думаю, милостивый государь, что къ этимъ на-

деждамъ примѣшивалось нѣкоторое опасеніе. Было очевидно, что наши философы питаютъ какое-то презрѣніе къ тѣмъ народамъ, къ которымъ мы привыкли относиться съ уваженіемъ, и что они питаютъ особое расположеніе къ правительству Китая... но, опасаясь произнести хулу противъ невѣдомыхъ истинъ, мы хранили молчаніе и ждали, когда Оракулъ заговоритъ съ меньшею таинственностью“. Теперь, Оракулъ заговорилъ, но читатель не удовлетворенъ и жаждетъ дальнѣйшихъ объясненій.

Содержаніе перваго письма Мабли сводится къ слѣдующему. Какимъ образомъ собственность на личность, движимые предметы и землю можетъ являться „тремя видами собственности, нераздѣльными между собою“. Первая можетъ существовать безъ второй (какъ при коммунизмѣ) и безъ третьей (доказательствами являются Ирокезы, Гуроны и древніе спартанцы). Земельная собственность есть произвольное человѣческое учрежденіе. Вы скажете, что собственность является стимуломъ труда, но развѣ не она произвела на свѣтъ праздность? Неужели алчность и выгода являются единственными двигателями человѣческаго сердца, и стремленіе къ отличіямъ, почету и славѣ не болѣе могущественный двигатель, чѣмъ сама собственность. *Ordre naturel* положительно противорѣчитъ природѣ. Земельная собственность влечетъ за собою имущественное неравенство и всѣ пороки, которые сопутствуютъ богатству и нищетѣ: презрѣніе богатыхъ къ бѣднымъ, несправедливость, тиранію и угнетеніе. Природа создала насъ равными, снабдила насъ одинаковыми потребностями и соединила насъ общественными качествами, которыя должны бы были сдѣлать насъ счастливыми; но богатство и бѣдность породили грубость и звѣрство. Напрасно стали бы мы пытаться снова вернуться къ естественному порядку; собственность создала своихъ защитниковъ, и попытка уничтожить ее привела бы къ еще большему безпорядкамъ, чѣмъ тѣ, отъ которыхъ мы ищемъ спасенія. Но почему не обратиться къ палліативамъ, почему ограничиваться культурой продуктовъ земли и не содѣйствовать культурѣ соціальныхъ качествъ? Еслибы не существовало алчности, честолюбія и тщеславія, то люди были бы

счастливы, даже съ меньшимъ богатствомъ. Собственность— явление противоестественное и антиобщественное. Конечно, природа можетъ снабдить одного человѣка большею силою, чѣмъ другого, но это не основаніе для большаго индивидуальнаго богатства... если насиліе и хитрость не считать достойными прославленія. Современные философы смотрятъ на злоупотребленія, вытекающія изъ нашихъ страстей, какъ на проявленіе естественнаго закона. Признавая, что физическія потребности человѣка содѣйствовали возникновенію общества, мы, тѣмъ не менѣе, не можемъ не допустить, что и духовные мотивы участвовали въ созданіи общества. Человѣкъ не только физическая машина, онъ представляетъ сочетаніе физическихъ и духовныхъ элементовъ. Безъ сомнѣнія, физически невозможно жить безъ удовлетворенія своихъ необходимыхъ потребностей, но точно также нельзя жить и безъ социальныхъ качествъ, которыя преимущественно и содѣйствовали возникновенію общества. Земледѣліе должно служить обществу, а не общество земледѣлію. Если бы мы, подобно животнымъ, ограничивались однимъ только удовлетвореніемъ своихъ необходимыхъ физическихъ потребностей, то, подобно имъ, мы не были бы способны къ общественной жизни. Справедливость, благоразуміе, храбрость необходимы въ такой же мѣрѣ, въ какой— необходима земля; безъ этихъ свойствъ насъ раззорили бы иноземные народы. Развитие человѣка и его социальныхъ добродѣтелей является основой социального счастья: оно должно предшествовать культурѣ полей.

Симпатіи Маблі къ коммунизму, проявляющіяся въ этомъ письмѣ, дальше высказываются все яснѣе и рѣзче, но мы можемъ пропустить эти замѣчанія о коммунизмѣ, нисколько не ослабляя силы послѣдующей критической части, содержаніе которой таково. Почему правители и судьи въ идеальномъ обществѣ Ла-Ривьера являются въ то же время владѣльцами чистаго продукта? Довѣріе, почтеніе и уваженіе должны бы служить имъ достаточною наградою. Только равенство вызываетъ довольство; предполагаемое фізіократами единство общества — фикція. Мало того, экономисты крайне непослѣдовательны. Иногда они смотрятъ на человѣка, какъ на пасущееся животное, ин-

тересующееся только Ёдою, приче́мъ соціальнымъ идеаломъ его является получение наибольшей суммы продуктовъ земли; когда же они имѣють съ нимъ дѣло, какъ съ разумнымъ существомъ, онъ перестаетъ быть звѣремъ и дѣлается ангеломъ, легко поддающимся внушеніямъ разума или „очевидности“ (Evidence). Является „очевидность“ и страсти смиренно укрощаются. Боже, еслибы это было такъ! Но страсти управляютъ міромъ, и люди не интересуются очевидностью, которая отъ времени до времени мѣняется, подобно другимъ обычаямъ, но управляются мнѣніемъ. Нравственныя и политическія истины не геометрическія теоремы. Эвклидъ неуживимъ, но вѣдь его положенія просты и ясны, тогда какъ наши проблемы крайне сложны, а предрасудки и частный интересъ развращаютъ мысли. Не вѣрьте слишкомъ въ побѣду страсти надъ раузомомъ; одно заблужденіе смѣняется другимъ и новыя страсти являются взаи́мнъ старыхъ.

Переходя затѣмъ къ строю идеальнаго общества, онъ спрашиваетъ: если очевидность (evidence) такъ убѣдительна, то къ чему заботиться о формахъ правленія? Всякое правленіе одинаково хорошо. Въ такомъ случаѣ автору оставалось бы только сказать объ организаціи проектируемыхъ имъ общественныхъ училищъ и намѣтить характеръ тѣхъ книгъ (livres doctrinaux), съ составленіемъ которыхъ философы, по его мнѣнію, должны спѣшить ¹⁾. Конечно, законы должны быть справедливы, но трудно найти другую истину, которая была бы болѣе извѣстна и менѣе соблюдаема, чѣмъ эта: несправедливость законовъ прямо пропорціональна имущественному неравенству. Ваши должностныя лица должны быть мудрыми, но вѣдь такіе мудрецы представляютъ рѣдкость внѣ Китая, гдѣ, по мнѣнію экономистовъ, природа создала націю мудрецовъ. Должност-

---

¹⁾ Мерсье-де-ла-Ривьеръ въ отвѣтъ на этотъ вызовъ написалъ свою книгу De l'instruction publique 1755.

ныя лица должны умѣрять несовершенства деспота. Но почему же недопустить, что и они могутъ быть несовершенными? Не проще ли было бы сдѣлать деспота сразу непогрѣшимымъ? Но если между нимъ и должностными лицами будутъ разногласія, не приведетъ ли это къ замѣшательствамъ, къ произвольному деспотизму? Власть должна быть насльдственной..... Но вѣдь организованная принудительная власть сосредоточивается въ деспотѣ, который, такимъ образомъ, долженъ самъ себя ограничивать. Хвалебные гимны, воспѣваемые нѣкоторыми писателями земледѣлю въ Китаѣ, до того околдовали автора, что онъ захотѣлъ копировать и китайскій государственный строй. Затѣмъ Мабли переходитъ къ подробному пересмотру отчетовъ миссіонеровъ и другихъ лицъ объ исторіи и положеніи Китая, которыя, по его мнѣнію, во многихъ отношеніяхъ противорѣчатъ разуму и опыту, и приходить къ тому заключенію, что эти писатели ошибались или были введены въ заблужденіе. Но если даже это было бы не такъ, все же стадо людей, рабски подчиняющееся обычаю, не опасющееся войны съ другими народами и не окруженное грозными неприятелями, слишкомъ трусливое и женоподобное для борьбы даже съ татарами, не можетъ служить образцомъ для прогрессивнаго французскаго народа, для котораго воинскія добродѣтели являются необходимымъ условіемъ національнаго существованія. Потребности китайскаго императора могутъ быть вполнѣ удовлетворены его громаднымъ богатствомъ, и ему не къ чему увеличивать налоги своего народа. Но какое отношеніе къ Франціи имѣетъ эта параллель ¹⁾.

---

¹⁾ Любопытно, что Мабли не замѣчаетъ того, что здѣсь и, въ особенности въ другихъ его произведеніяхъ, гдѣ онъ говоритъ о различныхъ условіяхъ различныхъ странъ и до небесъ превозноситъ Спарту, онъ впадаетъ въ тѣ же ошибки, которыя самъ критикуетъ. *Mutato nomine de te fabula narratur.* Китай для фисіократовъ былъ тѣмъ же, чѣмъ Спарта для Мабли. Къ тому же въ Спартѣ рабство составляло основу общества.

Онъ подвергаетъ строгой критикѣ взгляды Ла-Ривьера на необходимость отдѣленія законодательной власти отъ исполнительной и бесполезность демократическихъ или даже аристократическихъ законодательныхъ собраній. Онъ ссылается на Англію и настаиваетъ на томъ, что до тѣхъ поръ, пока человѣчество остается непогрѣшимымъ, общество должно большинствомъ голосовъ рѣшать вопросы о желательности тѣхъ или другихъ реформъ. Для политическаго строя наибольшее значеніе имѣютъ вопросы нравственные; худо или хорошо, но отъ общественной нравственности зависитъ судьба государствъ.

Въ заключеніе онъ говоритъ: „Если я думалъ, что въ первыхъ двухъ частяхъ *Ordre naturel et essentiel des sociétés politiques*, я не найду ничего, кромѣ заблужденій, софистической и опасной доктрины, то та же искренность побуждаетъ меня признать, что третья часть этого сочиненія заключаетъ въ себѣ цѣлую массу весьма существенныхъ истинъ по вопросу объ обложеніи, земледѣліи и торговлѣ. Мнѣ хотѣлось бы заняться обсужденіемъ тридцать пятой главы ¹⁾, гдѣ, по моему мнѣнію, на ряду съ нѣкоторыми истинами есть много заблужденій, но это требуетъ большой работы, и у меня не хватаетъ смѣлости приступить къ ней. Я ожидаю съ величайшимъ нетерпѣніемъ вашихъ возраженій и, хотя Вы, можетъ быть, считаете меня мятежнымъ умомъ, возстающимъ противъ очевидности (*evidence*), и уже потеряли вѣру въ мое обращеніе на путь истины, тѣмъ не менѣе не откажитесь дать мнѣ ваши объясненія“. Это послѣднее письмо помѣчено 27 октября 1767. Отвѣтъ появился въ *Ephémérides* и состоялъ изъ семи статей, которыя должны были разсѣять высказанныя сомнѣнія.

Эти пространные дебаты между уединенными философами имѣли огромное практическое значеніе. То былъ вѣкъ идей, — „Бумажный вѣкъ“, какъ выразился Карлейль эпиграмматически; было много людей практическаго дѣла, жаждавшихъ усвоить идеи, которыя они могли бы примѣнить на практикѣ. Изученіе важнаго положенія, занимаемаго

¹⁾ Эта глава трактуетъ о международныхъ отношеніяхъ.

Мабли въ исторіи коммунизма, не входитъ въ нашу задачу ¹⁾. Но необходимо упомянуть о томъ, что поляки просили Мабли составить имъ законы, и что съ этою цѣлью онъ уѣхалъ въ Польшу и написалъ свое *Du gouvernement de la Pologne* (1771) г. Еще большее значеніе имѣетъ то, что Американскій конгрессъ поручилъ ему начертать планъ конституціи; это побудило его написать свои *Observations sur le gouvernement et les lois des États-Unis d'Amérique*.

Заглавіе, данное Мабли своей книгѣ, было, вѣроятно, навѣяно философскими сомнѣніями Декарта. *Doutes sur la théorie de l'impôt* 1761, являющееся отвѣтомъ Мирабо, было анонимнымъ трудомъ ле-Песселье. Большинство выдающихся сочиненій физиократовъ вызвало „опроверженія“ въ той или другой формѣ. Мессансъ опровергалъ положеніе *l'Ami des Hommes*, что населеніе Франціи уменьшается. Въ 1761 г. Ривьеръ (не ле-Мерсье-де-ла-Ривьеръ) издалъ свое сочиненіе *l'Ami de la Paix, ou réponse à la théorie de l'impôt du Marquis de Mirabeau*. Изъ множества другихъ сочиненій, написанныхъ противъ одинаго налога (*impôt unique*) на землю достаточно будетъ упомянуть *Erreurs des Economistes sur l'impôt* 1790 г.; *Absurdité de l'impôt territorial*, Маркиза-де-Казо 1790 г.; *Consideration sur l'effet de l'impôt*, 1794 и *Reflexions philosophiques sur l'impôt* 1774 г. Тифоде-ла-Ну.

И послѣ смерти Мабли *Ordre naturel* не переставалъ быть предметомъ обсужденія. Вольтеръ (1649—1774), вызванный неразумною и преувеличенною похвалою Голицына ²⁾ и другихъ, и возмущенный, какъ партійнымъ духомъ автора, такъ и его выводами, взялся за перо, „будучи въ ударѣ“, какъ говоритъ его издатель, и написалъ очень остроумную филиппику на эту книгу, (которой онъ, вѣроятно, никогда не читалъ) и на экономистовъ вообще. Хотя *l'Homme aux quarante écus* отличается большою поверхностностью и отсутствіемъ глубины, тѣмъ не менѣе, эта весьма ѣдкая сатира, уснащенная чисто галльскимъ юморомъ и игривостью, могла бы совершенно уничтожить своей насмѣшкой менѣе серьезную и дѣятельную группу людей. Она поднимаетъ на смѣхъ статистиковъ, теоретиковъ финансистовъ, физиократовъ, ге-

¹⁾ О немъ можно прочесть у А. Sudre, *Histoire de Communisme* 1849 г.

²⁾ См. стр. 51.

ологовъ, врачей, біологовъ, духовенство и др.; но на переднемъ планѣ стоятъ все тѣ же фізіократы. Чтобы дать понятіе о формѣ и характерѣ нападокъ Вольтера мы приведемъ выдержку:

„Я счастливъ, что могу сообщить міру, что обладаю участкомъ земли, который могъ бы дать мнѣ чистыхъ 40 кронъ ¹⁾, если бы не было налоговъ.....“

„Господину Главному Контролеру извѣстно, что я обыкновенно платилъ всего 12 ливровъ, что это было чрезвычайно обременительно для меня, и что я погибъ бы, если бы Богъ не даровалъ мнѣ таланта плести ивовыя корзины, благодаря чему я, при своей бѣдности, кое-какъ перебивался.....“

„Новые министры утверждаютъ въ своихъ введеніяхъ, что только одна земля должна быть облагаема, потому что все исходитъ изъ земли, даже дождь, и что поэтому только плоды земные подлежатъ обложенію.“

„Одинъ изъ ихъ судебныхъ приставовъ пришелъ ко мнѣ во время послѣдней войны; онъ потребовалъ причитающуюся съ меня долю: три бушеля хлѣба и мѣшокъ бобовъ, всего стоимостью въ 20 кронъ для продолженія войны.....“

„А такъ какъ у меня не было ни хлѣба, ни бобовъ, ни денегъ, то законодательная и исполнительная власть приговорила меня къ тюремному заключенію.....“

„Выйдя изъ тюрьмы ни съ чѣмъ, кромѣ кожи на моихъ костяхъ, я встрѣтилъ толстенькаго, румянаго господина въ каретѣ, запряженной шестеркой; у него было шесть лакеевъ, и онъ платилъ каждому изъ нихъ жалованье, вдвое превосходящее мой доходъ. Его дворецкій, такой же румяный, какъ и онъ самъ, получалъ 2000 фр. и обкрадывалъ его ежегодно на 20000. Его метресса стоила ему 40000 въ полгода: я знавалъ его еще въ тѣ времена, когда онъ былъ бѣднѣе меня. Чтобы утѣшить меня, онъ рассказалъ мнѣ, что у него 400000 ежегоднаго дохода. „Значитъ вы платите

---

¹⁾ Эку равенъ 3 ливрамъ, 40 эку = 120 ливр. Мерсье-де-ла-Ривьеръ считалъ эту сумму достаточною для удовлетворенія всѣхъ потребностей гражданина фізіократическаго общества.

изъ нихъ 200000 государству“, сказать я ему..... ибо я, имѣющій всего 120 ливровъ, долженъ платить половину:

„Какъ“, сказалъ онъ, „я буду давать на государственныя нужды? Вы шутите, мой другъ; я получилъ наследство отъ дяди, который нажилъ восемь милліоновъ въ Кадиксѣ и Суратѣ; у меня нѣтъ и пяди земли: все мое имущество въ цѣнныхъ бумагахъ, я ничего не долженъ государству. Это вы, въ качествѣ землевладѣльца обязаны отдавать половину своихъ средствъ. Развѣ вы не понимаете, что если бы министръ финансовъ потребовалъ отъ меня оказать помощь странѣ, онъ былъ бы дуракомъ, который не умѣетъ разсчитывать, ибо все получается отъ земли; деньги и облигаціи только мѣновые знаки; вмѣсто того, чтобы проигрывать въ карты сто бушелей пшеницы, сто быковъ, тысячу овецъ и двѣсти мѣшковъ гороху, я ставлю груды золота, которое представляетъ эти отвратительныя вещи. Если бы, обложивъ эти товары единымъ налогомъ, они, кромѣ того, стали бы просить еще у меня денегъ, то неужели вы не понимаете, что они взяли бы вдвойнѣ. Мой дядя продалъ въ Кадиксѣ два милліона вашего зерна и два милліона ткани, сдѣланной изъ вашей шерсти; онъ нажилъ болѣе 100% на этихъ двухъ предпріятіяхъ. Вы видите, что эта прибыль получилась съ земли, уже обложенной; то, что мой дядя купилъ у васъ за десять су, онъ продалъ въ Мексикѣ болѣе, чѣмъ за пятьдесятъ франковъ, и, за покрытіемъ всѣхъ расходовъ, привезъ съ собою восемь милліоновъ“.

„Вы понимаете, конечно, что было бы страшною несправедливостью требовать отъ него еще нѣсколько оболовъ въ придачу къ тѣмъ десяти су, которые онъ далъ вамъ. Если бы двадцать такихъ же племянниковъ,—у которыхъ дяди выиграли по восьми милліоновъ въ счастливыя времена въ Мексикѣ, Буеносъ-Айресѣ, Лимѣ, Суратѣ или Пондистеріи, ссудили бы государству на необходимыя нужды страны по 200000 фр., то всего получилась бы сумма въ четыре милліона. Это ужасно! Плати, мой другъ, ты, который мирно пользуешься вѣрнымъ и чистымъ источникомъ дохода въ сорокъ кронъ, служи хорошо своей родинѣ и приходи изрѣдка пообѣдать съ моими слугами!“

Эта вразумительная рѣчь заставила меня много думать, но не особенно успокоила меня“.¹⁾

Въ болѣе зрѣлые годы Вольтеръ лучше познакомился съ фізіократами и ихъ сочиненіями и очень хвалилъ ихъ. Его поклоненіе передъ Тюрго, какъ человѣкомъ, философомъ и министромъ было безгранично²⁾. Онъ писалъ Дюпону въ 1771 г.: „J'ose féliciter la France, que M. Turgot soit ministre et qu'il ait un homme tel que vous près de lui.“ („Я осмѣливаюсь поздравить Францію съ тѣмъ, что г. Тюрго будетъ министромъ и будетъ имѣть своимъ приближеннымъ такого человѣка, какъ Вы“). А въ своихъ *Fragments sur l'histoire* онъ говоритъ: „я прочелъ *Ephémérides du Citoyen*, произведеніе достойное своего заглавія. Этого журнала и прекрасныхъ статей о земледѣліи въ *Encyclopédie*, по моему мнѣнію, достаточно для просвѣщенія и счастья цѣлой націи... Я ничего не писалъ по сельскому хозяйству, потому что никогда не сумѣлъ бы написать лучше того чѣмъ это сдѣлано въ *Ephémérides*“. Поэтому Вольтеръ, подобно Мабли, былъ иногда пристрастнымъ приверженцемъ фізіократовъ, но за то въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ былъ могущественнымъ ихъ противникомъ. Старшій Мирабо отъ всей души ненавидѣлъ его. Въ одной изъ своихъ громовыхъ рѣчей онъ обвиняетъ его въ томъ, что онъ навлекъ проказу на весь человѣческій родъ³⁾, а по прочтеніи *la Pucelle* негодованіе его было такъ велико, что онъ въ буквальномъ смыслѣ слова бросилъ эту книгу въ огонь.

Почти такую же необузданною натурою, какъ Вольтеръ, обладалъ и аббатъ Галіани (1728 — 1787), неаполитанскій дипломатъ при парижскомъ дворѣ, и одинъ изъ самыхъ

¹⁾ Въ своемъ изданіи сочиненій Вольтера Кондорсэ защищалъ фізіократовъ противъ этой выходки. См. также А. Барби: *L'homme aux quarante ans et les Physiocrates*.

²⁾ См. *L'épître à un homme*, написанное послѣ паденія Тюрго, его письма и мемуары, адресованные Тюрго, а главнымъ образомъ его *Diatribes à l'auteur des Ephémérides* (Baudeau) Genève и Paris 1775, въ которыхъ онъ изображаетъ Тюрго человѣкомъ болѣе знающимъ, чѣмъ Сюлли, съ такими же широкими взглядами какъ Кольберъ, и съ болѣе философскимъ складомъ ума, чѣмъ тотъ и другой.

³⁾ Il a soufflé la lèpre sur le genre humain. Lomenie m. ii стр. 266.

остроумныхъ писателей, когда либо писавшихъ по экономическимъ вопросамъ. Маленькій аббатъ (онъ имѣлъ всего 4 1/2 ф. росту) былъ общимъ любимцемъ всѣхъ парижскихъ салоновъ. Понятно, что многіе должны были находить произведенія физиократовъ слишкомъ сухими и скучными и съ упоеніемъ читали увлекательныя сочиненія Галіани и Вольтера. Въ своихъ *Dialogues sur le commerce des blés*, Лондонъ 1770, переведенныхъ съ итальянскаго Дидеро, Галіани занялъ положеніе очень близкое къ крайнему крылу современной исторической школы экономистовъ. Абстрактныя принципы являются плохими руководителями въ коммерческой политикѣ. Хлѣбныя законы, полезныя при однихъ условіяхъ времени и мѣста, могутъ быть вредны при другихъ. Было бы ошибкою думать, что наилучшею для Франціи политикою является политика, оказавшаяся наиболѣе выгодною для Англіи, Голландіи, Италіи или даже Франціи время Кольбера, которая была совсѣмъ иной страной, чѣмъ современная. Политическіе дѣятели, благоволившіе передъ Кольберомъ, должны не подражать ему, а спросить себя: „что бы сдѣлалъ Кольберъ въ настоящее время?“ Земля не можетъ быть единственнымъ источникомъ богатства, ибо Женева, Франкфуртъ, Лукка и другіе свободные города богаты, хотя они обладаютъ небольшимъ количествомъ, вдобавокъ бесплодной земли.

Дѣйствующее лицо комедіи, манією котораго было превращеніе всей страны въ морскіе порты, врядъ ли было болѣе безумнымъ, чѣмъ физиократы, предлагающіе свободу хлѣбной торговли, быть можетъ, очень полезную для такой страны, какъ Голландія, получающая хлѣбъ изъ за границы. Наилучшею системою является отсутствіе всякой системы. Мануфактура—одинъ изъ видовъ производства, потому что она прибавляетъ нѣчто къ сырому матеріалу (*elle ajoute à la matière première*). Торговля также прибавляетъ нѣчто къ сырому матеріалу и является такимъ образомъ источникомъ существованія для многихъ. При нѣкоторыхъ обстоятельствахъ желательны не только законы, регулирующие обращеніе зерна, но и законы, регулирующие обращеніе хлѣба (печенаго) и государственныхъ хлѣбныхъ амбаровъ. Англія ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить образъ-

цомъ для Франціи. Англія—самый сложный и художественно построенный политическій механизмъ, когда либо существовавшій въ мірѣ. Она въ одно и тоже время страна земледѣльческая, промышленная, военная, торговая и состоитъ дѣйствительно сплошь изъ морскихъ портовъ. Все въ Англіи своеобразно: національный характеръ, обычаи, почва, климатъ, продукты и т. д. Она вывозитъ изъ Бенгаліи золото и чеканитъ его въ Ньюмаркетѣ, обучаетъ свой флотъ (матросовъ), въ тоже время производитъ свою заграничную торговлю. Заключение книги является яснымъ разсужденіемъ на поставленный въ ея заголовкѣ эпиграфъ изъ Горация:

In vitium ducit culpae fuga, si caret arte.

„Вы единственный разумный человекъ“, говоритъ маркизъ де-Рокеморъ, одинъ изъ собесѣдниковъ рыцарю Цаноби (Галиани), „который высказывается противъ вывоза зерна“. „Я ни противъ чего не высказываюсь“, раздается отвѣтъ, „кромѣ какъ противъ вывоза здраваго смысла“. Позже Галиани жаловался на то, что никто не понялъ цѣли его книги, и что ему хотѣлось убѣдить читателя въ томъ, что свобода вывоза невысказана при деспотическомъ правленіи, а потому она невозможна и во Франціи. Всѣ эти тирады преисполнены тѣмъ краснорѣчіемъ, о которомъ самъ онъ говоритъ, „какъ объ искусствѣ высказываться обо всемъ и все же не попасть въ Бастилію“; но даже теперь читателю трудно въ этой книгѣ раскрыть намѣренія, на которыя намекаетъ авторъ. *Dialogues* имѣли громадныи успѣхъ. Вольтеру казалось, что Платонъ и Мольеръ сообража поработали, чтобъ написать ее. Тюрго былъ въ восторгѣ отъ ея изящества и остроумія, хотя онъ отмѣтилъ рядъ неослѣдовательностей. *Ephémérides* приняли вывозъ. Въ номерѣ, помѣченномъ декабремъ 1769 г., но вышедшемъ позднѣе, Дюпонъ отвѣтилъ Галиани. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ этотъ трудъ взялъ на себя Бодо и исполнилъ его съ большимъ успѣхомъ. Рубо написалъ опроверженіе въ *Gazette du commerce*. Въ 1770 г. появилось *Réfutation* Морелле; Мерсье де-ла-Ривьеръ написалъ памфлетъ, озаглавленный *l'Intérêt général de l'Etat, ou la liberté du commerce des blés, etc., avec la réfutation d'un nouveau système* publié par l'Abbé Galiani, Amsterdam et Paris 1770 г.,

на который аббать отвѣтилъ въ книгѣ la Bagarre, которая до сихъ поръ еще не опубликована. Галиани, вернувшись въ Италію, поддерживалъ корреспонденцію съ парижанами, въ которой осыпалъ насмѣшками фізіократовъ за навѣваемую ими усыпляющую скуку (*ennui narcotique*), и въ шутку предлагалъ воздвигнуть себѣ статую съ латинскою надписью, указывающею на то, что онъ стеръ съ лица земли экономистовъ, которые навѣвали сонъ на націю, — „*economistis deletis qui rempublicam obdormiebant*“¹⁾. Гриммъ и Башомонъ въ своей литературной корреспонденціи слѣдовали его примѣру и осмѣивали фізіократовъ за ихъ снотворность и высокомеріе.

Граслэнъ (1727 — 1790), главный сборщикъ податей въ Нантѣ, былъ серьезнымъ писателемъ экономистомъ; онъ возставалъ прямо и открыто противъ ученія объ единомъ налогѣ и мнѣнія, признающаго землю единственнымъ источникомъ богатства. Его критика по достоинству своему превосходитъ все написанное другими критиками фізіократовъ. Когда Тюрго назначилъ премію за опытъ о распредѣленіи косвенныхъ налоговъ, Граслэнъ имѣлъ мужество представить на конкурсъ работу въ анти-фізіократическомъ духѣ, которая вызвала отвѣтъ Тюрго²⁾. Премія была назначена Сень-Перави, но опытъ Граслэна былъ удостоенъ почетнаго отзыва. Въ 1767 г. появился его *Essai Analytique sur la Richesse et sur l'Impôt*, въ которомъ онъ утверждалъ, что продуктъ земли составляетъ богатство даже въ томъ случаѣ, если онъ равняется только издержкамъ производства, — положеніе, съ которымъ согласились бы фізіократы, — и что промышленность, подвергая сырой матеріаль обработкѣ, создаетъ такое же богатство, какимъ является самъ сырой матеріаль. Что касается до налоговъ, падающихъ въ концѣ концовъ на землю, то онъ утверждаетъ, что въ крайнемъ счетѣ они могутъ быть переложены на потребителей. Его *Correspondance contradictoire* съ Бодо, Лондонъ, 1779, стоитъ того,

---

¹⁾ См. недавнее сочиненіе о Галиани и фізіократахъ Frank Blei въ *Berner Beiträge zur Geschichte der National Ökonomie*, Nob. Berne 1895.

²⁾ *Oeuvres* Paris 1844. стр. 439. Дюпонъ также отвѣтилъ въ своей *Lettre à Péravy*, *Ephémérides* 1768, т. ii.

чтобы ее прочесть, и является съ той и другой стороны очень дѣльнымъ обсужденіемъ доктринъ школы.

Неккеръ (Necker) (1732—1804), противникъ Тюрго на практикѣ и въ теоріи, вмѣстѣ съ Форбонне стоялъ за правительственную регламентацію, что все же не помѣшало ему нажать себѣ состояніе посредствомъ хлѣбной спекуляціи въ періодъ короткаго торжества свободы торговли послѣ 1764 г. Въ *Eloge Кольберу* и въ своемъ трудѣ *Sur la Legislation et le commerce des Grains 1775* и *De l'administration des finances de la France* онъ не упускаетъ случая подчеркнуть свои разногласія съ теоріею *Laissez faire* и съ *Tableau Economique*. Его напыщенныя воззванія къ правамъ человѣчества и нападки на земельную собственность, хотя вызваны, вѣроятно, честолюбивымъ желаніемъ обездечить себѣ политическую популярность, совсѣмъ сближаютъ его съ государственными социалистами, которые, подобно ему, желали широкаго правительственнаго мѣшательства. Физиократамъ всегда приходилось считаться съ нимъ, какъ съ рѣшительнымъ противникомъ. Его *Memoire au roi* о муниципальномъ правленіи представляеть плагиатъ изъ мемуара *Мирабо* на ту же тему.

Изъ писателей, писавшихъ противъ Кенэ и его школы, наиболѣе ѣдкимъ сарказмомъ обладалъ Лэнгэ (Linguet) (1736—1794), сварливый и не вполне нормальный человѣкъ, очень способный юристъ. Въ статьѣ, направленной противъ Монтескье, онъ утверждаетъ, что общество живетъ нарушеніемъ свободы, подобно хищнымъ звѣрямъ, живущимъ на счетъ своей добычи. Это вызвало отвѣтъ со стороны Морелле (*Morellet Theorie du paradoxe 1775*). Вооружившись противъ Морелле, Лэнгэ написалъ *Theorie du Libelle ou l'art de calomnier avec fruit 1775*, въ которой онъ разражается цѣлою тирадой противъ физиократовъ, цитируемой въ *Dictionnaire de l'Economie Politique 1852*¹⁾. Онъ уже выступалъ противъ нихъ въ своемъ *Réponse aux docteurs modernes... avec la réfutation du système des philosophes économistes, Лондонъ 1771*, и снова приступилъ къ этой задачѣ въ сотрудничествѣ съ Малле дю-Панъ (*Mallet du Pan*) въ *Annales Politiques*. Его колкости граничатъ съ издѣ-

¹⁾ Physiocrates m. ii стр. 361.

вательством надъ таинственнымъ характеромъ ихъ школы и доктринъ ¹⁾.

Онъ считалъ хлѣбъ медленнымъ ядомъ и былъ гильотинированъ въ 1794 г. за богохульство надъ хлѣбомъ, народною пищею (*le pain, la nourriture du peuple*). Его критика *Tableau Oeconomique* была недавно подвергнута изслѣдованію въ монографическомъ очеркѣ Филлипа, Цюрихъ 1896 г.

Изъ числа другихъ континентальныхъ противниковъ физиократовъ достаточно упомянуть Іоганна Іакова фонъ-Мозера (*Johann Jacob von Moser*), *Anti-Mirabeau* котораго появилось въ 1771 г. ²⁾; Пфейффера (*Pfeiffer*), написавшаго *der Anti-Physiokrat*; Дема (*Dohm*), корреспондента Мовильона и автора *Kurze Darstellung des physiokratischen Systems*, Кассель, 1778 и Фонъ Зонненфельса (*von Sonnenfels*), автора *Grundsätze der Polizei, Handlung und Finanz*. Вѣна 1765 г.

VI.

Изучая физиократовъ, мы до сихъ поръ занимались исключительно возникновеніемъ и исторіей школы, описаніемъ доктринъ ея, ея практической дѣятельностью, а также ея противниками. Теперь спрашивается: какой выводъ вытекаетъ изъ всего сказаннаго? Физиократы создали первую научную политико-экономическую школу. Но какіе изъ выдвинутыхъ ими принципозъ уцѣлѣли, несмотря на сокрушающую силу и ожесточеніе обрушивавшейся на нихъ критики, какіе изъ нихъ сдѣлались достояніемъ научнаго прогресса и вошли въ современную сокровищницу знанія? Если физиократы сдѣлали только первый шагъ, то на чемъ они остановились? каковъ, другими словами, „чистый продуктъ“ (*produit net*) ихъ ученія и какое мѣсто они занимаютъ въ исторіи экономической теоріи?

Было бы, въ самомъ дѣлѣ, очень прискорбно, если бы

---

¹⁾ См. цитаты въ примѣчаніи В. Приложенія.

²⁾ Отвѣтъ F. N. Vierordt'y *Von dem Ursprung und Fortgang einer neuen Wissenschaft*, Карлсруэ 1770, 8. нѣмецкій переводъ Дюпона — *Origine et progrès d'une science nouvelle*.

сравненіе между самыми новѣйшими экономическими сочиненіями, на примѣръ, книгою профессора Маршалля „Principles of Economics“ и взглядами физиократовъ не обнаружило никакой рѣзкой разницы между ними. Съ точки зрѣнія современнаго научнаго прогресса, отдѣленнаго на полтора столѣтія отъ эпохи, въ которую жили физиократы, намъ кажется, что ихъ взгляды на основныя понятія и важнѣйшія задачи науки—крайне несовершенны. Основными заблужденіями ихъ были: отождествленіе богатства съ матеріальными продуктами и цѣнности съ производства; убѣжденіе въ томъ, что издержки производства опредѣляются количествомъ матеріала, заключеннаго въ товаръ и необходимыми средствами существованія, нужными для людей, занятыхъ въ переборкѣ сырого матеріала; и наконецъ вѣра въ то, что переложеніе и распредѣленіе налоговъ въ дѣйствительности не испытываетъ никакихъ препятствій. Установивши эти положенія, они, оставаясь строго послѣдовательными, должны были придти къ большинству изъ сдѣланныхъ ими выводовъ. Но въ настоящее время въ экономіи стало общимъ мѣстомъ то положеніе, что богатство, къ которому относятся товары, личныя свойства и услуги, которые прямо или косвенно удовлетворяютъ человѣческія потребности, значительно превосходить узкія рамки матеріальныхъ благъ, что цѣнность опредѣляется не только издержками со стороны предложенія, но и интенсивностью спроса, и что она измѣняется въ зависимости отъ полезности и значенія, какими обладаетъ извѣстный запасъ богатства для удовлетворенія потребностей человѣка; что издержки производства посколькѣ дѣло идетъ о трудѣ, не тождественны съ необходимыми средствами существованія различныхъ рабочихъ, участвующихъ въ производствѣ; и что геометрическая правильность аргументаціи, по которой всѣ налоги, въ конечномъ счетѣ, падаютъ на землю,—основана на лишней реальности гипотезѣ.

Было бы нелѣпо утверждать, что одаренный божественнымъ даромъ скульпторъ, работая надъ глыбою мрамора, прибавляетъ къ нему только эквивалентъ средствъ существованія, потребленныхъ имъ во время работы; или, дру-

гими словами, что цѣнность статуи эквивалентна только стоимости камня и средствъ существованія, поглощенныхъ имъ во время работы. Но научные успѣхи, которыми мы обязаны Адаму Смиту, Рикардо, Миллю, Джевонсу и многимъ другимъ, не должны заслонять заслугъ первыхъ французскихъ писателей. Въ самомъ дѣлѣ, установленіе ясной и безспорной теоріи цѣнности—этого ядра экономической науки—является достояніемъ современнаго поколѣнія. *) Оригинальность физиократовъ можетъ быть всего лучше доказана, если мы приведемъ мнѣніе, высказанное о нихъ Адамомъ Смитомъ въ его *Wealth of Nations*.

Четвертая книга его, какъ извѣстно, озаглавлена „о системахъ политической экономіи“. „Неодинаковый ростъ богатства въ различныя эпохи и у различныхъ націй“, говорить онъ—„былъ причиною возникновенія двухъ различныхъ системъ политической экономіи ¹⁾ о средствахъ для обогащенія народовъ“. Одну изъ нихъ онъ называетъ „коммерческою или меркантильною системою“, которая, говоритъ онъ, „является современною системою; и болѣе всего распространенною въ моей странѣ, въ тотъ вѣкъ, въ который я пишу“. Это — система государственной регламентаціи, послѣдователемъ которой является Кольберъ. Дру-

---

*) Авторъ, очевидно, чрезвычайно односторонній послѣдователь новѣйшей субъективной теоріи цѣнности, въ основѣ которой лежитъ понятіе такъ называемой „предѣльной полезности“. Между тѣмъ физиократы явились теоретическими предтечами той объективной теоріи цѣнности, которая основана на видѣнн въ издержкахъ производства и, въ конечномъ счетѣ, въ трудовой затратѣ (теорія классической школы, главными представителями которой являются Смитъ, Рикардо, Марксъ и Родбертусъ). Эта объективная теорія—вопреки мнѣнію Гигса—не только не ошибочна, но въ своихъ основныхъ положеніяхъ совершенно неопровержима. Субъективная теорія цѣнности не только не противорѣчитъ объективной, но, наоборотъ, подтверждаетъ ее и ею же, въ свою очередь, подтверждается. См. ст. М. И. Туганъ-Варановскаго въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“ за 1890 г. *Прим. ред. русскаго перевода*.

¹⁾ Адамъ Смитъ самъ былъ названъ «великимъ основателемъ промышленной системы, отличной отъ меркантильной и земледѣльческой системъ» Twiss, *View of the Progress of Political Economy in Europe since the Sixteenth Century*, 1847, стр. 160.

гая система—система физиократовъ, разсматривается Адамомъ Смитомъ только въ общихъ чертахъ, потому что онъ считалъ ее, также какъ и свободу торговли, утопическою ¹⁾. Но въ виду ея теоретическаго значенія, онъ подвергаетъ ее внимательному изслѣдованію. Онъ превозноситъ ея „простоту“ и вполнѣ сочувствуетъ ея стремленію „дозволить“, какъ онъ выражается — „каждому человѣку итти своимъ путемъ, по своей дорогѣ, на основѣ либеральныхъ принциповъ равенства, свободы и справедливости“.

Сдѣлавъ сжатое описаніе этой „либеральной и честной системы“, онъ замѣчаетъ, что „главная ошибка ея... заключается, повидѣмому, въ томъ, что она считаетъ ремесленниковъ, фабрикантовъ и купцовъ людьми совершенно безплодными и непроизводительными“; и, въ опроверженіе этого капитальнаго заблужденія, онъ выставляетъ пять положеній. Во первыхъ, говоритъ онъ, допуская, какъ это утверждаютъ физиократы, что этотъ непроизводительный разрядъ людей ежегодно воспроизводитъ цѣнность своего годового содержанія и, по крайней мѣрѣ, продолжаетъ существованіе капитала, дающаго ему содержаніе или занятіе, несправедливо этому классу давать названіе безплоднаго или непроизводительнаго. Мы не назовемъ бракъ безплоднымъ, если отъ него родятся только одинъ сынъ и одна дочь, которые замѣнятъ отца и мать, хотя онъ и не увеличитъ численности человѣческаго рода, а только продолжитъ его въ прежнемъ видѣ... Подобно тому, какъ бракъ, отъ котораго родятся трое дѣтей, плодитъе того, который даетъ только двухъ, точно также и трудъ арендаторовъ и земледѣльцевъ, конечно, производителнѣе труда торговцевъ, ремесленниковъ и промышленниковъ. Большая производительность одного класса все же не дѣлаетъ другой безплоднымъ и непроизводительнымъ“. Такая критика свидѣтельствуеъ объ очень сильномъ вліяніи физиократовъ на Адама Смита, ибо ни одинъ свѣдущій экономистъ не сталъ бы нынѣ защищать того положенія, что земледѣліе производитъ больше богатствъ, чѣмъ промышленность.

---

¹⁾ «Если бы благосостояніе народа было невозможно безъ полнѣйшей свободы и такой же справедливости, то въ цѣломъ мірѣ не было бы никогда народа, который могъ бы благоденствовать.

Во вторыхъ, говорить онъ, „совершенно несправедливо разсматривать ремесленниковъ, фабрикантовъ и купцовъ съ той же точки зрѣнія, какъ и прислугу“, ибо трудъ первыхъ, въ отличіе отъ труда вторыхъ, концентрируется и реализуется въ предметахъ, предназначенныхъ для продажи, и являющихся эквивалентомъ заработной платы и средствъ существованія. Трудъ прислуги „состоитъ изъ услугъ, которыя обыкновенно испаряются въ моментъ ихъ осуществленія“, и она дѣйствительно принадлежитъ къ бесплодному и непродуцательному классу. Здѣсь Адамъ Смитъ снова очень близко подходитъ къ доктринамъ физиократовъ, ибо мы теперь знаемъ, что никакой трудъ, производящій полезности, не можетъ быть названъ бесплоднымъ. Въ самомъ дѣлѣ, замѣчательно, что въ своей неопубликованной статьѣ „Notes“, Кенъ признаетъ косвенную производительность домашней прислуги, ибо ея услуги позволяютъ земледѣльческимъ классамъ безраздѣльно посвятить свою энергію земледѣлію. Но не любопытно-ли, что великій апостолъ выгодъ раздѣленія труда утверждаетъ, что съ экономической точки зрѣнія специальный трудъ домашней прислуги является проигрышемъ.

Въ третьихъ, потребление ремесленниковъ и фабрикантовъ не есть потеря, потому что, если даже они производятъ цѣнность эквивалентную потребленной ими цѣнности, то все же продуктъ ихъ остается и присоединяется къ общему запасу страны, тогда какъ домашняя прислуга и солдаты только потребляютъ. Кромѣ того, онъ указываетъ на то, что промышленный классъ можетъ сберечь часть фонда, идущаго на поддержаніе существованія, а эти сбереженія увеличиваютъ общественное богатство. На это же указываетъ Тюрго въ своихъ „Réflexions“.

Въ четвертыхъ, „Фермеры и сельскіе работники подобно ремесленникамъ, фабрикантамъ и купцамъ, не могутъ увеличить дѣйствительнаго дохода общества, годовое производство его земель и труда иначе, какъ путемъ личныхъ сбереженій“.

Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ раздѣленіе труда, увеличивающее производство, можетъ примѣняться шире въ промышленности, чѣмъ въ земледѣліи, и такъ какъ, „согласно

Этой системѣ, промышленники и проч., естественно, болѣе склонны къ экономіи и сбереженію, чѣмъ собственники и земледѣльцы, то они и могутъ болѣе содѣйствовать увеличенію количества полезнаго труда, занятаго въ странѣ, а, слѣдовательно, и увеличенію ея дѣйствительнаго дохода.

Наконецъ, въ пятыхъ, хотя бы національное богатство и состояло изъ суммы средствъ существованія, доставляемыхъ трудомъ націи, тѣмъ не менѣе „доходъ торговой и промышленной страны, при прочихъ равныхъ условіяхъ, все же долженъ превосходить доходъ страны, не занимающей торговлею и промышленностью... На небольшое количество обработанныхъ продуктовъ можно купить большее количество сырыхъ продуктовъ“. Но, подобно тому, какъ городъ привлекаетъ къ себѣ такую массу сырыхъ продуктовъ, что ихъ хватаетъ не только на матеріалы труда, но и на средства существованія, такъ и торговая страна, какъ на примѣръ Голландія, „получаетъ большую часть необходимыхъ средствъ существованія изъ другихъ странъ—скотъ изъ Гольштейна и Ютландіи, а хлѣбъ почти изъ всѣхъ европейскихъ странъ“.

Покончивъ съ критическою частью, авторъ спѣшитъ отдать должную дань физиократической системѣ, которая „несмотря на всѣ ея недостатки, все же изъ всего, что только писалось въ политической экономіи ближе всего подходитъ къ истинѣ. Правда, изображая трудъ, приложенный къ земледѣлію, какъ единственно производительный, она допускаетъ нѣкоторую узость и ограниченность въ защищаемыхъ ею идеяхъ, тѣмъ не менѣе, признавая, что богатство народовъ состоитъ не изъ непотребляемыхъ денежныхъ сокровищъ, а изъ потребляемыхъ предметовъ, ежегодно производимыхъ общественнымъ трудомъ, и, представляя совершенную свободу единственнымъ дѣйствительнымъ средствомъ наибольшаго увеличенія этого годового производства, доктрина эта кажется мнѣ во всѣхъ отношеніяхъ справедливою, благородною и либеральною. Она имѣетъ очень много послѣдователей и, такъ какъ люди охотники до парадоксовъ и имъ нравится воображать, что они понимаютъ то, что недоступно среднему пониманію, то защищаемый этою доктриною парадоксъ о непроеводительной

природѣ промышленнаго труда не мало содѣйствоваль увеличенію числа ея приверженцевъ... Сочиненія ихъ, конечно, оказали нѣкоторую пользу родинѣ и не только потому, что они вызвали обсужденіе цѣлаго ряда вопросовъ, которые раньше не обсуждались, но они до нѣкоторой степени побудили общественную власть обратить вниманіе на земледѣліе. Благодаря распространенію ихъ взглядовъ земледѣліе во Франціи было освобождено отъ нѣкоторыхъ обременявшихъ его стѣненій... Прежнія провинціальныя постановленія, стѣснявшія перевозку хлѣба изъ одной провинціи государства въ другую, были окончательно уничтожены, а свобода вывоза въ другія государства признана общимъ закономъ для государства при нормальныхъ условіяхъ". Необходимо помнить, что все это было написано до паденія Тюрго въ 1776 г.

Въ своей пятой книгѣ, посвященной вопросу объ обложеніи, Адамъ Смитъ ¹⁾ говорить объ единомъ налогѣ (*impôt unique*), „рекомендуемомъ партією писателей во Франціи, называемыхъ экономистами, какъ о наиболѣе справедливой системѣ обложенія. По ихъ мнѣнію, всѣ налоги, въ крайнемъ счетѣ, ложатся на земельную ренту, поэтому они должны быть равномѣрно налагаемы на фондъ, изъ котораго будутъ уплачиваться. Что всѣ налоги должны бы ложиться по возможности болѣе пропорціонально на фондъ, изъ котораго они въ концѣ концовъ уплачиваются, это несомнѣнно вѣрно, но, не вдаваясь въ непріятный анализъ метафизическихъ аргументовъ, которыми они доказываютъ свою крайне остроумную теорію“, Смитъ далѣе показываетъ, „что представляютъ собою тѣ налоги, которые, въ крайнемъ счетѣ, ложатся на земельную ренту, и тѣ, которые въ концѣ концовъ падаютъ на нѣкоторый другой фондъ“.

Главнымъ возраженіемъ противъ одинаго налога, (*impôt unique*) т. е. процента съ чистаго продукта, валовая сумма котораго измѣняется вмѣстѣ съ измѣненіемъ урожая,— Смитъ выставяетъ то, „что онъ не будетъ поощрять къ введенію усовершенствованій въ земледѣліи... Землевладѣлецъ будетъ, конечно, менѣе склоненъ вводить улучшенія,

¹⁾ Wealth of Nations, кн. V, гл. ii

когда монархъ, который не участвовалъ въ расходахъ, долженъ будетъ получать долю въ прибыли, происшедшей отъ улучшения.

Физиократы, наоборотъ, подчеркивали, что цѣлью ихъ плана было вызвать сочувствіе монарха къ введенію усовершенствованій въ земледѣліи..... Но Адамъ Смитъ полагалъ....., „что вниманіе монарха выразится въ весьма общемъ разсужденіи о томъ, что можетъ содѣйствовать лучшей культурѣ въ большей части его владѣній. Вниманіе же землевладѣльца выразится въ конкретной и весьма подробной оцѣнкѣ тѣхъ условій, которыя будутъ содѣйствовать наиболѣе выгодной эксплуатаціи каждой пяди земли въ его помѣстьи“... „Главное вниманіе монарха“, говоритъ онъ, „должно быть направлено на то, чтобы поощрять всѣми доступными ему средствами землевладѣльца и арендатора, дозволяя имъ обоимъ добиваться достиженія своихъ интересовъ своими собственными средствами и согласно собственному разумѣнію; гарантируя имъ обоимъ то, что всѣ продукты труда ихъ отрасли промышленности останутся въ ихъ нераздѣльной собственности; доставляя тому и другому наиболѣе широкій рынокъ для сбыта ихъ продуктовъ, улучшая внутренніе пути сообщенія и предоставляя неограниченную свободу вывоза во владѣнія всѣхъ другихъ государей“.

Профессоръ Онкенъ утверждаетъ, что даже въ настоящее время мы еще не имѣемъ истинно научнаго опроверженія ¹⁾ физиократической системы. Но такое сужденіе доказываетъ пристрастіе его и оправдывается только отчасти, даже если мы обратимся къ критическимъ замѣчаніямъ одного только Адама Смита. Графъ Лаудердалъ (1752—1839) очень добросовѣстный и сочувственно настроенный изслѣдователь французскихъ экономистовъ, цитировавшій и переведшій много выдержекъ изъ ихъ сочиненій—изъ „Tableau Oeconomique“; „Physiocratie“, „Philosophie Rurale“, „Ephémérides“ — и изъ Тюрго и Морелле, оспаривалъ тотъ ихъ взглядъ, что „даже трудъ ремесленника и промышленника совершенно непроиз-

¹⁾ Oeuvres de Quesnay 1888, стр. XIX.

Гитсъ. «Физиократы».

водителенъ“¹⁾. Взгляды Адама Смита, говоритъ онъ, были далеко не вполне состоятельны. Во II книгѣ, гл. I „Wealth of Nations“ онъ утверждаетъ, что „земли, рудники и рыбная ловля нуждаются всё въ постоянномъ и обратномъ капиталѣ для эксплуатаціи ихъ, и продуктъ ихъ возмѣщается съ избыткомъ не только эти капиталы, но и всё другіе въ обществѣ“, тогда какъ физиократы, „несмотря на всю свою изобрѣтательность, сдѣлали для доказательства этой доктрины (о бесплодности неземледѣльческаго труда) меньше, чѣмъ авторъ „Богатства народовъ“ своимъ опроверженіемъ ея. Съ точки зрѣнія Лаудердала „богатство можетъ быть увеличено только съ помощью тѣхъ средствъ, которыя производятъ его“; въ этихъ цѣляхъ земля, трудъ и капиталъ вступаютъ въ сотрудничество и каждый изъ этихъ факторовъ, въ большей или меньшей степени, становится производительнымъ. Джорджъ Первзъ (Purves), издавшій въ 1815 году подъ своимъ именемъ (Симонъ Грей) „The Happiness of States“, высказываетъ взгляды, аналогичные съ мнѣніями Лаудердала въ „All Classes Productive of National Wealth, or the Theories of M. Quesnai, Dr. Adam Smith, and Mr. Gray, concerning the various classes of men as to the production of Wealth to the Community“, Лондонъ, 1817, но особенно онъ подчеркиваетъ значеніе ума и предприимчивости, какъ факторовъ производства. Теорія Симона Грея—„производительная теорія“—была, говоритъ онъ, истинною теоріею въ противоположность „непроизводительнымъ теоріямъ“ Кенэ и Смита, который пошелъ только дальше, чѣмъ Кенэ, не замѣчая, что аграрные классы (landed interest) получаютъ свой доходъ отъ другихъ классовъ, точно такъ же, какъ послѣдніе зависятъ въ своемъ доходѣ отъ первыхъ. Воздухъ, теплота и вода такъ же необходимы и полезны для человѣка, какъ и земля; теплота же въ особенности. Но какъ ошибочно и нелѣпо было бы утверждать, что теплота, прямо или косвенно абсолютно необходимая человѣку во всѣхъ процессахъ производства богатства, является главнымъ источникомъ богат-

¹⁾ An Inquiry into the Nature and Origin of Public Wealth, and into the means and causes of its increase, Edinburgh, 1804, стр. 133, 293, 134, 275.

ства! То, что физиократы говорят о землѣ, несомнѣнно вѣрно по отношенію къ человѣческому разуму (стр. 15—18).

Въ очень поверхностной критикѣ Адама Смита Макъ Куллохъ утверждаетъ, что, благодаря незнакомству съ позднѣйшею теоріею ренты Рикардо „его опроверженіе системы экономистовъ было крайне неудовлетворительно“, потому что при обработкѣ однихъ только наиболѣе плодородныхъ земельныхъ участковъ ренты быть не можетъ. Поэтому чистый продуктъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться естественнымъ и необходимымъ явленіемъ въ земледѣліи ¹⁾.

„Единый налогъ“, который, быть можетъ, былъ внушенъ Кенэ положеніемъ Локка, что всѣ налоги въ послѣднемъ счетѣ ложатся на землю, достаточно опровергнутъ различными аргументами, уже приведенными нами въ нашихъ лекціяхъ. Мы можемъ еще прибавить, что существуютъ дальнѣйшіе и еще болѣе неотразимые доводы практическаго свойства. Половникъ или крестьянинъ-собственникъ, который производитъ для собственнаго потребленія и имѣетъ небольшой излишекъ для удовлетворенія своихъ немногочисленныхъ и простыхъ потребностей,—другими словами, земледѣлецъ, который въ дѣйствительности самъ себя содержитъ—былъ бы очень отягощенъ такимъ непосильнымъ и непропорціональнымъ бременемъ, отъ котораго онъ не могъ бы освободиться—вопреки предположенію физиократовъ, посредствомъ повышения цѣны своего продукта, такъ какъ фактически никогда не поступаетъ на рынокъ, а потребляется тамъ же, гдѣ производится. Кромѣ того, въ современныхъ государствахъ, никакой финансистъ не рискнулъ бы предоставить равновѣсіе общественныхъ доходовъ и расходовъ во власть временъ года и сохранить только одинъ источникъ дохода, который колеблется въ зависимости отъ перемѣнъ погоды, не можетъ быть предсказанъ и не подлежитъ контролю. Наконецъ, огромные современные бюджеты, которые не могутъ быть покрываемы посредствомъ четвер-

---

¹⁾ Wealth of Nations, изд. 1839 г. стр. 305, примѣч. Для полноты своей аргументаціи Макъ Куллохъ долженъ былъ бы присовокупить слѣдующія условія: что всѣ обработанныя земли одинаково прибыльны и что со стороны предложенія нѣтъ монополіи. Но въ такомъ случаѣ его утвержденіе не имѣло бы никакого практическаго значенія.

той или третьей доли чистаго продукта ¹⁾, сводились бы во многихъ государствахъ съ ужасающимъ дефицитомъ, даже при томъ условіи, что государство присваивало бы себѣ всю земельную ренту страны. *Прудонъ* ссылался на физиократовъ, чтобы поддержать свои предложенія, т. е., обложить ренту 100% сборомъ и установить добавочные налоги; но послѣдователи Кенэ оказали бы упорное сопротивленіе той и другой идеѣ, ибо первая нарушаетъ священное право собственности посредствомъ произвольной конфискаціи, а вторая противорѣчитъ единому налогу. *Генри Джорджъ* въ своемъ „*Progress and Poverty*“ (Прогрессъ и бѣдность) сдѣлалъ такую же основанную на недоразумѣніи ссылку на авторитетъ физиократовъ хотя самъ чисто-сердечно признался въ томъ, что не читалъ ихъ произведеній въ оригиналь ²⁾. Исходя вообще изъ принциповъ, родственныхъ физиократическимъ, *Милль* предлагалъ обложеніе такъ называемаго „нетрудового приращенія“ дохода (*unearned increment*), а такіе писатели, какъ профессоръ Седжвикъ, смотрятъ на всякаго рода нетрудовое приращеніе, какъ на самый подходящій объектъ обложенія. Итакъ само собою разумѣется, что теперь уже не можетъ пользоваться успѣхомъ мнѣніе, признающее, что всѣ налоги, въ послѣднемъ счетѣ, ложатся на землю, и что она, въ теоріи или на практикѣ, является наиболѣе соответствующимъ объектомъ для несенія всей тяжести налоговъ.

Въ своихъ произведеніяхъ *Мальтусъ* (1766—1834) обнаруживаетъ много общаго съ физиократами, что несомнѣнно должно быть приписано ихъ непосредственному вліянію на него. Положенія, установленныя Кенэ и Мирабо, заключали

¹⁾ Единный налогъ никогда не долженъ былъ превышать $\frac{1}{30}$ или, въ крайнемъ случаѣ, $\frac{1}{3}$ чистаго продукта, другими словами, это былъ бы налогъ на земельную ренту. Сущность предложенія ошибочно понята не только Вольтеромъ, Прудономъ и Генри Джорджемъ, но, въ другомъ смыслѣ, также и Локки, которому она представляется въ видѣ единаго налога, уплачиваемаго каждымъ человекомъ пропорціонально его доходу. *History of England in 18th century*, второе изданіе 1837 г. т. V стр. 370.

²⁾ Онъ посвятилъ свое «*Protection or Free Trade?*» (New-York 1891) «памяти тѣхъ великихъ французовъ прошлаго столѣтія:—Кенэ, Тюрго, Мирабо, Кондорсе, Дюпона и ихъ товарищей, которые..... предвидѣли славу грядущаго дня».

въ себѣ ядро его теоріи населенія, хотя его взгляды по этому вопросу, вѣроятно, и сложились совершенно самостоятельно. Далѣе онъ близко примыкаетъ къ идеямъ школы по тому значенію, которое онъ придаетъ прибавочному продукту страны, какъ реальному фонду ея богатства; подобно физиократамъ, онъ, въ особенности, настаиваетъ на существенномъ значеніи максимальнаго производства средствъ существованія ¹⁾. Съ другой стороны его мышленіе рѣзко отличается отъ дедуктивнаго и склоннаго къ абсолютнымъ рѣшеніямъ склада ума, одной изъ характерныхъ чертъ Кенэ и его послѣдователей. Онъ отказывается всецѣло примкнуть къ ихъ аргументаціи въ пользу свободы торговли. *Дюгамль Стюартъ*, другъ и биографъ Адама Смита, занималъ середину между Смитомъ и физиократами, но находилъ, что французскіе экономисты стояли ближе къ истинѣ, чѣмъ ихъ великій критикъ. Иногда, говоритъ онъ, Адамъ Смитъ несмотря на то, что онъ согласенъ съ физиократами по существу, одерживаетъ надъ ними словесную побѣду; въ другихъ случаяхъ, наприм., въ своихъ взглядахъ на производительный и непронизводительный трудъ, онъ судитъ менѣе правильно, чѣмъ они. Вообще говоря, языкъ физиократовъ—болѣе точный и опредѣленный; принципы ихъ болѣе научны и они покоятся на болѣе точномъ метафизическомъ анализѣ. Тѣмъ не менѣе доктрины „Богатства народовъ“ „за весьма немногими исключеніями имѣютъ большее практическое значеніе“ для политиковъ и дѣловыхъ людей ²⁾. Изъ второстепенныхъ писателей *Палей*, въ своей „Moral Philosophy“ слѣдующимъ образомъ высказалъ свое согласіе съ идеями физиократовъ: „Необходимо помнить, что земледѣліе является непосредственнымъ источникомъ продуктовъ чело-вѣческой пищи, что торговля ведетъ къ производству про-

¹⁾ «Великое положеніе экономистовъ, что прибавочный продуктъ земледѣльца является тѣмъ великимъ фондомъ, изъ котораго получаютъ плату всѣ тѣ, кто не заняты земледѣліемъ—навсегда останется истиною» *Essay on Population*, изд. 1803 г. стр. 435.

²⁾ *Lectures on Political Economy*, т. i, стр. 306. Разсужденіе это стоитъ прочесть, стр. 253—308. Эти лекціи, написанныя въ началѣ вѣка, были изданы Гамильтономъ въ Единбургѣ, 1877 г. 2 vols 8 vo.

дуктовъ лишь постольку, поскольку она поощряетъ земледѣліе; что вся система торговли, ваятая во всей ея совокупности и разнообразіи, не имѣетъ другого общественнаго значенія, кромѣ служенія этой цѣли“ (стр. 476). Но главнымъ послѣдователемъ физиократовъ въ Англіи былъ *Вильямъ Спенсъ*, противникъ Джемса Милля. „Britain Independent of Commerce, 1808 г. Спенса и его „Agriculture the Source of the Wealth of Britain“ 1808 г. были изданы вмѣстѣ съ двумя другими сочиненіями о хлѣбномъ биллѣ и торговлѣ въ Остѣ-Индіи подъ заглавіемъ „Tracts on Political Economy“, 1822 г. Спенсъ, старался доказать, что, несмотря на то, что Наполеону удалось уничтожить иностранную торговлю страны, благоденствіе Англіи нисколько не пострадало отъ этого. Онъ разбираетъ доктрины физиократовъ не безъ нѣкотораго таланта. Онъ утверждаетъ, что „великая аксіома“, признающая земледѣліе главнымъ источникомъ національнаго богатства — „несомнѣнная истина“. Но онъ подчеркиваетъ также, что развитіе промышленности въ Англіи повело къ процвѣтанію земледѣлія. „Земледѣліе и промышленность являются главными колесами механизма, создающаго національное богатство“; (стр. 27). Благодаря монополіи на землю, главною пружиною механизма, приводящею колеса въ движеніе, является классъ землевладѣльцевъ. Далѣе онъ утверждаетъ, что, въ послѣднемъ счетѣ, всѣ налоги уплачиваются изъ чистаго продукта земли. „Адамъ Смитъ“, говоритъ онъ, „подразумѣвалъ это, когда признавалъ, что всѣ доходы должны взиматься съ ренты, прибыли или заработной платы, ибо онъ признаетъ, что налоги на прибыль всегда перелгаются на потребителя“, и что „налоги на заработную плату не могутъ, въ послѣднемъ счетѣ, ложиться на нее, такъ какъ заработная плата земледѣльца возрастаетъ пропорціонально возвышенію цѣнъ потребляемыхъ имъ продуктовъ, являющемуся послѣдствіемъ роста налоговъ. На что же должны ложиться налоги, какъ не на земельную ренту“? (стр. 37) Тѣмъ не менѣе, говоритъ Спенсъ, хотя всѣ налоги и уплачиваются, въ конечномъ счетѣ, изъ ренты, изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что „не надо брать никакого налога, кромѣ земельного“.

На сочиненіе „Britain Independent of Commerce“ *Джемсъ Милль*

отвѣтили въ своемъ извѣстномъ произведеніи „Commerce Defended“, а Торренсъ въ томъ же году въ „The Economist Refuted“, причемъ онъ сражался противъ фізіократовъ оружіемъ Лаудердаля. „Если Спенсъ признаетъ аксіому экономистовъ“, говоритъ Милль, „то онъ долженъ признать и всю ихъ систему, которая вытекаетъ изъ нея „съ логической и несомнѣнною точностью“. Но Спенсъ не согласенъ съ этимъ выводомъ. Адамъ Смитъ, говоритъ онъ, не придерживался ихъ системы; тѣмъ не менѣе, онъ признавалъ ихъ аксіому, ибо, указываетъ Спенсъ, во II книгѣ, гл. 1, § 28 „Богатства народовъ“ мы находимъ уже цитированное выше мѣсто. Дѣйствительно ничего не можетъ быть легче, какъ собрать рядъ положеній, въ которыхъ обнаруживается вліяніе фізіократовъ на Адама Смита; главнымъ образомъ, это относится къ его утвержденіямъ, что капиталъ прилагается болѣе производительно къ земледѣлію, чѣмъ къ промышленности, а тѣмъ болѣе къ торговлѣ, и что внутренняя торговля создаетъ больше національнаго богатства, чѣмъ иностранная торговля. Смитъ былъ въ Парижѣ въ то время, когда Тюрго работалъ надъ своими „Réflexions“. Онъ былъ знакомъ съ фізіократами и ихъ произведеніями и собирался посвятить „Богатство народовъ“ Кенѣ, къ которому и къ сочиненіямъ котораго онъ относился съ особеннымъ уваженіемъ ¹⁾. Но во время своего продолжительнаго уединенія въ Киркальди онъ внимательно изучалъ ихъ доктрины и окончательно отвергъ нѣкоторыя изъ нихъ.

„Земледѣльческая система“, дѣйствительно, должна была возникать во всякой странѣ, земледѣльческой по преимуществу, на раннихъ стадіяхъ развитія экономическаго мышленія; Мы находимъ ее въ Испаніи раньше, чѣмъ во Франціи; Адамъ Смитъ иллюстрировалъ это положеніе примѣрами Египта и Индіи, а отъ Гаррета Дропперса²⁾ мы узнаемъ о совер-

---

¹⁾ Мнѣніе, утверждавшее, что онъ поддерживалъ дѣятельную корреспонденцію съ Тюрго, теперь уже опровергнуто. См. *Economist Journal*, мартъ 1896 г. стр. 166.

²⁾ *Proceedings of the Asiatic Society of Japan*, 1895.

шенно независимо отъ внѣшнихъ вліяній возникновеніи этой системы въ Японіи, мы знаемъ также, что примѣръ Китая такъ сильно подѣйствовалъ на воображеніе фізіократовъ, что они приходили въ восторгъ даже отъ правительственной формы Небесной Имперіи, которую Токвиль осмѣялъ, какъ нелѣбую и варварскую ¹⁾. Въ странахъ, подобныхъ Голландіи или Англіи, эта теорія была въ слишкомъ рѣзкомъ противорѣчьи съ дѣйствительными фактами коммерческой жизни страны, чтобы найти благопріятную почву. Экономическая наука восприняла большинство ученій фізіократовъ чрезъ посредство Адама Смита, причемъ нѣкоторыя изъ принятыхъ имъ фізіократическихъ положеній теперь окончательно отвергнуты, но многія еще продолжаютъ жить въ наукѣ. Глава младшаго Милля о производительномъ трудѣ, въ которой онъ причисляетъ къ „производительнымъ“ нѣкоторыя отрасли труда и потребности, признанныя полезными для всего общества, и его глава объ оборотномъ и основномъ капиталѣ въ той же книгѣ (кн. I. Principles of Pol. Econ.) доказываютъ намъ, какъ долговѣчны были нѣкоторыя изъ положеній фізіократовъ. Ихъ грубое раздѣленіе капитала: на земельныя первоначальныя и годовыя затраты (*avances foncières, primitives et annuelles*) въ зависимости отъ того, помѣщается ли капиталъ въ землю, основныя средства или орудія производства, или расходуется на годовое содержаніе и воспроизведеніе — свидѣтельствуетъ объ аналитическомъ и систематическомъ складѣ ума, благодаря которому они положили начало приведенію экономическихъ явленій въ органическую научную систему. Другія научныя заслуги ихъ теоріи, относящіяся къ общему направленію и методу политической экономіи, почти не поддаются спеціальному изученію, такъ они отождествились съ господствующей доктриной и воплотились въ ней. Духъ ихъ, которымъ проникнуты сочиненія Сэ и Гарнье, бывшихъ вдохнови-

---

¹⁾ Въ наше время Ле-Пле противопоставилъ поклоненію передъ „колеблющеюся Франціею нравственность Китая, какъ основаніе матеріальнаго благосостоянія и общественной неподвижности“.

телями Бастіа, до сихъ поръ поддерживаетъ оптимизмъ въ послѣдователяхъ французской классической школы, хотя и не всегда въ ихъ пользу. Біологія, раскрывъ „борьбу за существованіе“, „переживаніе наиболѣе приспособленныхъ существъ“ въ значительной степени подорвала основаніе построеннаго ими предположенія о томъ, что невмѣшательство должно привести къ общественному миру и гармоніи. Ихъ послѣдователи, защитники свободы, порою какъ-бы отказываются отъ наиболѣе цѣнной изъ всѣхъ свободъ, отъ свободной игры разума. Ограничиваясь иногда догматическими и анти-историческими разсужденіями, отпавляющимися отъ нѣкоторыхъ общихъ принциповъ, они не удѣляютъ достаточнаго вниманія видоизмѣненію соціальныхъ явленій, теряютъ подъ собою почву и въ научномъ отношеніи становятся на мертвую точку. Основатели школы находились подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ окружающей ихъ жизни. Находя, подобно Мальтусу, что лукъ слишкомъ натянута, они, пытаясь выпрямить его, слишкомъ натянули его въ другую сторону. Бѣдственное положеніе націи нуждалось въ переворотѣ, косвенные налоги преобладали и было многочисленны. Физіократы декретировали замѣну ихъ единымъ прямымъ налогомъ. Свобода хозяйственный дѣятельности была стѣснена. Они требовали полной экономической свободы. Государственное вмѣшательство было чрезмерно. Они взывали къ системѣ „Laissez faire!“ Ихъ защита экономической свободы опиралась на убѣжденіе, что природа могущественнѣе королей и министровъ и на признаніе естественныхъ, прирожденныхъ правъ человѣка пользоваться неограниченной свободой, поскольку она не нарушаетъ свободы другихъ. Въ противоположность Локку, Монтескье и Руссо, физіократы не хотятъ признать, что естественныя права человѣка видоизмѣняются въ соотвѣтствіи съ различными формами общественнаго договора. Передъ этими правами должно преклониться даже государство, и „Декларация правъ“, предшествовавшая Конституціи 1791 г., заимствуетъ у нихъ свою вторую статью, гласящую, что свобода, собственность и безопасность—неотчуждаемыя и неотъемлемыя права человѣка. Какъ ни фантастично

на первый взгляд ихъ предложеніе—ограничить королевскую власть неопредѣленными границами того, что выгодно націи или согласно съ разумомъ (*ordre naturel*), подъ страхомъ лишить ее права требовать повиновенія, тѣмъ не менѣе, такое ограниченіе въ принципѣ немногимъ отличается отъ конституціонныхъ ограниченій, налагаемыхъ на законодательство Соединенныхъ Штатовъ властью Верховнаго Суда (*Supreme Court*), между тѣмъ какъ экономическая исторія Англіи представляетъ намъ случаи протестовъ противъ королевскихъ привилегій, дарованныхъ торговымъ компаніямъ, занятымъ внѣшней торговлей на томъ основаніи, что монополіи являються нарушеніемъ „естественныхъ и человѣческихъ правъ“. Для того, чтобы иллюстрировать общественную полезность и святость договора, Монтескье сочинилъ басню о Троглодитахъ, первобытномъ народѣ, который отличался добродѣтелями и былъ счастливъ до тѣхъ поръ, пока у нихъ не явилось пренебрежительнаго отношенія къ исполненію обязательствъ, въ результатъ чего возникло взаимное недоверіе и наступила социальная анархія. Исходя изъ тѣхъ же соображеній, физиократы создали систему этическую и экономическую, части которой представляютъ двѣ стороны одного и того же явления. Еще до Бентама они выдвинули принципъ просвѣщеннаго эгоизма. Въ противоположность ученіямъ „*Private Vices Public Benefits*“ Мандевилля они находятъ, что каждый порокъ приноситъ вредъ обществу. Съ ихъ точки зрѣнія — содѣйствовать максимальному увеличенію чистаго продукта значило наиболѣе успѣшно дѣйствовать въ интересахъ всего общества. Для нихъ каждый поступокъ хорошъ или дуренъ, смотря по тому, увеличиваетъ ли онъ или уменьшаетъ, прямо или косвенно, благосостояніе общества; они утверждали, что каждый противообщественный поступокъ уменьшаетъ чистое богатство общества, тогда какъ каждый похвальный поступокъ увеличиваетъ его. Съ такой точки зрѣнія они должны были бы отвергнуть курьезный парадоксъ Бастіа, что государство вредитъ даже тогда, когда оно дѣлаетъ добро; но, подобно Адаму Смиту, они иногда слишкомъ приближаются къ доктринѣ, отождествляющей личный интересъ съ общественнымъ. Оставаясь въ мірѣ

реальных, а не идейных отношений, мы, пожалуй, должны будем признать, что мнѣніе Косса, будто они нанесли окончательный и рѣшительный удар теоріи экономическаго всемогущества государства, слишкомъ преувеличено. Во всякомъ случаѣ они не докапывались до корней экономическихъ и финансовыхъ отношений. Они показали, что налоги не всегда падаютъ на тѣхъ, на кого они налагаются, что государство страдаетъ отъ несправедливаго и неравномѣрнаго распредѣленія налогового бремени. А, главное, они выяснили что экономическое благосостояніе націи можетъ быть разрушено чрезмѣрными ограниченіями хозяйственной дѣятельности. Ихъ единый налогъ (*impôt unique*) могъ бы, по выраженію Вольтера, оказаться несправедливымъ налогомъ (*impôt inique*); но честно и горячо преслѣдуя свои цѣли, они смѣло боролись противъ дѣйствительныхъ несправедливостей и притѣсненій. Во время революціи, народъ требовалъ уничтоженія косвенныхъ налоговъ, но военные расходы помѣшали осуществленію этого проэкта. Современная Англія обнаруживаетъ значительное движеніе именно въ этомъ направленіи: болѣе 40% государственнаго дохода получается теперь отъ прямыхъ налоговъ, тогда какъ четверть столѣтія тому назадъ доля послѣднихъ составляла всего 25%.

Заключеніе торговаго договора съ Англіею въ 1786 г. является послѣднимъ важнымъ успѣхомъ физиократовъ въ области политики. *Corvées*, отдача налоговъ на откупъ и цехи (*jurandes*) были уничтожены во время революціи; вся земля, безъ льготъ и изъятій, подпала тогда обложенію.

Физиократы являются первою и въ то же время наиболѣе тѣсно сплоченною школою въ исторіи политической экономіи. Раздѣляя сами, а также возбуждая и въ другихъ горячій интересъ къ изученію экономическихъ причинъ и слѣдствій,—они стойко отстаивали занятую ими позицію; отличались смѣлостью и оригинальностью, иногда парадоксальностью, и оказали огромную услугу послѣдующимъ поколѣніямъ своими глубокими теоріями, которыя, подобно волнамъ, разлились по всему континенту. Земные владыки не гнушались обращаться къ нимъ за поученіями. И хотя

родина, для которой они писали и работали, до сихъ поръ еще осталась глуха къ одной части ихъ ученія, тѣмъ не менѣе, необходимо вспомнить, что Адамъ Смитъ и Питтъ, Гэскисонъ, Пиль и Гладстонъ только повторяли ихъ аргументы, когда они, къ счастью или несчастью Англїи, насаждали въ ней политику свободной торговли.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Примѣчаніе А.

Людовикъ XV, лично пожаловавшій Кенэ гербъ изъ трехъ зяютиныхъ глазокъ (*repsées*) съ девизомъ: *propter cogitationem mentis*, привыкъ обращаться съ нимъ фамиллярно, называя его *mon repenseur*. Но эти факты не даютъ намъ права предполагать, чтобы *le roi* фанейалъ сколько-нибудь интересовался экономическими ученіями Кенэ. Для современнаго писателя ясно, что выраженіе *mon repenseur* было просто шуткою короля надъ задумчивымъ докторомъ. Французскіе глаголы *raisonner*—подавать медицинскую (и въ особенности хирургическую) помощь и *raisonner* (думать) сами собой наводятъ на игру словъ. Однажды король обратился къ одному молодому сеньору, который возвратился изъ Англіи и которому нравилось рисоваться британскою флегматичностью, и спросилъ его: „*Eh bien! qu'est-ce que vous avez appris en Angleterre?*“ „*Sire*“ послѣдовалъ напыщенный отвѣтъ, „*j'y ai appris à raisonner*“. „*Des chevaux, sans doute*“, прибавилъ король. Это аналогичная шутка. Такого рода остроты были обычнымъ явленіемъ при дворѣ Людовика XV. Цврюльничъ, пускавшій кровь, величался *le seigneur (saigneur) barbier*.

Примѣчаніе В.

Réponse aux Docteurs modernes, ou Apologie pour l'Auteur de la Théorie des Loix et des Lettres sur cette Théorie. Avec la réfutation du système des Philosophes économistes. Par Simon-Nicolas-Henri Linguet MDCCLXXI, in 12-me vol I 300 pp. vol. II, 259 pp. является такою рѣдкостью, что нѣкоторыя свѣдѣнія о ней могутъ оказаться полезными. Экземпляръ этой

книги находится въ Bibliothèque Nationale въ Парижѣ, подъ литерой R. 21096—7 *). Эпиграфомъ Ленгэ взята выдержка изъ Ephémérides его противниковъ 1769, vol III Avertissement p. 16: „Il faut faire la guerre aux fous même quand ils deviennent furieux, et la leur faire bonne et vive, jusqu'à ce qu'on les ait mis dans l'impuissance de nuire“.

Онъ говоритъ: „Экономисты, т. е. аббаты, дворяне, часовщики (намекъ на Дюпона, который былъ сыномъ часовщика), провинціальные судьи и т. д. вдругъ вздумали объяснять мельникамъ, что они не умѣютъ молотъ (ироническое указаніе на экономическія мельницы),—народу, что у него слишкомъ большой запетить,—мелкимъ буржуа, что они оставляютъ слишкомъ много зерна въ отрубяхъ, и имъ рукоплескали.

„Отъ своей булочной они перешли къ юриспруденціи и къ законамъ. Рукою, еще запачканною въ тѣстѣ и муку, они осмѣлились прикоснуться къ нашему законодательству, пытаясь перестроить его. Когда увидели запачканныхъ въ муку Солоновъ, которые, оставивъ хорошо или плохо приложенные жернова, собирались перестроить весь политическій механизмъ—изумленіе было всеобщее, и имъ рукоплескали“ (ст. 9). Что касается до него самого, изучавшаго юриспруденцію, то онъ выведетъ на свѣжую воду эту высокомерную партію, которая такъ много говорила о необходимости уничтоженія предрасудковъ и вмѣсто того сама наплодила ихъ. Энциклопедическія дрожжи, пролежавшія тридцать лѣтъ, возбудили въ народѣ известное англійское возбужденіе. Когда появился великій энциклопедическій словарь, насталъ періодъ фанатизма. А когда правительство запретило Encyclopédie, на его мѣсто выступило жужжащее насекомое, получившее названіе экономіи, но, въ противоположность гусеницѣ, превращающейся въ бабочку, оно оказалась бабочкою, превратившеюся въ гусеницу, растерзавшей свои метафизическія крылья, пресмыкающуюся по землѣ, и ползущей по хлѣбу, который она грызла (стр. 13). Лучше старыя заблужденія, которыя, по крайней мѣрѣ, давали намъ жить, чѣмъ новыя, которыя насъ изводятъ. Тогда какъ Физиократы являются опасною, могущественною и популярною партіею и произведенія ихъ усилленно читаются, онъ не соблюлъ одной предосторожности: во время не создалъ партіи и не придалъ своимъ произведеніямъ окраски философскаго экстаза. Тщетно Дюпонъ протестуетъ противъ того, чтобы ихъ называли партіею. Ленгэ отвѣчаетъ: Вы не являетесь партіею? *Очевидность* (Evidence) на лицо: Ваши таинственные слова—физиократія, чистый продуктъ; Вашъ мистическій жаргонъ—порядокъ, наука, учитель; Ваши почетныя званія, которыми Вы награждаете своихъ патриарховъ; Ваши вѣнки, которыми Вы забрасываете въ провинціяхъ неизвѣстныхъ, но превосходныхъ людей—„знаменитаго“ Летрона, „замѣчательнаго“ Сень-Перави, „превосходнаго“ Трейльера (стр. 120) и т. д. Вы не представляете партію? У Васъ есть боевой кличъ, знамена, мученики, трубачъ (Дюпонъ), опредѣленнымъ форматомъ для Вашихъ книгъ и знаки, какъ у масоновъ (стр. 121). Вы не представляете секты?

*) Книга эта имѣется и въ Императ. Публичн. Библіотекѣ въ Сиб. Прим. П. С.

Нельзя задѣть кого-нибудь изъ Васъ, чтобы Вы всё не бросились къ нему на помощь. Вы всё превозносите и восхваляете другъ друга и нападаете и унижаете своихъ противниковъ, пользуясь для этого совсѣмъ недостойными выраженіями. Вдохновеннымъ тономъ Вы серьезно обсуждаете, въ какой именно день былъ начертанъ символъ Вашей вѣры, образцовое произведеніе—Tableau Oeonomique; символъ столь таинственный, что потребовались бы огромные фоліанты для его объясненія. Это точно Коранъ Магомета. Вы жаждете принести свою жизнь въ жертву Вашимъ принципамъ и толкуете о своей апостольской мисси (ст. 125). Вы нападаете на Галиани и на меня за то, что мы не благоговѣемъ передъ сифшными іероглифами, какіе представляетъ Ваше святое Евангеліе. Конфуцій начерталъ таблицу Y—King—изъ 64 законовъ, также соединенныхъ линіями, указывающими на эволюцію основныхъ элементовъ; и Ваше Tableau Oeonomique, по справедливости, можетъ быть сравнено съ нею, съ тою только разницею, что оно опоздало на триста лѣтъ. Оба одинаково непонятны. Таблица является надругательствомъ надъ здравымъ разсудкомъ, разумомъ и философіи со своими столбцами цифръ чистаго воспроизведенія, оканчивающихся постоянно нулемъ—превосходнымъ символомъ успѣховъ, которыми увѣнчались бы поиски простака, который вздумалъ бы разгадать эту премудрость.

Физиократы являются анабаптистами въ философіи, которые предлагаютъ убить людей для того, чтобы сдѣлать ихъ счастливыми. Голодовка—вотъ лучшее ихъ покровительство. Все исходитъ отъ земли. Поэтому, политическимъ идеаломъ является культура хлѣба. Но производительная хозяйственная эксплуатация невозможна безъ большихъ капиталовъ. Надо покровительствовать богатству. Но богатство—результатъ высокихъ цѣнъ. Поэтому покровительствуйте богатству. Богатство же порождается высокими цѣнами, которыя происходятъ отъ рѣдкости. Поэтому вывозите хлѣбъ, и морите народъ голодомъ. Ленгэ напечаталъ рядомъ Y—King и Tableau Oeonomique. Врядъ-ли нужно указывать на то, что онъ не понималъ тѣхъ экономическихъ доктринъ, надъ которыми пронизировалъ.

Докторъ Бауеръ привелъ нѣкоторыя выдержки изъ сатиры Ленгэ изъ Annales Politiques, 1778 въ своей статьѣ о Tableau Oeonomique,—Kené Economic Journal vol. 5. p. 19 March 1895.

Примѣчаніе С.

Послѣ того, какъ былъ прочтенъ курсъ этихъ лекцій, Clarendon Press и печатала „Lectures on Justice, Police, Revenue and Arms“ Адама Смита читанныя въ Глазговскомъ университетѣ, записанныя студентомъ въ 1763 г., и изданныя съ предисловіемъ и примѣчаніями Эдвиномъ Каннаномъ, Оксфордъ 1896. Издатель полагаетъ, что эти лекціи „наконецъ разсѣютъ мистъ о Тюрго“ (о томъ, что Адамъ Смитъ много разъ обланъ Réflexions Тюрго), и что онѣ дадутъ возможность „точно разобратъ въ томъ, что оригинальный умъ ав-

тора создалъ съ одной стороны изъ англійскаго, а съ другой изъ французскаго матеріала“. Каннанъ говоритъ: „Очевидно, что Адамъ Смитъ заимствовалъ отъ физиократовъ свою идею о необходимости построить схему распределения, и что онъ приспособилъ эту свою схему (совсѣмъ непохожую на схему физиократовъ) къ своей уже готовой теоріи цѣнъ“ стр. XXXI.

Авторъ этой книги по поводу изданія Каннана кратко коснулся отношеній между Адамомъ Смитомъ и физиократами. въ *Economic Journal* December 1896.

ЛИТЕРАТУРА.

I.

H. Taine, L'Ancien Régime, кн. V, Le peuple, 1875 (есть русский пер.); *R. Stourm*, Les finances de l'ancien régime; *C. Knies*. Введение къ изданной имъ перепискѣ Карла Фридриха Баденскаго съ Мирабо и Дюмономъ (Гейдельбергъ, 1892, два тома); статьи о Кантильонѣ *V. С. Джеванса* въ Contemporary Review, Янв. 1881, и *Г. Гинса* въ Economic Journal, Июнь 1891 г. и въ Quarterly Journal of Economics (Harvard U. S. A), Июль 1892; *L. de Loménie*, Les Mirabeau (Paris, 1889—91), *L. de Lavergne* Les économistes français du XVIII siècle; (Paris 1870). [*М. Ковалевскій* Происхождение современной демократіи, Москва, т. I (ч. III, гл. I Общественныя и политическія доктрины Франціи прошлаго столѣтія); *Н. Карневъ* Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII стол., С.-Петербургъ. 1879 г.; *К. Каутскій* Противорѣчія классовыхъ интересовъ въ 1789 г., (Сѣверный Вѣстникъ 1889 г., кн. 4, 5, 6; перепечатано въ «Очеркахъ и этюдахъ» Спб. 1896); *Н. Карневъ*, Исторія Западной Европы въ новое время, т. III.; *Г. Афанасьевъ* Уловія хлѣбной торговли во Франціи XVIII ст., 1892, Одесса; *Н. К. Бржежскій* Податная реформа. Французскія теоріи XVIII ст., С.-Петербург., 1888; *А. Гейссманъ* О сущности основнаго физиократическаго ученія и о значеніи его въ исторіи политической экономіи, Кіевъ, 1849.]

II.

Tableau Oeconomique (изданное по порученію Британской экономической Ассоціаціи Стэф. Бауеротъ, Лондонъ, 1894); *G. Kellner*, Zur Geschichte des Physiocratismus (Göttingen, 1847); *A. Ocken*, Oeuvres de Quesnay (Frankfort), 1888; *ею-же*, Die Maxime Laissez faire et Laissez passer, ihr Ursprung, ihr Werden (Berne 1885); *ею-же*. Zur Geschichte der Physiokratie въ Jahrbuch Шмоллера, за 1893 г.; *S. Bauer*, Zum Entstehung der Physiokratie въ Jahrbücher Конрада, за 1890 г. Авг.; *ею-же*, Quesnay's Tableau Oeconomique въ Economic Journal, 1895 г., Мартъ; *W. Hasbach*, Die allgemein philosophischen Grundlagen der von François Quesnay und Adam Smith begründeten poetischen Oeconomie (Leipzig, 1890 г.); [Франсуа Кенэ, выбранныя мѣста изъ его сочиненій, въ перев. А. В. Горбунова со вступительной статьей *А. Н. Миклашевскаго*. (Библиотекъ Экономистовъ, изд. Солдатенкова) Москва, 1896; *Г. М. Герценштейнъ*, Физиократы и классическая школа (Юридическій Вѣстникъ, 1889 г., кн. I, стр. 24—46); *А. И. Чупровъ*, Исторія политической экономіи; *Н. В. Вернадскій*, Очеркъ исторіи политической экономіи, С.-Петерб., 1858 г.]

III.

A. Stern. Das Leben Mirabeaus (Berlin, 1889); *A. Oncken* Der ältere Mirabeau und die öconomische Gesellschaft in Bern (Bern, 1886); *G. Schelle*, Du Pont de Nemours et l'École physiocratique (Paris, 1888); *E. Daire*, Les physiocrates (Paris 1846, 2 т.); *R. Reuss*, Ch. de Butré (Strasbourg, 1890); *L. Say*, Turgot (Paris, 1887); [*С. Муравьевъ*, Тюрго, его ученая и административная дѣятельность или начало преобразований во Франціи XVIII в., Москва, 1858 г., *Г. Аванасьевъ*, Главные моменты министерской дѣятельности Тюрго. Одесса 1884 г.; *Н. Шелуновъ* Тюрго (Русская Мысль, 1885 г. кн. 8). *Н. Кармевъ*. Новая биографія Мирабо. (Русская Мысль, 1891, 1 кн.)].

IV.

A. Emminghaus в Jahrbücher Конрада за 1872 г., *J. Rae* Life of Adam Smith (London, 1893); *A. Oncken* Ludwig XVI, und das physiokratische system в Zeitschrift für Litteratur und Geschichte der Staatswissenschaften, 1893 г.; *A. von Miaskowski* Isaak Iselin (Basle, 1875) *W. B. Hodgson*, Turgot: his life, Times and Opinions (London, 1870 г.)

V.

L. Cossa. Guide to the Study of Political Economy (London, 1890) *J. Kautz*. Die Geschichtliche Entwicklung der Nationalökonomik (Leipzig. 1868); *J. Ingram*, History of Political Economy (London, 1888, есть русск. перев.); *W. Roscher*, Geschichte der Nationalökonomik in Deutschland (Leipzig, 1874); ср. статьи Physiocrates во французскомъ словарѣ Сая и статью Physiocratische Schule въ нѣмецкомъ словарѣ, Конрада, Лексиса и Эльстера, и вообще статьи этихъ словарей, а также англійскаго Dictionary of Political Economy Пельгрэва объ отдѣльныхъ физиократахъ и пр. [Русскимъ читателямъ можно указать составленные болѣею частью специалистами статьи и замѣтки въ Энциклопедическомъ Словарѣ подъ редакціей Арсеньева и Петрушевскаго].

Gomel, Les causes financières de la revolution française; *A. de Tocqueville*, l'Ancien Régime; *L. Blanc*, Histoire de la revolution française, т. I; *G. Cohn* History of Political Economy (1894); *Hector Denis* в Annales de l'institut des sciences sociales (Брюссель, янв. 1896); *S. Feilbogen*, Smith und Turgot (Вѣна, 1892); *J. Bonar*, Philosophy und Political Economy (London, 1889); *W. Hasbach*, Les fondements philosophiques de l'économie politique de Quesnay et de Smith в Revue d'économie Politique (Сент. 1893).

СОДЕРЖАНІЕ.

I.

Возникновеніе школы.

Франція въ серединѣ вѣсенадцатаго столѣтія.—Соціальныя и финансовыя условія.—Злоупотребленія при ancien régime.—Политическая экономія до физиократовъ.—Буагильберъ.—Вобанъ.—Меркантилисты.—*Essai sur la nature du commerce en général*, Кантильона, 1755 г.—*L'Ami des Hommes* маркиза Мирабо, 1756.—Встрѣча Мирабо съ Кенэ, июль 1757 г. Происхожденіе школы 17

II.

Школа и ея доктрины.

Кенэ и его дѣятельность.—Статьи „*Fermiers*“ и „*Grains*“ въ *Encyclopedie*, 1756—57.—*Tableau Oeconomique*, 1758.—Производство, распределеніе и потребленіе богатства.—Общественная полезность капитала.—Философія: мораль, политика и экономика.—Экономическая политика.—*Produit net*.—Финансы.—*Impôt unique*.—Свобода торговли.—Политическій строй.—Личное вліяніе Кенэ.—Его смерть, 16-го декабря 1774 г. 20

III.

Школа и ея доктрины (продолж.).

Маркизь Мирабо.—Его жизнь и сочиненія.—Его руководительство послѣ Кенэ.—Дюпонъ-де-Немуръ.—Гурне—не физиократъ.—Происхожденіе максимы *Laissez-faire, laissez-passer*.—Заблужденія Дюпона по этому вопросу.—Мерсье-де-ла-Ривьеръ.—Бодо.—Летронъ.—Сень-Перави.—Абейль.—Рубо 36

IV.

Дѣятельность школы.

Вторники.—Journal de l'Agriculture.—Ephémérides.—Экономическія мельницы (moulins économiques).—Caisse de Poissy.—Иностранныя сношенія.—Карль Фридрих Баденскій.—Густавъ Шведскій.—Екатерина, императрица Россіи.—Леопольдъ Тосканскій.—Иосифъ II.—Карль III Испанскій.—Станиславъ Польскій.—Фердинандъ Неаполитанскій.—Дофинь.—Сочиненія Тюрго и его реформы.—Морелле.—Кондиллякъ.—Кандорсе.—Шлетвейнъ.—Ф. К. фонъ-Мозеръ.—Мовилтонъ.—Шмальцъ.—Кругъ.—Изелинъ.—Лонго 57

V.

Противники школы.

Форбонне, — Мабли. — Ле Песселье. — Ривьеръ. — Гиродъ.—Де-Казо —Тифо-де-ла-Ну.—Вольтеръ.—Галиани.—Грасленъ.—Неккёръ.—Ленгъ. — I. I. фонъ-Мозеръ. — Пфейфферъ. — Домъ. — Фонъ-Зонненфельсъ 74

VI.

Вліяніе школы.

Мѣсто фивіократовъ въ исторіи экономической теоріи Критическія замѣчанія Адама Смитта, Лаурердаля, Грея (или „Первза“), Макъ-Куллоха, Джемса Милля, Торренса.—Вліяніе школы на Мальтуса, Дюгальда Стюарта, Палея, Спенса, Прудона, Д. С. Милля и Генри Джорджа. — Отношеніе къ Сзю, Гарнье, Бастіа и къ современной французской школѣ. Заключеніе 90

Приложенія 109
 Литература 113
 Содержаніе 115

Въ 1899 г. изданіе „Образовательной Библіотеки“ будетъ преслѣдовать тѣ же задачи, что и въ текущемъ году. Общее руководство изданіемъ съ 1899 г. взялъ на себя П. В. СТРУВЕ. Предположительное содержаніе серіи 1899 г. таково:

Естествознаніе.

М. ТЕХВИНСКІЙ. Система и методъ современной химіи.
АРЧИВАЛЬДЪ. Жизнь земной атмосферы. Перев. съ англ.
Д. КРЖИВИЦКІЙ. Физическая антропология. Перев. съ польскаго (при содѣйствіи автора) С. Д. Романовскаго-Романько

Новое изданіе сочиненій

Чарльза Дарвина.

Въ это изданіе, кромѣ двухъ томовъ, вышедшихъ въ 1896 году, войдутъ еще два дополнительныхъ тома.

Составъ новаго изданія:

Томъ I (Вышелъ изъ печати). Автобіографія Ч. Дарвина. Пер. проф. К. ТИМІРЯЗЕВА.—Путешествіе вокругъ свѣта на корабль Бигль. Переводъ подъ редакціей профессора А. БЕКЕТОВА.—Теорія происхожденія видовъ путемъ естественнаго отбора. Перев. проф. К. ТИМІРЯЗЕВА.—Томъ II. (Вышелъ изъ печати). Происхожденіе человѣка и половой отборъ. Перев. проф. И. СѢЧЕНОВА.—О выраженіи ощущеній у человѣка и животныхъ. Переводъ подъ редакціей академика А. О. КОВАЛЕВСКАГО.—

Философія и психологія.

ЛИХТЕНБЕРГЕ. Нитцше и его философія.

ЛЕДДЪ. Очеркъ элементарной психологіи. Перев. съ англ. Н. Спиридонова.

Общественныя науки и исторія.

ГОССОНЪ. „Незработница“.

К. БРЕЙСИГЪ. Общественное развитіе главнѣйшихъ западно-европейскихъ народовъ съ 1500 г.

В. КЛЕЙ. Чахотка, какъ социальное явленіе. Пер. съ нѣм. съ дополненіями д-ра мед. А. Яродскаго.

Томъ III (Вышелъ изъ печати I выпускъ). Прирученныя животныя и воздѣланныя растенія. Пер В. КОВАЛЕВСКАГО, для новаго изданія переработанный профессоромъ М. А. МЕНЗБИРОМЪ и проф. К. А. ТИМІРЯЗЕВИЧЪ.—Томъ IV. Приспособленіе орхидныхъ къ оплодотворенію насекомыми.—Лазяціи растенія.—Насѣкомоядныя растенія. Перев. подъ ред. проф. К. А. ТИМІРЯЗЕВА.—Участіе дождевыхъ червей въ образованіи растительнаго слоя почвы

Подписная цѣна на все изданіе 6 р., съ пересылкой 8 р.

Допускается разсрочка:

	Безъ пересылки:	Съ пересылкой:
1-й взносъ	5 р.	6 р.
2-й „	1 р.	2 р.
Итого 6 р.		Итого . 8 р.

IV-й томъ высылается безплатно.

Желающіе подписаться только на 2 тома. (III-й и IV-й) вносятъ при первомъ взносѣ 2 р., при второмъ (по полученіи III-го тома) 1 руб., съ пересылкой 2 руб.

Первый и второй томы продаются за 4 р. 50 к.

ДЮРИНГЪ. Е. Великіе люди въ литературѣ. Критика современной литературы съ новой точки зрѣнія. Пер. съ нѣмецкаго Ю. М. Антоновскаго. Слб. Ц. 3 р. 50 к.

РЕЙКЕ. I. Очеркъ исторіи философіи. Пособіе для самообразованія и для студентовъ. Перев. съ нѣм. Н. Лосскаго, подъ редакц. Я. Колубовскаго. (Культор. вѣст. Библи). Слб. Ц. 1 р. 50 к.

СПЕНСЕРЪ, ГЕРБЕРТЪ. Происхожденіе науки. (The genesis of Science,

изъ Essays, Vol. 2). Перев. съ англ. Слб. Стр. 97. Ц. 30 к.

ДЕМОРЪ, МАССАРЪ и ФАНДЕРФЕЛЬДЕ. Регрессивная эволюція въ биологіи и социологіи. Перев. съ франц. подъ ред. Д. Корончевскаго и В. Фаусека. Слб. Ц. 1 р. 25 к.

НИТЦЕ, Ф. Народонаселеніе и общественный строй. Перев. съ франц. О. Н. Поповой подъ редакціей Д. Корончевскаго. Слб. Цѣна 1 р. 25 к.

ТОЙЛОРЪ, ЭДУАРДЪ Б. Первобытная культура. Исследование развитія мнѳологии, философіи, религіи, языка, искусства и общества. 2-е изданіе, исправленное и дополненное по третьему английскому изданію 1891, подъ редакціей Д. А. Корончовскаго, въ 2-хъ томахъ. Спб. Цѣна за оба тома 4 р.

ПРУГАВИЦЪ, А. С. Законы и справочныя свѣдѣнія по начальному народному образованію. Спб. 98. Ц. 3 р. 50 к.

Каталогъ дешевыхъ и общедоступныхъ книгъ. Составилъ С. А. Ч. До 3000 названій. Указаны одобред. М. Н. Пр. Ц. 20 к. Выдается за 4 семи коп. марки.

РЕКЛЮ, Э. Земля. Описание жизни земнаго шара. Переводъ безъ пропусковъ съ послѣдняго французскаго изданія. Ц. за всѣ шесть вып. 6 р. 70 к.

Содержаніе: Вып. I. Земля какъ планета. — Горы и равнины. 2-е изд. Ц. 90 к. — Вып. II. Круговоротъ воды на земномъ шарѣ. 2-е изд. Ц. 1 р. 30 коп. — Вып. III (печат), Подземныя силы. (Вулканы, землетрясенія, поднятія и опусканія почв.) Ц. 1 р. 10 к. — Вып. IV. Океанъ. Ц. 1 р. 10 к. — Вып. V. Атмосфера. II. 1 р. — Вып. VI. Жизнь на земномъ шарѣ. Ц. 1 р. 30 к. Каждый выпускъ снабженъ многоч. рис. и географ. картами.

РЕКЛЮ, Э. Земля и люди. Всемирная географія.

Вып. I. Швеція и Норвегія. Полн. перев. съ франц. П. Краснова. Съ 77 рис., съ прилож. очерка государственн. устройства и библиогр. указаніями. Спб. 1896 г. Стр. 252. Ц. 1 р.

Выпускъ II. Бельгія и Голландія. Полн. перев. съ франц. П. Краснова. Съ приложеніемъ очерка госуд. устройства обоихъ государствъ и статистическаго свѣдѣній, относящихся до Бельгіи и Голландіи, сост. Д. Протопоповымъ, и библиограф. указателемъ, 67 рисунк. 9 чертежей. Спб. 1897. Стр. 325. Цѣна 1 р.

Вып. III. Соединенные Штаты. Часть первая. Перев. съ франц. подъ ред. Н. Березина. 70 рисунковъ и 12 схематическихъ картъ въ текстѣ. Спб. 1898 г. Стр. 382. Ц. 1 р. 50 к.

Вып. IV. Соединенные Штаты. Ч. II. Переводъ съ француз. подъ ред. Н. Березина. Съ 41 рис. и 25 чертежами въ текстѣ. Приложенія: Очеркъ Государственнаго устройства, составленный Д. Протопоповымъ; библиографическій указатель книгъ и статей на русскомъ языкѣ о Соединенныхъ Штатахъ и географическая карта. Спб. 99 г. Ц. 2 р.

Книжный магазинъ для иногороднихъ О. Н. ПОПОВОЙ.

С.-Петербургъ, Невскій пр., № 54, (библ. Чернесова).

Высылаетъ иногороднимъ всякаго рода книги и учебныя пособія, опубликованныя въ періодическихъ изданіяхъ и каталогахъ другихъ фирмъ.

Принимаетъ подписку на всѣ періодическія изданія.

При требованіяхъ наложеннымъ платежемъ свыше 10 руб., необходимо представленіе задатка въ размѣрѣ четверти стоимости книгъ.

Во избѣжаніе недоразумѣній, необходимо точное обозначеніе названія книги, адреса заказчика и способа пересылки (почта, желѣзная дорога или транспортная контора).

Упаковка и пересылка за счетъ покупателей. Пересылка изданій О. Н. Поповой, исключая выходящихъ по подпискѣ, за счетъ магазина.

БЕЗПЛАТНО

по требованію высылается каталогъ картинъ для волшебнаго фонаря, подробный каталогъ изданій и проспектъ о подпискѣ на „Естественно-историческій атласъ“.

Digitized by Google

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine of five cents a day is incurred
by retaining it beyond the specified
time.

Please return promptly.

OCT 10 5TH